

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**Институт научной информации
по общественным наукам**

В.М.Шевырин

**Власть и общественные организации в России
(1 9 1 4 – 1 9 1 7)**

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

**Москва
2003**

ББК 63.3(2) 524
Ш 381

Серия
«История России»

*Центр социальных научно-информационных
исследований*

Отдел отечественной и зарубежной истории

Ответственный редактор – к.и.н. *А.А.Твердохлеб*

Шевырин В.М.

Ш 381

Власть и общественные организации в России (1914–1917): Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отдел отеч. и заруб. истории. – М., 2003. – 152 с. – (Сер.: История России). – Библиогр.
ISBN S-248-00244-3

В обзоре рассматривается новая литература, освещающая взаимоотношения власти и общественных организаций в России в годы Первой мировой войны. Показаны деятельность Земского и Городского союзов, Земгора, военно-промышленных комитетов, их большой вклад в военные усилия страны, эволюция сотрудничества и борьбы общественности и власти в 1914–1917 гг.

ББК 63.3(2)524

*Работа выполнена при поддержке РГНФ.
Проект № 02– 01– 00377а*

ISBN S–248–00244–3

© ИНИОН РАН, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
«Единение» власти и общественности	29
Сотрудничество и борьба	56
Самоубийственная конфронтация	93
Заключение	129
Список литературы	132

ВВЕДЕНИЕ

Взаимоотношения власти и общественных организаций, возникших в ходе Первой мировой войны, — организаций, внесших колоссальный вклад в военные усилия России и оказавшихся на авансцене политической борьбы в поистине судьбоносные для страны годы, — захватывающая, головокружительная тема. Она несет в себе мощный заряд идей, устремленных в самый эпицентр современности, который своей непредсказуемо грозной тектоникой уходит в 1914 год.

Светлые умы среди россиян уже в том роковом году осознали новый, трагический отсчет времени, который начала мировая история. П.Б.Струве пророчески писал: «Произошла историческая катастрофа. Волны истории несут нас к новым берегам...» (256, с. 68). Ему вторил С.Н.Булгаков: «Мы катастрофично вступаем в новый период истории» (159, с. 89).

И этот новый период продолжается. По крайней мере многие историки резонно считают, что человечество, вступив в годы Первой мировой войны в новое историческое измерение, не прошло до конца этот цикл (140, с. 21–25). По мнению академика Ю.А.Полякова, и ныне «выстрел в одной стране может всколыхнуть регион и охватить весь мир» (148, с. 11).

Не без влияния этой реальности буквально на наших глазах возник и катится огромный вал литературы о Первой мировой войне, смысл которого — выведать у прошлого истину современности. Но, кроме того, это — дань поколению Первой мировой, ее героям и жертвам, дань, десятилетиями сдерживавшаяся порождением войны — революцией, гражданской войной и их идеологическими последствиями, затем еще более отодвинутая в историческую тень новой катастрофой — Второй мировой войной. Об этой лавине литературы о Первой мировой

войне историки еще совсем недавно и помыслить не могли. В России «Великая война погружена в молчание», остается для россиян «как бы неизвестной», — сокрушались и отечественные, и зарубежные ученые (223, с. 49, 58, и др.). В 2000 г. А.И.Уткин назвал одну из своих книг почти в духе У.Черчилля — «Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне» (273). Теперь в стане историков этой войны царит необычайное оживление. А началось все со шквала различных конференций, симпозиумов, коллоквиумов, посвященных 80-летию мировой катастрофы (99, 179, 180, 182, 183, 221, 223 и др.).

Ныне ученые, кажется, следуют словам П.Б.Струве, сказанным в начале войны: «...Все-таки и в этом огромном крушении есть только один способ ясного видения вперед — это историческое знание» (256, с. 68). Историческому знанию свойственно приращение и развитие в тесной связи с событиями современности. В нашей «глобалистской» реальности, в которой человек все более делается «гражданином мира», а народы и страны неизбежно втягиваются, несмотря на порой их резкое попятное движение, в общий «тигель» мировой цивилизации — это историческое знание развивается в связи с общемировыми, знаковыми событиями.

Многих историков Первая мировая война привлекает, прежде всего, как рубежный момент европейской цивилизации, ознаменовавший конец XIX века — века консерватизма, стабильности и просвещения, и начало XX века — века великих революций и мировых войн, массовых технологий, массовых движений и массового террора (96), который расправил свои корявые члены и шагнул в XXI столетие.

Американский исследователь Д.Орловски уверен, что большинство нынешних экономических, политических, этнических, духовных и моральных проблем России «проистекают из Великой войны» (165, с. 52). Судьба России с начала прошлого века действительно туго завязана историческим узлом — войной-революцией. В него неразрывно «вплелись» общественные организации и практической — военно-хозяйственной — стороной своей деятельности, и политической. И в той, и в другой области они сотрудничали с властью и одновременно находились в оппозиции к ней. Общественные организации служили потребностям войны и тем поддерживали и власть. Но они и ослабляли ее своей растущей мощью, потому что находились с ней в перманентных коллизиях по все расширяющемуся кругу военно-хозяйственных предме-

тов, а потом и по политическим вопросам, нередко вторгаясь в ее компетенцию. Этим они вольно или невольно «работали» на революцию.

Роковая связь между войной и революцией в полной мере многими из общественных деятелей была осознана только в самый разгар войны, когда в ходе тяжелых поражений на фронтах, начавшейся хозяйственной разрухи и дороговизны, усугубившихся тягот военного времени, среди гула войны они начали различать, наконец, грозный ропот поднимающегося Ахеронта. Член Государственной думы кадет А.И.Шингарев, не ведая всей глубины этой опасности, еще в сентябре 1915 г. в пору съездов Земского и Городского союзов публично пускался в оптимистический, как казалось ему, исторический экскурс: «После севастопольского грома пало русское рабство. После японской кампании появились первые ростки русской конституции. Эта война приведет к тому, что в муках родится свобода страны, она освободится от старых форм и органов власти» (164, с. 9).

Почти теми же словами спустя десять лет это скажет, уже в эмиграции, но уже с привкусом политической горечи известный общественный деятель, руководитель Союза городов, бывший московский голова Н.И.Астров. Его свидетельства очень ценны. С.В.Бахрушин, представитель видной купеческой семьи, член Московской городской думы, редактор «Вестника Всероссийского союза городов» и член Главного комитета этого союза, а впоследствии известный историк, член-корреспондент АН СССР, не без основания утверждал, что «политическую физиономию Московской городской думы делал Н.И.Астров... Москва вела за собой всю Россию, Н.И.Астров вел за собой Москву» (337. Оп. 1. Д. 2. Л. 1). Астров в своем эмигрантском «бесте» считал, что корни русской революции лежали в глубинах русской истории. «Недоразумения между властью и страной сказывались весьма болезненно при всяком кризисе, при всяком напряжении народной жизни. В этом отношении особенно показательны войны, которые вела Россия. Они — испытание и правительству, и народу. Война 1914 г. остановила развитие страны на всем ходу. Вся энергия страны, все силы ушли на ведение войны на истощение. С первых же ее дней союзники предъявили требования чудовищные и непомерные. Требования эти росли и множились. Началась бесконечные мобилизации для пополнения безжалостно истреблявшейся живой силы армии. Шло быстрое истощение несметных богатств России. Страна оказалась потревоженной во всех ее самых глубинных составных частях. Каждая семья была потревожена, населе-

ние — сдвинуто с мест. Из недр страны 15 миллионов было собрано на фронтах. Человеческие массы — сорваны с насиженных мест и выброшены с территории войны в глубь страны. Произошло великое переселение народа на великом пространстве великой России. Могло ли все это пройти даром».

Опубликованные документы, мемуары и письма раскрыли весь ужас и всю трагедию безвластия на самой вершине русской государственной пирамиды.

И пирамида эта рухнула. А «сметенный на линии фронта вооруженный народ ринулся назад грабить и растаскивать свою собственную страну. Обозленный лживой агитацией, он топтал и уничтожал ту культуру, которая была чужда ему и внешне, и внутренне... Веками культивированное бесправие создало реакцию на него в виде революционного погрома. В результате — торжество нового бесправия и насилия в виде пресловутой диктатуры пролетариата, насажденного порождением марксизма».

Говоря о себе, об общественных деятелях, либералах, Астров постфактум заявлял: «Мы видели и понимали, как задолго до революции слагались грозные недоразумения между властью и народом, между правящим классом и Россией, и что мы предвидели роковые последствия этих роковых недоразумений и вся наша политическая деятельность имела целью предупредить и предотвратить катастрофу. Мы были между властью и группами, готовившими революцию и мы участвовали в создании противоборствующих революции сил» (332. Оп. 1. Д. 27. Л. 1-3). Но это предполагало и оппозицию власти уже потому, что «анархия начиналась сверху» (22, с. 59).

Катастрофа все же произошла. И Астров объясняет, почему: «На вопрос: как это могло случиться с нашей Россией, покойный Ф.Ф.Кокоскин на другой день после начала революции писал: “История революций всюду одинакова. Там, где после переворота живые силы страны сумели сохранить единение, революции были “достолавными” и вели к быстрому и прочному утверждению порядка. Там, где наступал разрыв между партиями и классами, дело непременно кончалось крушением свободы и возвращением к той или иной форме безответственного управления. Было бы великим и непоправимым несчастьем, если бы мы проделали сейчас тот пагубный путь, от которого нас предостерегает печальный опыт других народов, — путь, идущий от освобождения через междуусобную войну к новому порабощению”. И мы проделали весь

этот путь. Слова убитого большевиками Кокошкина сбылись» (332. Оп. 1. Д. 27. Л. 3).

Но все это уже — «ретроспекция», а в годы войны многие либералы — шингаревы и астровы — долго надеялись на «единение» живых сил страны. Они сильно обманулись в своих надеждах. Но в России были и истинные провидцы. С.Ю.Витте, П.А.Столыпин, П.Н.Дурново, А.С.Изгоев — предостерегали против войны, убежденные, что она кончится крахом для «исторической власти». О печальном для власти финале писали также В.О.Ключевский, К.Н.Бальмонт и другие российские «нострадамусы». А Н.А.Бердяев еще в 1907 г. сделал прогноз, что «когда в России настанет час настоящей революции, то победят большевики» (29, с. 135).

Историки почти уже столетие ломают копья, сшибаясь в мнениях о российской революции, которая, по определению современного американского историка Роберта Даниэла, «без сомнения является центральным событием в истории России XX в., а также одной из основных тем в современной мировой истории» (71, с. 92).

Естественно, что к ней и в отечественной, и в зарубежной историографии традиционно высокий интерес. В нашей литературе это сочетается с настоящим бумом (в исследованиях) проблематики Первой мировой войны. Участию же России в этой войне «историки Запада уделяли крайне мало внимания» (199, с. 570).

Но это больше касается чисто «батальной» тематики. Об «историографических ножницах» применительно к интерпретации связи войны и революции, различных «сюжетов» периода войны, и в том числе деятельности общественных организаций, говорить не приходится, — их история все чаще становится объектом исследования ученых. Проблема «общество и власть» в истории России XX века «вызывает повышенный интерес отечественной и зарубежной науки, занимает особое место в идеологических исканиях российской интеллигенции, в умонастроениях широких слоев российского общества, в политической борьбе партий и течений в современной России» (162, с. 5). Интерес же к истории общественных организаций, возникших в начале XX в., вполне оправдан и потому, что ими «накоплен уникальный опыт новых отношений общества и власти, который может пригодиться сегодня, когда проблема развития гражданского общества и российской государственности вновь становятся в число первоочередных...» (242, с. 4).

Генерал Н.Н.Головин, книги которого сейчас так охотно переиздают, среди появившихся во время войны общественных организаций считал нужным назвать на первом месте «объединение земств под именем Всероссийского земского союза (ВЗС) и объединение городских самоуправлений под названием Всероссийского союза городов (ВСГ)». Для него было несомненным, что польза от «напряженной самодеятельности общественных кругов была очень велика». В полной мере он относил это и к деятельности военно-промышленных комитетов (ВПК): «Даже строгие критики нашей общественности все-таки вынуждены признать большую заслугу перед родиной ВПК». Они принесли «в деле снабжения армии колоссальную помощь военному ведомству» (64, с. 168–169, 236).

Первый историограф этих общественных организаций М.Д.Загряцков уже в 1915 г. — через год после их образования — называл союзы «интереснейшими социальными организациями», имеющими «чрезвычайно важное значение, так как они являлись признанным центром общественной самодеятельности, группирующим около себя живые общественные силы, и единственной формой, в которой допускается деятельное участие русского общества, как такового, в переживаемых великих событиях» (84, с. 7, 23).

Большую работу проводил ВЗС: за два с половиной года санитарные поезда Земского союза перевезли 2,5 млн. больных и раненых. За 38 месяцев войны расходы союза составили около 2 млрд. руб. (195, с. 267–268). Вел громадную практическую работу и Городской союз (22, с. 49).

Впечатляющими были успехи ВПК (242, 306), на долю которых приходилось 10–11 % поставок в войска вооружения и снаряжения.

Но такая работа была лишь одной из составляющих деятельности этих общественных организаций. По словам А.И.Гучкова, военно-промышленные комитеты проделали эволюцию от мирной, деловой, промышленной организации до того, что были вынуждены включить «в основной пункт» своей программы политический переворот (69, с. 113–114). В середине октября 1917 г. и Астров на VII съезде ВСГ заявлял, что «Союзы сыграли видную роль в деле освобождения от самодержавия» (23, с. 1).

В современной литературе высказывается мнение, что эти организации уже осенью 1915 г. оказались «во главе оппозиционного движения прогрессивной общественности» (76, с. 48).

Тогда, в разгар войны, для всех была очевидна лидирующая оппозиционная роль общественных организаций. Уже 28 февраля 1915 г. министр внутренних дел Н.А.Маклаков на заседании Совета министров говорил о Всероссийском земском союзе: «Дело в союзе стоит неблагополучно. Хотел уточнить его положение, не допуская государства в государстве... Вся Россия сталкивается с союзом. Компания во многих смыслах темная...» А 2 сентября министры — А.В.Кривошеин и другие — в один голос возмутились: «Всюду общественные деятели и Земский союз с Львовым. Он председателем Совета министров фактически делается...» (245, с. 140, 257).

В конфиденциальном письме 30 декабря 1916 г. одного из лидеров правых монархистов Н.Н.Тихановича Николаю II утверждалось, что «Главный комитет союза земств и городов, руководимый Львовым, Челноковым, Астровым и другими, пользуясь попустительством властей, открыто готовит государственный переворот». Правые предлагали «разогнать московскую шайку и составить Главный комитет союза земств и городов из лиц по назначению от правительства..., объявить все союзы на военном положении...». Они хотели, чтобы «с высоты трона раздался голос, строго осуждающий преступную деятельность эту, с указанием, что ради достижения скорейшей победы подобная деятельность будет нещадно преследоваться до расстрела включительно» (201, с. 490, 596, 604–605).

Левые тоже пристально вглядывались в эту мощную оппозиционную силу. И они не могли не считаться с ней. А.Г.Шляпников писал об их «громадном значении в делах обслуживания нужд войны». Земский и Городской союзы и военно-промышленные комитеты объединили вокруг себя всю так называемую “цензовую” часть России. Им удавалось и «черпать организаторские силы из среды демократической интеллигенции, а через нее иметь опору и в самой толще народа» (299, с. 277). В сентябре 1915 г. Мартову даже казалось, что «новая борьба за власть начата... при гегемонии торгово-промышленной буржуазии» (143, с. 55–61, 63). То, что либеральная буржуазия своей оппозицией самодержавию способствовала его низвержению, признавал и такой ее неистовый критик, обличавший ее «контрреволюционность» и тяготение «к сделке» с царизмом, как В.И.Ленин (126).

Таким образом, словно бы и нет никаких сомнений, чтобы рассматривать в настоящем обзоре именно эти общественные организации. Несколько настораживает лишь тот факт, что в фундаментальной книге

А.С.Тумановой «Самодержавие и общественные организации в России 1905–1917 гг.» (265) ни разу не упоминаются ни ВЗС, ни ВСГ, ни ВПК, ни их лидеры — Г.Е.Львов, М.В.Челноков, Н.И.Астров, П.П.Рябушинский и др. Не упоминаются они и в книге «Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия» (43). И вот почему. А.С.Туманова пишет, что в дореволюционной литературе для обозначения добровольных объединений использовались термины: «общества», «ассоциации», «частные общества», «общества частной инициативы». Термин «общественный» трактовался как негосударственный, небюрократический, в силу чего под общественными организациями в то время, помимо собственно добровольных обществ, понимали также органы местного и даже сословного самоуправления. Еще в 1904 г. в материалах Особого совещания, призванного унифицировать нормальные уставы обществ, общественные объединения подразделялись на две основные группы: союзы публично-правовые (к ним относились местные и сословные органы самоуправления) и союзы частно-правовые, под которыми понимались общественные организации в теперешнем смысле слова, определяемые как «союзы лиц, основанные на начале свободного соглашения для достижения объединенными силами общих целей» (265, с. 5). Автор, взяв за основу определение общественных организаций, данное А.Д.Степанским, как добровольных, самоуправляющихся, надлежащим образом оформленных объединений граждан, регулярно действующих для достижения определенных политических, социально-экономических и культурных целей непроизводственного и некоммерческого характера (254, с. 5), оставляет в стороне общественные организации публично-правового характера (265, с. 6–7).

Парадоксально, но современные исследователи А.А.Ярцев (Россия) и К.Мацузато (Япония) высказывают «скептический взгляд на роль земств в модернизационном процессе» именно в связи с тем, что земства были и публичным институтом местного само-управления, и тем, что в годы войны «в отсутствие сильного правительственного механизма контроля и координации, делегирование земствам государственных полномочий стимулировало их местническое настроение» (87, с. 36).

В.В.Куликов тоже исследует проблему контроля (113). Его основная идея — «о необходимости и правомерности административного контроля за местным самоуправлением», благотельность которого для страны, по его мнению, доказана всей историей местного самоуправления и власти, и здесь он в определенной мере идет за Л.Е.Лаптевой

(122; 123). А раз этого контроля нет, то нет, по существу, и самоуправления. «Земгор, — пишет В.В.Куликов, — уже находится вне проблемы истории развития местного самоуправления...». Объясняется это так. В годы Первой мировой войны политизация ряда земств достигает своего предела. Часть земских деятелей, объединенных в Земгор, мыслит категориями общегосударственными, требуя ввести в состав правительства своих представителей, отстаивая свои «сферы влияния». Демаркационная линия стала обязательной и для земств, и для бюрократов. В тех случаях, которые были определены для земств, они действовали вполне самостоятельно. Вот в этой самостоятельности В.В.Куликов и усматривает «негатив» для самоуправления, а потому и вовсе отказывает Земгору в «принадлежности» к самоуправлению.

Специалист по истории земства А.Н.Верещагин не ригористичен. По его мнению, четкий водораздел между управлением и самодержавием уловить трудно, и он скорее — в представлениях самого исследователя, который берется определить эту грань между самоуправлением и управлением (37, 146). Пафос же книги В.В.Куликова — в современности. Автор убежден, что «исторический опыт должен преломляться в практике современности». Он считает, что эта практика не создает необходимых условий для полноценного и продуктивного развития местного самоуправления (113, с. 5, 236, 238).

Известный специалист по истории земств В.Ф.Абрамов в статье «Объединение российских земств», посвященной ВЗС, как бы отвечает А.А.Ярцеву, К.Мацузато и В.В.Куликову. Он четко указывает, что Земский союз представлял собой общественную организацию, занимающую самостоятельное положение благодаря единству органов, осуществляющих земские цели в национальном масштабе. Вступление в союз совершалось добровольно. Но автор учитывает, что служащие ВЗС выполняли важные функции, имеющие непосредственное отношение к обороне страны и, следовательно, могут быть отнесены к должностным лицам. В то же время их деятельность была связана с общественной организацией, выделенной из общего административного аппарата. Автор считает, что работа в ВЗС — это особый род службы, который «трудно подвести под категорию государственной (хотя ей, несомненно, присущ публично-правовой характер). Применяясь к терминологии права, мы назовем этот вид публично-правовой деятельности общественной службой» (4, с. 127–128).

Аналогичным было и положение ВСГ. Что касается ВПК, то они были юридически признаны законом 27 августа 1915 г. и имели более тесные контакты с органами государственного управления в связи с функцией содействия правительственным учреждениям в деле снабжения армии и флота всеми необходимыми предметами снаряжения и довольствия, «путем планового распределения сырья и заказов, своевременного их выполнения, установления цен и т.п.». Но они не теряли своего общественного характера.

Все эти организации нередко действовали совместно. Земгор, возникший почти одновременно с ВПК и выполнявший ту же роль снабжения армии, в практических вопросах был постоянно близок ВПК.

В состав «другой стороны» — власти — входит «помазанник Божий» — Николай II, его правительство, Государственная дума и Государственный совет, Ставка, властные структуры в центре и на местах. В России имела влияние и камарилья, которую историк И.В.Лукоянов определяет как «неофициальные влияния безответственных “людей из ниоткуда”, парализующие большую деятельность управленческого аппарата» и которые во время Первой мировой войны «явно выходили из-под контроля верховной власти» — камарилья совершала свое победное шествие (134, с. 231, 238).

Современная литература о взаимоотношениях общественных организаций и власти в сравнении с предшествующими работами по этой теме не только отличается существенным количественным приростом — она и качественно новая, хотя и тянет за собой шлейф многих прежних оценок и нерешенных проблем.

Об историографии 1920 — начала 1990-х годов есть материал в книгах и статьях М.Ф.Юрия, В.Ф.Абрамова, С.Л.Сергеевой, И.М.Пушкаревой, Н.А.Шубина, В.М.Шевырина, С.В.Куликова, Н.Д.Судавцова и других исследователей (3, 4, 5, 114, 209, 242, 257, 290, 292, 302, 305, 306). Новизна изданий середины 1990-х — начала 2000-х годов сказалась уже в том, что впервые появились обобщающие исследования о земских и городских союзах, о ВПК, о российском земстве, работы о московском земском и городском самоуправлениях, ряд диссертаций о местных самоуправлениях и ВПК (3, 53, 85, 87, 133, 188, 242, 257, 300, 314 и др.). Необычайно мощное развитие в 1990—2000-х годах получило изучение состояния высшей власти и бюрократии. Это развитие связано прежде всего с именами Б.В.Ананьича (13, 14,

110), Р.Ш.Ганелина (54, 55, 56, 57, 58), М.Ф.Флоринского (56, 57, 275, 276), С.В.Куликова (114, 115, 116), А.В.Островского (166).

С 1990-х годов стали публиковаться мемуары деятелей общественных организаций, представителей высшей власти (21, 22, 67, 68, 72, 95, 135, 157, 191, 213, 261, 304,) выходят в свет исследования о них (109, 195, 207, 238, 289, 295), печатаются документальные материалы, отражающие взаимоотношения власти и общественных организаций (162, 176, 201, 206, 245, 309 и др.).

В это же время впервые приняло активную форму сотрудничество российских и зарубежных историков, что выразилось в проведении многих совместных конференций и в публикациях различных сборников работ (15, 87, 129, 151, 214, 223, 224, 228), в которых прежняя идеологическая конфронтация сменилась обсуждением научных проблем в духе академической тональности, в том числе и вопросов взаимоотношения власти и общества. Это – отражение перемен, происходящих в России, и свидетельство объективной потребности развития исторической науки в едином, общемировом русле.

Главное, что характеризует издания последнего десятилетия – это их внутреннее содержание – новизна многих идей и интерпретации фактов, событий, деятельности людей и организаций.

К истории земского самоуправления интерес ученых никогда не угасал, а ныне деятельность земства, и особенно периода Первой мировой войны, привлекает их пристальное внимание, причем акцент делается именно на взаимоотношениях власти и земства. Безусловно, особняком среди всех публикаций стоит книга «Земский феномен: Политологический подход», написанная коллективом авторов (К.Мацузато, А.А.Ярцев, В.Ф.Абрамов) под редакцией профессора Центра славянских исследований университета Хоккайдо (г. Саппоро) К.Мацузато (87). Цель сборника, по словам японского ученого, «заключается в исследовании земств с политологической точки зрения». Однако не соглашаясь с традиционным, узко-политическим пониманием земств как «питомника российского либерализма», авторы сборника «ставят на обсуждение проблему значения земской деятельности в целом для модернизации российского общества и судьбы царизма» (87, с. 7). Чрезмерное увлечение российских историков, особенно в 1980-х годах, региональной историей земств, причем почти исключительно социально-хозяйственной деятельностью земств, вызывают у авторов стремление «преодолеть обе крайности» – слишком узкое понимание земства как «питомника российского

либерализма», с одной стороны, и слишком «диффузное представление о земстве, когда достижения земств оцениваются только с помощью социальных индикаторов», с другой. К.Маццато объясняет читателям, как мыслится это преодоление: касаясь практических аспектов земской деятельности, таких, как взаимодействие земства и государственных органов, межрегиональные объединения земств и их роль в тотальной мобилизации ресурсов во время Первой мировой войны, «сборник имеет целью анализ политических последствий этой деятельности» (87, с. 8). Характерно, что этот анализ связывается с необходимостью преодоления поляризации и в дебатах по проблеме жизнеспособности царизма. На одном полюсе — «пока еще влиятельная ревизионистская школа», которая считает, что царизм был структурно нежизнеспособным. Однако эта школа во главе с Л.Хеймсоном «склонна отождествлять политическую деятельность с многочисленными митингами и демонстрациями». Известна и до значительной степени убедительна критика Р.Пайпсом подобного представления о политических феноменах. Однако понимание им «политических феноменов как сознательного взаимодействия профессиональных политиков не выдерживает критики ввиду его традиционности. Таким образом, североамериканская историография также нуждается в преодолении обеих крайностей — слишком диффузного представления ревизионистов о политической деятельности и слишком узкого ее понимания Пайпсом» (87, с. 8).

В сборнике на конкретном материале делается попытка преодолеть эти две «полярности», причем его авторы подчеркивают, что проблема «земство и государственная власть» сразу же была поставлена в общественной мысли России в разряд «самых значительных и не теряла своей актуальности вплоть до революции» (87, с. 17).

К.Маццато и российский историк А.А.Ярцев рассматривают появление «ревизионистской» историографии земств как крутое изменение ярко выраженного научно-методологического характера, произошедшего в западной историографии в начале 1980-х годов. Оно связано с появлением в 1982 г. сборника статей «Земство в России: Эксперимент местного самоуправления» (331). «Ревизионисты» критиковали либеральное кредо о том, что политическая ситуация в Российской империи накануне Первой мировой войны была более или менее благодатной и царизм распался по причине мировой войны и слабости руководства верховной власти. Они искали причину распада царизма в социополитической структуре российского общества. Поэтому «демифологизация

земств, которые традиционно считались якобы либеральным, модернизирующим страну институтом, оказалась необходима «ревизионистам» для оправдания своей позиции».

В «ревизионистском» сборнике были затронуты проблемы: отношения земства с центральной и местной администрацией (К.Е.Маккензи, Р.Т.Маннинг, Т.Фэллоуз), крестьянством (Д.Аткинсон), третьим элементом (Р.Е.Джонсон), политика земств в области образования (Д.Брукс), медицины (С.Рамос, Н.М.Фриден), роль Всероссийского земского союза (У.Глисон). Эти авторы проводили в сборнике идею отказа от либерального мифа о земстве как инструменте социальной интеграции.

К.Мацузато и А.А.Ярцев считают недостатком многих статей смелость суждений при скудной источниковой базе. Но они, объективно оценивая его, пишут, что, тем не менее, сборник «положил краеугольный камень в развитие западной историографии о земстве в последующие 20 лет, установив модельный стиль исследования: на основе анализа профессионально-хозяйственной деятельности земств дать политическую характеристику царского режима и российского общества» (87, с. 29).

Собственно, модельного стиля придерживаются и сами критики «ревизионистов» и их соратники — С.Серегны и И.Герасимов (87, с. 29—31; 327), анализируя практическую деятельность земств, они «ставят политический диагноз российскому обществу». Их диагноз отличается от диагноза «ревизионистов». Они не разделяют «онтологического понимания причин революции 1917 г., считают важным период Первой мировой войны для оценки потенциальной жизнеспособности царского режима» и др. (87, с. 30—31).

Л.Хеймсон и его соратники — наиболее последовательные оппоненты идеи связи войны и революции. Используя методiku французского ученого Фернана Броделя, рассматривавшего динамику исторического процесса как отражение взаимодействия длительных и кратковременных факторов, Л.Хеймсон исследует социальное, экономическое и политическое состояние России. Он полагает, что сочетание этих факторов — взаимодействие структур, конъюнктур и событий — привело к кульминации кризиса 1917 г. Причем, по мнению Л.Хеймсона, «не имеет смысла рассуждать о том, как могли бы развиваться события, если бы Россия не была втянута в мировую войну, по крайней мере, это не является серьезным занятием для историка» (279, с. 4, 14; 278, с. 32—33).

Американский ученый Ц.Хасегава хотя и признает, что за последние три десятилетия так называемые историки-ревизионисты Запада представили впечатляющий набор исследований, в которых убедительно показано, что царский режим нес в себе такие неразрешимые внутренние противоречия, которые никак не могли исчезнуть сами по себе, тем не менее, подчеркивает, что «существование этих противоречий вовсе не делало революцию неизбежной. В отличие от Л.Хеймсона, считающего что Первая мировая война не изменила существенно природу этих противоречий, мне представляется, — пишет историк, — что она оказала на революцию самое непосредственное и решительное воздействие, сыграла роль ее своеобразного детонатора» (268, с. 95).

Коллега Ц.Хасегавы О.Файджес критически отозвался о концепции Л.Хеймсона, полагая, что она «является либеральным аналогом или зеркальным отражением марксистской схемы капиталистического развития» (15, с. 60).

Теперь и в среде российских историков порой отзываются о Л.Хеймсоне и группе возглавляемых им специалистов примерно в том же ключе: «Этой группе свойственна своеобразная рефлексия американской научной мысли на советскую историографию» (209, с. 266). Как известно, у советских историков в вопросе о закономерности революции двух линий просто не существовало, — революция неизбежна, как первый гром в мае, а война — мощный стимулятор, но лишь стимулятор этого грома.

И.М.Пушкарева в обстоятельной историографической статье о Февральской революции показала, что большинству российских историков стали «тесными» рамки закономерности «в марксистском понимании слова и они предпочитают от них освободиться». На смену догматическим стереотипам, монополии марксистско-ленинской идеологии и методологии пришли многомерность и вариантность исторического развития (209, с. 241, 243). В.В.Шелохаев, например, рассматривая вопрос об «ахиллесовой пяте» власти в деле проведения реформ, высказал убеждение в том, что исторический процесс в России, как и в других странах, развивался не по шаблонной схеме «или — или, иного не дано», а «инвариантно и комбинированно» (46, с. 35). А.П. Корелин в статье «Облик и импульсы власти» сделал вывод о том, что «даже в предвоенные годы, по-видимому, еще не были окончательно утрачены возможности мирного эволюционного развития страны» (103, с. 540).

На международном коллоквиуме, состоявшемся в Санкт-Петербурге 1–5 июня 1998 г. историки придерживались различных точек зрения на зависимость революции от войны. Но поскольку рассматриваемые общественные организации были порождением «1914 года», симптоматично и выраженное на коллоквиуме мнение, что «революция 1917 выросла из войны» (223, с. 80). Участники коллоквиума также напомнили, что современники тех лет «и справа, и слева» считали, что «если правительство не заключит соглашение с либералами, то революция неизбежна».

Л.Хеймсон, наблюдая подобные перемены в исторической науке, заметил, что «из-за потери доверия» к историческим закономерностям в русской историографии образовался вакуум» (209, с. 248, 263). Этот «вакуум» приводит к ослаблению позиций «ревизионистов». Но этот же «вакуум» в связи с теми изменениями, которые произошли и происходят в России, с одной стороны, открывает большие возможности перед зарубежными исследователями России, а с другой – бумерангом бьет по ним. К.Мацузато и А.А.Ярцев, рассматривающие западную историографию земств, полагают, что «второе крутое изменение» в ней (после пришествия «ревизионистов») произошло в результате значительного улучшения в начале 90-х годов доступа иностранцев к архивным источникам. Впервые здесь иностранные историки стали равными с российскими. Как это ни парадоксально, тот же самый фактор, который привел к открытию архивов иностранцам, ударил по финансовой базе их исследований. «Если холодная война закончилась, зачем нужны глубокие знания о России? Выделение денежных средств в университетах США на исследования России резко сократились, и, соответственно, сократился преподавательский штат. Сегодня в США не стоит удивляться безработным докторам, которые, защитившись в таких университетах, как Гарвард и Стэнфорд, не могут найти себе работу в вузах» (87, 30–31).

К.Мацузато и А.А.Ярцев видят и иные слабости современной западной историографии земств. Американская наука 90-х годов была отмечена триумфальным шествием методики «новой истории» (т.е. истории интеллекта, менталитета, дискурсов и семантики). В контексте исследований «сельской России» нового времени, однако, частое обращение к дискурсам не способствовало творческому применению методики «новой истории», а это было своего рода компенсацией скудных знаний по материальной истории. И у авторов создается впечатление, что

именно тогда, когда «открылось огромное источниковое пространство для изучения и материальной, и нематериальной истории России, некоторые зарубежные коллеги предпочитают читать Мишеля Фуко, нежели архивы» (87, с. 31).

Как «новейшее достижение» в современной историографии рассматривается вышедший в 1998 г. сборник статей под редакцией М.Конрой «Появляющаяся демократия в позднейимператорской России» (314). Шесть из девяти его статей посвящены земствам. Сборник не представляет какого-то общего мнения авторов, а, скорее, нацелен на сопоставление разных мнений о возможности мирной модернизации и демократизации России. Мнения его участников разделяются по двум параметрам. Во-первых, можно ли считать развитие земского движения после 1905 г. показателем развития общественных сил в целом? Во-вторых, «усиливало ли развитие прагматического земского движения управляемость страной в целом и тем самым способствовало ли мирной модернизации страны и выживанию режима в тотальной, мировой войне?» (314, с. 35).

Т.Портер и У.Глисон на эти вопросы отвечают утвердительно, на последний – в статье, посвященной ВЗС («Демократия земств во время Первой мировой войны») (314, с. 228–242). По их мнению, история Земского союза показывает начала гражданского общества, которое могло привести к политическому и экономическому росту страны. К концу 1916 г. Земский и Городской союзы не только олицетворяли инициативу и гражданское сознание общества, но и представляли законные требования и чаяния российского либерализма (314, с. 235, 239). Правительством же было расколото между МВД и хозяйственными ведомствами, по-разному смотревшими на работу земств. Кризис управления возник из-за страха правительства перед ВЗС, полицейского вмешательства МВД в дела тотальной мобилизации ресурсов, а также инертности Государственной думы, которая не смогла осуществить реформу местных учреждений, ядром которой явилось бы введение волостных земств. Таким образом, Т.Портер и У.Глисон «придерживаются вполне классической точки зрения» (314, с. 35–36).

К.Мацузато в статье «Межрегиональные конфликты и крах царизма: Настоящие причины продовольственного кризиса...» выражает совершенно противоположную точку зрения (314, с. 243–300). Как пишет М.Конрой, К.Мацузато «отвергает теорию, что поляризация между правительством и обществом вызвала революции 1917 года» (314, с. 20).

По мнению К.Мацузато, правительство уже в начале войны сумело создать инфраструктуру для мобилизации ресурсов, используя земство. Но за это пришлось «платить», передавая земствам часть государственных полномочий, допустить их к регулированию железнодорожного транспорта. А беспорядок здесь стал причиной продовольственного кризиса, который был вызван местническим использованием регулирования железных дорог земскими заготовительными органами. Если говорить коротко, — пишет К.Мацузато, — царизм пал из-за межрегиональных противоречий» (87, с. 146; 314, с. 22–23). Но это произошло и потому, что и престиж власти стремительно падал, и она не могла контролировать местнические тенденции земств, связанные с защитой ими своей экономики путем блокирования границ губерний (87, с. 36).

Таким образом, в зарубежной историографии выявился новый подход к освещению отношения земства к правительству, не в рамках политической оппозиции, а как сотрудничества, хотя еще и незрелого и негативного по своему основному результату. Вместе с тем здесь затронута и проблема ослабления власти.

Тема сотрудничества власти и общественных организаций, а также проблема ее ослабления исследуется и в новейшей российской историографии. Так, М.А.Шубин в статье «Общественные организации и государственные структуры в Первую мировую войну: Опыт сотрудничества в снабжении фронта» подчеркивает значение этого опыта в «экстремальных условиях» (300). С.Л.Сергеева выступает против бытующего в литературе мнения «о политических приоритетах» деятельности общественных организаций, а работу ВПК рассматривает как ускоряющую формирование новых, «горизонтальных» связей, основанных «на равноправном сотрудничестве и партнерстве», как между общественными организациями, так и с официальной властью (242). На примере изучения деятельности Московского областного ВПК и А.А.Захаров приходит к выводу «о возможности тесного взаимодействия государственных и общественных структур для разрешения важных общенациональных проблем, стоявших перед Россией в годы Первой мировой войны» (85).

Но парадокс заключался в том, что и это сотрудничество вызывало ослабление государственной власти. Как показал еще на рубеже 1980–1990-х гг. М.Ф.Флоринский в книге «Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны» (275), «слабость всех звеньев» правительственного аппарата, углубление в период войны разобщенности в управлении страной способствовали возникновению в

1915 г. системы органов военно-экономического регулирования. Отношения между кабинетом и этими учреждениями, на деятельность которых сильное влияние оказывала помещичье-буржуазная общественность, «во многом определялись отношениями, складывавшимися между правительственным и либеральным лагерями». Стремление либералов к созданию наиболее благоприятных условий для достижения своих политических целей вело к тому, что появление органов военно-экономического регулирования перестроило всю систему управления тылом крайне нерационально с точки зрения обеспечения единства в деятельности ее отдельных звеньев. Рост разобщенности в управлении империей в преддверии крушения самодержавия стимулировался и установившейся с самого начала войны обособленностью органов стратегического руководства действующей армией от высшей гражданской администрации (275, с. 203, 204). Во многом в русле положений М.Ф.Флоринского написана книга С.В.Макарова (136).

Много дают для понимания этого кризиса записи заседаний Совета министров, которые вел помощник управляющего делами Совета министров А.Н.Яхонтов, изданные Архивом русской революции, а также его записи заседаний и переписка, опубликованные Р.Ш.Ганелиным, С.В.Куликовым, В.В.Лапиной, М.Ф.Флоринским при участии Н.Хеймсон и Р.Уортмана (245).

Свидетельства А.Н.Яхонтова весьма ценны и исследователи часто используют их в своих трудах. Так, Р.Ш.Ганелин и М.Ф.Флоринский в одной из своих статей пишут, что деятельность Земского и Городского союзов, получавших без ведома правительства заказы с многомиллионными авансами, и образование «по требованиям Ставки или, вернее, по повелениям ее» Особых совещаний по обороне, перевозкам, продовольствию и топливу с преобладанием в них «общественников» повели, по словам Яхонтова, к «дальнейшему обессилению исполнительной власти, в достаточной степени уже достигнутому выделением из ее ведения театра военных действий» (58, с. 17).

И на коллоквиуме 1998 г. Р.Ш.Ганелин отмечал, что уже в эмиграции бывшие министры не в политической роли Ставки видели отличительную черту того, что произошло в России, а в том обстоятельстве, что Ставка «действовала в единстве с союзом земств и городов». Они отводили некоторую роль и Думе, но она была на втором плане, «а вот Земгор, которому Совет министров вынужден был под давлением Ставки давать все новые и новые деньги, выходил на первый план. Вот в чем

видели отставные министры корень зла. И в какой-то мере они, наверное, были правы, потому что ведь не было ничего менее политически претенциозного, ничего более невероятного, чем кандидатура Львова на пост первого главы так называемого свободного правительства. Это произошло именно потому, что он был председателем Земгора. Они, надо сказать, никогда не трогали его персонально, не затрагивали его личных достоинств, но, тем не менее, это многовластие было для них причиной случившегося» (223, с. 79).

Ныне наметившаяся во второй половине 1970-х годов (благодаря прежде всего работам В.С.Дякина, Р.Ш.Ганелина, Б.В.Ананьича, А.Я.Авреха, Б.Б.Дубенцова) тенденция набирает силу – в работах М.Ф.Флоринского, Р.Ш.Ганелина, Б.В.Ананьича, А.В.Островского, С.В.Куликова и др. С.В.Куликов считает, например, что к началу 1917 г. бюрократическая элита выступила «в роли фактора, нанесшего “старому порядку” удар едва ли не более роковой, чем разразившаяся вскоре революция» (114, с 22).

Бытует и мнение, что «старому порядку» нанес не менее «роковой удар» другой «фактор» – «предательская роль буржуазии в войне»: Февральскую революцию «подготовили и разыграли масоны» (308, с. 4). Так считал Н.Н.Яковлев в вышедшей в 1974 г. книге «1 августа 1914», которая с тех пор не раз переиздавалась. В аннотации на последнее издание (2003) сказано, что «сейчас, спустя три десятилетия после первого издания, книга... ничуть не устарела». По мысли Н.Н.Яковлева, «История России в Первой мировой войне убеждает, что российские толстосумы отнюдь не были так неорганизованны, как представляется на первый взгляд, и в борьбе за власть применяли такие методы, которые не снились представителям царской бюрократии» (308, с. 27). По его мнению, ВСЗ, ВГС, Земгор и ВПК были созданы буржуазией для того, чтобы дезорганизовать экономику страны, затруднить царизму ведение войны и таким образом облегчить свой приход к власти. Н.Н.Яковлев считал, что «ВПК были нужны буржуазии не для налаживания военной экономики, а как форум для вторжения в политику» (308, с. 140). Но все это составляло якобы лишь внешнюю, видимую сторону концентрированного наступления буржуазии на самодержавие. Другая сторона, по его мнению, более важная, была прикрыта завесой глубокой тайны, так как в России в подполье действовала некая «сверхорганизация», объединявшая вожakov всех буржуазных партий и построенная по типу масонских лож.

Все эти соображения Н.Н.Яковлев высказал и на международной конференции, посвященной Первой мировой войне (330, с. 30–32). У яковлевской версии, объясняющей оппозиционность российских либералов, есть как свои сторонники, так и противники (15, с. 433; 249, 284).

Слова Е.Д.Черменского о том, что в историографии «еще не выработана единая точка зрения по вопросу о степени оппозиционности буржуазии в годы Первой мировой войны», слишком мягки для характеристики той острой дискуссии, которая велась В.С.Дякиным, А.Я.Аврехом, В.Я.Лаверычевым, В.И.Старцевым, Е.Д.Черменским, Л.М.Спириным, Н.Н.Яковлевым, А.Г.Слонимским, Н.Г.Думовой и др.

В.С.Дякин писал о том, что в работах Е.Д.Черменского видна тенденция «преуменьшать политические различия между буржуазией и царизмом». Со своей стороны, Е.Д.Черменский считал, что В.С.Дякин и некоторые другие исследователи «гипертрофируют» оппозиционность буржуазии. Так, Л.М.Спирин справедливо отмечал, что А.Г.Слонимский в своей монографии, увлекаясь, применяет к действиям либералов такое динамичное слово, как «штурм». В.Я.Лаверычев, Н.Г.Думова, как и В.С.Дякин, полагают, что Е.Д.Черменский преуменьшает оппозиционность либеральной буржуазии (см. 290). Что касается масонской темы, то сейчас она как бы «полупризнана», хотя споры о степени влияния масонов на события продолжаются до сих пор. Все же, представляется, прав С.В.Пютюкин, что пока нет «возможности до конца разобраться в этой интересной, но крайне сложной проблеме», которая сохраняет «свою злободневность» (148, с. 376).

Тема «Власть и общественные организации в годы войны» имеет немало нерешенных проблем и историографических лакун. До сих пор, например, не востребованы работы эмигрантов «первой волны», публиковавшиеся в 1920 — начале 1930-х гг. в «Русской серии» фонда Карнеги, в том числе и о земствах, и о Союзе городов. Отношение советских и эмигрантских авторов к работам друг друга можно характеризовать как «взаимное неудовлетворение».

Вот весьма симптоматичный пример. В 1927 г. в Госиздате вышел сборник документов «Буржуазия накануне Февральской революции» (35). Астров, прочитав его, пишет своему предшественнику на посту городского головы Москвы и руководителя ВСГ М.В.Челнокову: «Получилось довольно курьезное положение: “суд истории” над наиболее трагичным периодом русской истории совершается большевиками на основании полицейских донесений... Трагедия в том, что тут многое

спутано, в полной мере извращено и ложно освещена историческая перспектива и извращен смысл событий, действий и поступков» (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 78).

И вот когда Астров, считающий, что события, предшествующие Февральской революции, «почти нигде не получили сколько-нибудь полного и правдивого отражения» (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 77), написал книгу об истории ВСГ, изданную фондом Карнеги в 1929 г. (311), в России ее игнорировали, а спустя более тридцати лет от нее, как и от всей «Русской серии» отмахнулись как необъективного издания (48, с. 6).

Между тем профессор П.Г.Виноградов в письме к Астрову дал в высшей степени лестный отзыв о его книге: «Ваша монография, по моему мнению, написана превосходно и явится ценным вкладом в нашу историю войны» (332. Оп. 1. Д. 4). Это тем более важно иметь в виду, что пока в историографии нет ни одной монографии (кроме астровской) о Союзе городов, хотя есть уже ценная работа о Московской городской думе Л.Ф.Писарьковой (188), ряд сравнительно небольших публикаций об Астрове и ВСГ (22, 289) и общих работ о городах (89, 152, 153). Явно обделен вниманием историков и Земгор. Он упоминается во многих работах и часто – неверно, – как результат слияния Земского и Городского союзов (9, 172). На деле же эти союзы, создав Земгор, продолжали существовать самостоятельно. Определенное место Земгору отводится в книге Н.Д.Судавцова, самой обширной монографии о земском и городском самоуправлении в годы войны (257). Но все же единственным специальным исследованием по истории этой общественной организации остается кандидатская диссертация Г.С.Акимовой, написанная более 30 лет назад (10).

Историки с давних пор и до настоящего времени кардинально расходятся во мнениях относительно эффективности практической, хозяйственной деятельности общественных организаций. Одни из них оценивают ее очень высоко, другие весьма посредственно, а третьи и вовсе видят в ней один негатив (4, 242, 305, 307, 308, 329). Но преобладают все же светлые, позитивные характеристики. В.Ф.Абрамов отмечал в своей докторской диссертации, что «огромная хозяйственно-культурная деятельность развернулась в годы Первой мировой войны в рамках ВЗС и Земгора» (3, с. 42), а в статье «Объединение российских земств» он писал: «Располагая громадными средствами, опираясь на грандиозный аппарат земских и своих специалистов, ВЗС (в пределах поставленной перед ним задачи) пользовался громадным фактическим влиянием в

стране. Органи-зация помощи больным и раненым воинам в годы Пер-вой мировой войны своей главной тяжестью легла именно на союзы земств и городов». С тяжелыми последствиями мировой войны смогли эффективно «бороться только организованная самодеятельность населения» (4, с. 142).

Столь же высоко ныне аттестуется и работа военно-промышленных комитетов. С.Л.Сергеева полагает даже, что «можно говорить не только о широком и разноплановом спектре хозяйственно-экономической деятельности ВПК, вышедшей далеко за пределы компетенций общественных организаций, но и о результативности их инициа-тивы, проявленной комитетами в решении общегосударственных про-блем» (242, с. 114). По сути, также отзывается о деятельности Мос-ковского областного ВПК А.А.Захаров: «Все представители властных структур и общественных организаций признавали большое значение деятельности МВПК на оборону... Всесторонняя деятельность МВПК заметно улучшила снабжение фронта всем необходимым» (85, с. 15, 17).

С.Л.Сергеева и А.А.Захаров вслед за М.Ф.Юрием дают цифру (11 %) выполнения ВПК военных заказов для фронтов. Раньше указы-вались цифры значительно меньшие – от 2–3 % у А.П.Погребинского и Пайпса до 6–7 % – у И.В.Маевского.

Но в оценке политической деятельности ВПК С.Л.Сергеева и А.А.Захаров расходятся. По мысли последнего, основной причиной воз-никновения ВПК явилось «стремление активной части либеральных сло-ев общества к увеличению своего влияния на внутривластный курс правительства» (85, с. 13). С.Л.Сергеева с таким мнением, которое и прежде высказывалось в историографии – «о политических приоритетах деятельности этих организаций», – решительно не согласна. ВПК, на ее взгляд, хотя и созданные буржуазией, не были ни организациями сугубо классовыми, ни сословными, ни партийными (242, с. 10, 30–31).

Такой взгляд близок тем исследователям, которые полагают, что «в отличие от Запада партии в России гораздо меньше совпадали с классами» и что до 1917 г. буржуазия не считала кадетов, октябристов, прогрессистов «своими», и особенностью русского либерализма была его небуржуазность» (15, с. 157). И.М.Пушкарева справедливо считает, что окончательный ответ на последний вопрос еще не найден, – он лежит в новых исследованиях таких организаций, как Прогрессивный блок, Зем-ский и Городской союзы (209, с. 265–266). До сих пор не решены и мно-гие другие вопросы (290, с. 12–13).

И, завершая предисловие, нельзя не сказать о двух констатациях японского историка К.Мацузато и его российских единомышленников А.А.Ярцева и В.Ф.Абрамова. Эти откровения, что называется, стучат в сердце, как пепел Клааса – впереди необозримое исследовательское поле.

Первое: «Мы, – пишет К. Мацузато, – гордились количеством завоеванных архивов, как истребители гордятся числом сбитых самолетов. Подобная профессиональная культура, если не потеряна совсем, то значительно ослаблена в посткоммунистической историографии. С этим невозможно примириться» (87, с. 10). Мне тоже невозможно с этим примириться, и особенно потому, что я знаю – это не совсем так: есть еще порох в пороховницах у российских историков, и хочется показать это, тем более, что многие проблемы истории общественных организаций решаются только при обращении к архивным документам¹.

И второе откровение К.Мацузато и его коллег, откровение, до очевидности ясное для меня задолго – за годы до того, как оно было изречено, и с которым я абсолютно согласен: для исследователей земства (ВЗС) (добавлю: и других общественных организаций, возникших в годы войны), действительно, «актуальнейшим представляется период 1914–1918 гг.» (87, с. 37).

¹ Бывший лидер ВСГ Астров напишет, уже в эмигрантском далеке, прекрасную книгу о Союзе городов. Но он был страшно недоволен своим детищем, хотя со всех сторон слышал похвалы, в том числе и от мэтра, – профессора П.Г.Виноградова, и от своего сотоварища по Земгору – Львова. И все же Астров упорно называл свою монографию «очерком» только потому, что не использовал архивы ВСГ. Он-то знал, что их – Монблан, и его примиряло с собственной книгой только предположение, что этих архивов уже не существует – они сгинули, погибли, как и многое другое, когда покатилося по России «Красное колесо». Он, к счастью, ошибался, – архивы сохранились и некоторые из них использованы в настоящем обзоре.

«ЕДИНЕНИЕ» ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Первый вопрос, который возникает при изучении деятельности общественных организаций, это вопрос о причинах их возникновения, — иначе говоря, о том, почему общественность решила их создать, а власть «разрешилась» решением на их разрешение.

Н.Д.Судацов не мудрствует лукаво: «Земские и городские самоуправления просто воспользовались военной обстановкой», власть «вынуждена была согласиться и пойти на уступки...» (257, с. 33).

У К.Маццато и его единомышленников иной взгляд: правительство, власти необходимо было добиться быстро и без особых затрат мобилизации ресурсов, и они, подключив общественность — земства, в первую очередь, легко сделали это (87). В действительности такого непосредственного желания у правительства отнюдь не было и реализовать его власть не очень-то и спешила, как это будет ясно из нашего дальнейшего изложения. Более прозаически смотрит на «первопричину» появления общественных организаций А.Н.Шубин: «С первых же дней войны царизм был вынужден прибегнуть к помощи общественности, так как самодержавный аппарат был приспособлен к решению ограниченных задач и неохотно выполнял некоторые хозяйственные функции... Появление общественных организаций было вызвано неудовлетворительным состоянием боевого снабжения армии, неверием буржуазии в способность бюрократического аппарата наладить производство военной продукции и обеспечить тем самым обороноспособность страны» (300, с. 78).

Здесь, во-первых, наблюдается некоторое временное смещение функций общественных организаций: если уж «с первых дней войны», — то это были ВЗС и ВСГ, но «боевое снабжение» не было их прерогативой, — этим занялись ВПК и Земгор, созданные почти год спустя; и вторых, при самом появлении ВЗС, ВСГ это «неверие буржуазии» ни в чем не проявилось. Л.Г.Косулина и Л.М.Лященко не менее «точные». «Либеральные партии, — пишут они, — приняли самое деятельное участие в создании общественных организаций для оказания помощи правительству в материальном обеспечении некоторых нужд фронта. Летом 1914 г. был создан Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, Всероссийский союз городов, военно-промышленные комитеты» (104, с. 211).

Похвально, что авторы в начале этой цитаты обращаются, в сущности, к застарелому спору историков о том, кто был «архитектором» этих общественных организаций. А.Я.Аврех, например, считал, что союзы были созданы самой цензовой общественностью, без прямого участия политических партий. Н.Г.Думова страстно оспаривала этот тезис, полагая, что «неправомерно отделять организации типа Земского союза, Союза городов и военно-промышленных комитетов от буржуазных партий, считать, что первые были созданы без прямого участия вторых» (7; 76, с. 56).

Этот отнюдь не схоластический диспут, затрагивая проблему истоков союзов, как бы проецируется и на интерпретации их последующего развития, что проявляется, в частности, в вопросах о руководстве союзами, характере их оппозиционности. Н.Г.Думова склонна полагать, что по крайней мере Городской союз находился под твердой рукой кадетского руководства (76). И она не в «блестящей изоляции» — так считают многие историки (см. 290). Но правильна ли точка зрения, которой они придерживаются? Срабатывает ли здесь «логика»: если во главе Городского союза — члены ЦК партии «Народной свободы», то и деятельность союза по своему характеру — той же «партийности»?

Мне представляется, что точка зрения А.Я.Авреха, в свете документального материала, который будет использован в этом разделе обзора, предпочтительнее. Л.Г.Косулина и Л.М.Лященко явно тяготеют к мнению Н.Г.Думовой, но укорять их за это, естественно, не приходится. Другое дело — содержание второй части их тирады. ВПК, как известно, заявили о себе лишь в 1915 г., в полномочия ВЗС и ВСГ в начале их деятельности материальное обеспечение нужд фронта не входило.

В среде историков не угасает и апробированное еще в литературе прежних лет представление о первенстве политической стороны в деятельности общественных организаций (242), «генетически» связанное с их «партийным происхождением».

Но даже А.Н.Яхонтов, который, по справедливому убеждению петербургских исследователей, «всегда придерживался консервативно-монархических убеждений» (245, с. 8) и давал в высшей степени нелепую характеристику общественным организациям, что ими якобы «день за днем ткалась паутина, в которой должна была постепенно обескровливаться наша преемственность государственности» (245, с. 301), все же не распространяет эту характеристику на самый «им-

пульс» строительства организаций. Здесь он вполне объективно «фиксирует» ситуацию: «Патриотический подъем и возвышенное настроение вылились у тех общественных деятелей, которые по тем или иным причинам не пошли на фронт, в стремлении к объединению для помощи больным и раненым воинам» (245, с. 298). Яхонтов особо отмечает и это «общественное единение», «солидарность» различных слоев населения «на почве решающей важности переживаемой минуты» (245, с. 257).

В отечественной историографии многие десятилетия это «единение» в начале войны рассматривали как шовинистический угар, охвативший страну, не подверженным которому, с «ясной» головой, оказался лишь рабочий класс.

Теперь положение в исторической литературе иное: патриотизм россиян всех национальностей получил в ней постоянную «прописку» (99, с. 102–108; 124, с. 497; 183, с. 240–243; 302, с. 103), порой даже вспоминают и том, что войну нарекли тогда «Второй отечественной...» (223, с. 74, 75; 239, с. 369). И очень непонятно, почему пермский историк Л.М. Андреева рассматривает возникшие в прибое этого патриотизма общественные организации, в частности ВЗС, как «либеральные пацифистские общественно-экономические организации» (16, с. 10). Пацифизм здесь и не пахло. Известный лозунг «Все для фронта! Все для победы!» был самым популярным лозунгом ВЗС и ВСГ, да и для всей России, после тяжелых поражений его как бы сменил лозунг «Война до победного конца!», который в конце концов, по сути, похоронил правительство Керенского.

В эпоху мировых войн, как отмечает Е.С.Сенявская, вопрос нередко стоял уже «о самом существовании государства и даже жизни его народа» (239, с. 366).

Создатели общественных организаций, будучи весьма образованными людьми, осознавали это особенно остро. Редактор «Известий ВСГ» С.В.Бахрушин, прекрасно знавший предпринимательскую элиту Москвы, в неопубликованной рукописи о Первой мировой войне считал необходимым сделать следующую запись, действительно важную и для понимания настроений этой среды, и некоторых идеологических прописей, еще недавно казавшихся азбучно вечными: «Часто обвиняли буржуазные круги в том, что они хотели и подготавливали войну. Я не знаю, на чем основываются эти обвинения помимо априорных суждений, построенных по неверной догматической схеме. Я знаю, что московские бур-

жуазные круги боялись войны и сознавали в какую пучину вовлечет голодную и невежественную Россию необходимость участвовать в войне общеевропейского масштаба». Бахрушин пишет о «совершенно определенном миролюбии широких общественных кругов» Москвы. Бывший ее городской голова К.В.Рукавишников, близкий к петербургским бюрократическим кругам, в разговоре с ним характеризовал положение в период Балканских войн, «кануна» мировой катастрофы, так: «В Петербурге хотят войны, во всех канцеляриях скрипят перья, пишут, докладывают необходимость войны, а Москва отмахивается от войны, получается картина, противоположная тому, что было в 1877 году: тогда Петербург слышать не хотел о войне, а Москва требовала войны, а сейчас Петербург хочет воевать, а Москва удерживает». Москвичи и в 1914 г. не желали «вовлечения в какую-либо международную авантюру» (337. Оп. 1. Д. 3. Л. 10б– 2).

Это подтверждает и Астров (337. Оп. 1. Д. 3. Л. 10б– 2). Он также негодует по поводу утверждения, что «буржуазия была за войну, имея в виду захватно-империалистические цели, а крупные промышленники (Рябушинские, Гучковы, Коновалов) стремились захватить власть, чтобы извлечь максимальные выгоды... Так пишется история!» (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 77.).

Но теперь в отечественной историографии, как считает Б.Д.Козенко, поставлен под сомнение «империалистический характер войны». Некоторые авторы утверждают даже, что для мировой войны не имелось «достаточных причин», что и у России серьезных оснований для вступления в войну не было, тем более, что страна не была готова воевать и это «сознавали многие» (100; 330, с. 252–253).

В определенной степени это подтверждается и предыдущими экстрактами из наследия Бахрушина, и следующим его свидетельством об отношении общественного мнения к войне, которая разразилась через несколько дней: «Вихрь налетел внезапно... Москву я застал в унынии и страхе. Войны боялись, вместе с тем сознавали, что сохранение нейтральности Россией невозможно без ущерба для ее национального достоинства. Через голову Сербии вызов был брошен России... На небольшом совещании из некоторых гласных [Московской городской думы — В.Ш.], которые собрались у Н.И.Астрова в Кредитном обществе, это двойственное настроение обрисовалось вполне. Присутствовавшие в один голос говорили о полной неподготовленности России к войне, о недостатке способных и пользующихся доверием общества генералов,

наконец, о полной неспособности власти к предстоящей задаче, все ловили намеки на возможное мирное разрешение конфликта, и вместе с тем считали своим долгом не только поддержать правительство, если бы оно стало на путь защиты Сербии, и даже побудить его к тому...» (337. Оп. 1. Д. 3. Л. 4об.).

Для русского общества эта поддержка правительства, «единение» с властью, патриотизм — было в XX в. новым явлением. В пору «японской войны» пораженческие настроения в либеральной среде были весьма сильны, и даже такой умеренный либерал, как В.А.Маклаков, тогда секретарь «Беседы», говорил, что поражение на Дальнем Востоке заставит царизм пойти на уступки (333. Д. 142).

«Единение» было «по внешности», на первый взгляд, «улицей с двусторонним движением»: царь 20 июля выступил с манифестом, в котором были и такие строки: «В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение царя с его народом и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага».

Когда 26 июля открылась чрезвычайная сессия обеих палат, единение законодательных учреждений с властью было полным. «Тот огромный подъем патриотических чувств, любви к Родине и преданности престолу, который, как ураган, пронесся по всей земле нашей, служит в моих глазах, да, я думаю, и в ваших, ручательством в том, что наша великая Матушка-Россия доведет ниспосланную ей господом Богом войну до желанного конца», — говорил монарх на приеме членов законодательных палат (164, с. 534–536).

В свою очередь, Государственная дума единогласно приняла все кредиты и законопроекты, связанные с ведением войны (лишь социал-демократы воздержались от голосования за кредиты). Либералы с энтузиазмом подхватили слова царского манифеста о забвении внутренних распри и об укреплении единения царя с его народом. Редакция лейб-органа кадетов «Речь» заверила власть в своем искреннем желании всеми силами содействовать общенациональной цели. Один из столпов русского либерализма С.Н.Булгаков писал, что, «наконец, наступило для России спасительное единение царской власти и народа» (196, с. 22).

На этом общероссийском патриотическом цунами и возникли первые общественные организации, которые очень скоро превратятся в могущественные союзы, так влиявшие своей практической деятельностью

на поддержку армии, что без них (и через год — Земгора и ВПК) ситуация на фронтах сделалась бы, вероятно, гораздо трагичнее, чем она была бы без этой помощи, и, следовательно, положение власти — неустойчивее и проблематичнее. В современной западной литературе отмечается связь между волной патриотизма, захлестнувшей либералов, и появлением общественных организаций (328, с. 288—289).

Первый историограф Земского союза М.Д.Загряцков подчеркивал общественное начало союзов: «Общественное и политическое значение Земского и Городского союзов не подлежит сомнению: под влиянием тяжелых ударов судьбы общественная мобилизация осуществила идеал объединенного земства, к которому русские органы самоуправления стремились систематически и непрерывно в течение пятидесяти лет» (83, с. 3). Союз «был создан сказочно быстро, почти по телеграфу. Московская губернская земская управа предложила экстренному собранию, созванному 25 июля 1914 г., создать общеземскую организацию помощи раненым, просила ассигновать 500 тыс. руб. с этой целью и телеграммой уведомила о новом коллективном земском деле остальные земства. Через несколько дней ответные телеграммы были получены почти со всей России. 30 июля состоялся съезд представителей земств¹, который конституировал общеземский союз (с последним слилась существовавшая еще общеземская организация). К союзу примкнула 41 земская губерния (исключение составило Курское губернское земство) и область войска Донского (по специальному предписанию военного министерства)» (84, с. 13—14).

Но в ходе подготовки съезда и выборов руководства новой организации происходили сцены, в которых сталкивались амбиции и самолюбия, круто замешанные на политике. Князь Львов, можно сказать, не «планировался» губернским земством на первую роль в имеющем быть ВЗС. Съезд во многом подготовил председатель губернской земской управы Ф.В.Шлиппе. Но Львов оказался расторопным: призвал отовсюду своих сторонников (С.Н.Маслова, В.В.Вырубова и др.). Шлиппе, чувствуя, что фортуна может отвернуться от него, решил на личные объяснения с Львовым, которому он указывал на необходимость «полного единения» и с земствами, и с правительством. Он не был уверен, что имя князя Львова объединит всех, и напрямую предложил Львову зара-

¹ Они представляли не 35 губернских земств, как сказано в статье американского исследователя У.Глисона (319, с. 366), почти не касавшегося архивных материалов о ВЗС, а 36 (334. Оп. 1. Д. 3. Л. 3—4).

нее уступить место главноуполномоченного ему, Шлиппе, а самому довольствоваться званием заместителя главно-уполномоченного. Львов, однако, предчувствовал уже победу и оборвал тягостный разговор: «В подручные к вам не пойду!» (195, с. 254). Но он вовсе не стал «сразу единственным кандидатом» в председатели ВЗС, как это считал П.П.Юренев (135, с. 275). Львов был избран 37 голосами против 13. И это при том, что вел собрание Шлиппе, единогласно избранный председателем съезда. Столь же единогласно он был избран заместителем Львова. Этот съезд принял ряд постановлений: признать, что все суммы, ассигнуемые земствами на деятельность союза, должны поступать в его центральную кассу; просить председателя Петербургской губернской земской управы П.И.Яковлева ходатайствовать от имени съезда перед министрами внутренних дел и финансов о скорейшем разрешении земствам производить в связи с нуждами военного времени займы из специальных капиталов и под заклад процентных бумаг; для заведования делами союза избрать главноуполномоченного и Главный комитет (ГК) в составе десяти членов, из коих избрать заместителя главноуполномоченного. Съезд также решил, что члены ГК могут избираться из числа земских гласных и лиц, имеющих право непосредственного избрания в земские гласные. Съезд признал также за ГК право для исполнения разных поручений приглашать особых уполномоченных, которые могут быть и не из числа земских гласных и лиц, имеющих право непосредственного избрания в земские гласные. Собравшиеся постановили, что члены ГК не должны получать никакого вознаграждения, но что тем из них, кто по делам союза должен будет жить вне места постоянного своего жительства, должны выдаваться суточные деньги в размере 10 руб. сверх оплаты расходов по разъездам и командировкам. Что касается порядка губернских и уездных комитетов союза и других более мелких местных его органов, то это предоставлялось на усмотрение местных земств. Признавалась также желательной организация окружных комитетов в пунктах эвакуации раненых в составе представителей смежных губернских комитетов.

Сам Львов, еще до своего избрания, как председатель общеземской организации благотворительной помощи населению сделал доклад о положении ее дел и внес предложение о ее слиянии с ВЗС с тем, чтобы все ее денежные средства (около 600 тыс. руб. и около 300 тыс., которые должны были поступить от Российского общества Красного Креста)

были переданы в кассу союза. Съезд принял предложение Львова и признал состоявшимся слияние общеземской организации с союзом.

На съезде было доложено о поступлении средств от губернских земств, ассигнованных на деятельность ВЗС (6 млн. руб.). Съезд выразил благодарность С.Т.Морозову, пожертвовавшему 500 тыс. руб. на помощь раненым воинам. Из них 200 тыс. руб. он передал ВЗС. В конце съезда были произведены выборы в ГК. Помимо Львова и Шлиппе ими стали С.Н.Маслов, Н.С.Лопухин, В.В. Вырубов, граф В.А.Мусин-Пушкин, граф Ф.А.Уваров, Н.Н.Хмелев, И.А.Каншин, Д.М.Щепкин.

И, наконец, по предложению Львова постановлено было послать всеподданнейшую телеграмму императору (334. Оп. 1. Д. 3. Л. 1—2об.).

Уже 7 августа 1914 г. — впервые на типографском бланке — Львов рассылает председателям губернских комитетов ВЗС собственноручно написанное послание: «6 августа в Москве в Большом Кремлевском дворце Государю Императору благоугодно было принять князя Львова как главноуполномоченного Всероссийского земского союза. Я имел счастье сделать Его Императорскому Величеству доклад об организации и деятельности союза. Удостоив меня высокомилоостивого приема, Государь Император высочайше мне повелеть соизволил передать всем деятелям союза его благодарность и пожелания полного успеха в их работе на пользу больным и раненым.

Об этом высочайшем повелении я счастлив сообщить вам для объявления такового всем местным деятелям союза. Главноуполномоченный, князь Г.Е.Львов».

В докладе царю Львов заявил о готовности земских людей взять на себя полностью осуществление задач эвакуации во внутреннем районе и положить все свои силы на дело помощи раненым воинам. Царь с полным сочувствием отнесся к этому заявлению и пожелал земцам полного успеха в их работах на пользу больных и раненых воинов (334. Л. 19). Подобные же заявления о готовности Земского союза оборудовать потребное количество госпиталей он сделал также представителям военного ведомства и председателю Совета министров (334. Д. 5. Л. 5).

12 августа 1914 г. последовало высочайшее разрешение деятельности Земского союза. Почти одновременно с образованием Земского союза возник и Городской союз. Предыстория его такова. Еще 18 июля Московская городская дума в своем постановлении призвала все национальные силы страны к объединению около власти в наступающей борьбе для спасения страны. С этих пор Москва и стала как бы соби-

рательницей общественных сил, стала центром, вокруг которого сплотились города. Одним из авторов идеи об образовании союза был Н.И. Астров. Он пишет в одной из своих статей, что уже на первом заседании военной комиссии (19 июля), образованной по настоянию Московской думы от 18 июля, «мною, тогда гласным Московской городской думы, высказано было пожелание о привлечении Городского управления к участию в общей работе в связи с войной» (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 2).

Московская городская управа 26 июля возбудила ходатайство перед министром внутренних дел о разрешении созвать в Москве Всероссийский съезд городских голов. Разрешение было дано, управа разослала приглашения на съезд, и 8–9 августа он состоялся. Еще до этого на заседаниях комитета по организации съезда была выработана программа его и схема организации союза. На съезд прибыло 39 представителей различных городских управлений (335. Оп. 1. Д. 1. Л. 55–56). Это очень важное свидетельство, потому что и современники этих событий, и историки пишут о нем как о несанкционированном съезде. Так, даже Астров упоминает о «самочинном возникновении ВСГ» (332. Оп. 1. Д. 26. Л. 221).

В архивах сохранился журнал заседаний городских голов 8–9 августа 1914 г. Этот съезд («учредительный») положил начало общегородского союза. Большую роль в его проведении сыграл В.Д.Брянский¹. Открывая съезд, он предложил собранию отправить телеграмму царю с выражением верноподданнических чувств. «Собрание стоя выслушало текст оглашенного В.Д.Брянским проекта телеграммы». Ее решили немедленно отправить монарху. На съезде обсуждались вопросы эвакуации раненых, и выяснилось, что города России не располагают достаточными средствами для полного осуществления этой задачи. Затем съезд приступил к рассмотрению проекта организации союза. Было решено, что в союз вступают все губернские и областные города, изъявившие на то согласие, а также города, на которые по условиям военного времени возложены какие-либо особые функции. Губернские областные города, вступая в союз, организуют каждый в пределах губернии или области связь между уездными городами, местечками, посадами и земствами.

¹ Видный московский предприниматель, член Московской городской думы Н.П.Вишняков так отзывался о Викторе Диодоровиче Брянском: «Помещик, говорят, отлично держит сельское хозяйство и любит деньги... говорит деловито, вяло и скудно. Кажется, работает усердно. Выбран (в Городскую думу – В.Ш.) по усердному представлению Н.И.Гучкова» (336. Оп. 1. Д. 16. Л. 36 об.).

Города, на которые по условиям эвакуации раненых возложена роль окружных эвакуационных пунктов, устанавливают непосредственную связь с городами, тяготеющими к эвакуационному пункту (областная организация).

Главным распорядительным органом союза являлся съезд представителей городских управлений губерний и областных городов и градоначальств империи. Съезд избирает главноуполномоченного, комитет в составе 10 лиц и пяти кандидатов (в 1916 г. комитет разросся до 74 человек). В состав его входят также 2 представителя ВЗС по избранию комитета Земского союза, 3 лица по избранию Московской городской управы и 2 – от Петербургского городского управления. По предложению графа И.И.Толстого избираются главноуполномоченным ВСГ В.Д.Брянский и Временный комитет.

Главноуполномоченным союза был председатель Комитета. Из числа членов Комитета избирались два товарища председателя Комитета. Иногородние члены Комитета за участие в его трудах получали по 10 руб. суточных и оплату проезда.

Комитет должен был принимать меры к объединению деятельности городов, составлять и расходовать средства обще-городского фонда на нужды, связанные с помощью больным и раненым воинам, организовывать делопроизводство и отчетность союза, представлять на утверждение съезда отчеты о своей деятельности, сноситься с ведомствами, учреждениями и другими организациями, принимать меры к оказанию помощи и содействию городам в общих их нуждах и потребностях.

Средства общегородского фонда составлялись из: 1) отчислений от ассигнованных городской думой средств на нужды, связанные с войной; 2) взносов городов, не принимавших непосредственного участия в организации помощи раненым и больным воинам; 3) возврата расходов по лечению раненых и больных, если эти расходы производились из общегородских средств; 4) пособия Государственного казначейства; 5) специальных пожертвований; 6) специальных сборов (335. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2).

Съезд поручил Временному комитету немедленно приступить к действиям по объединению городов в общегородской союз (335. Л. 2).

Уже 8 августа стало ясно, как писал в своем дневнике петербургский городской голова граф Толстой, что ни Красный Крест, ни военное ведомство не могут почитаться вполне подготовленными для обслуживания колоссального количества раненых и больных и ожидают помощи и

содействия городов. Это обстоятельство объясняет согласие правительства на учреждение Союза городов, надеясь, что он основывается ad hoc и что с прекращением войны можно будет поговорить еще о том, существовать ли ему дольше или нет. И уже здесь, у истоков союза, граф обратил внимание на, казалось бы, несущественное, не главное «в медовом месяце» «единения общества и власти» на волне патриотического воодушевления, противоречие между ними, ибо приехавшие в Москву городские головы с большим единодушием «высказались за желательность и даже необходимость существования такого союза как постоянного института» (261, с. 535–536). Подобного настроения с самого начала не были чужды и земцы. Вероятно, поэтому «“зуброносное” курское земство», где «погоду» делали марковы-2, отказалось вступить в ВЗС.

Но и желание утвердить союз для будущего, и демонстративный отказ курских «зубров» войти в Земский союз таили в себе зародыши будущих конфликтов.

Уже сразу после образования ВСГ Брянский обратился к руководителю Красного Креста А.Д.Самарину с просьбой включить союз в организацию Красного Креста, так как при этом условии города получают «возмещение расходов по призрению раненых, будут пользоваться бесплатной перевозкой грузов и т.д.» (335. Оп. 1. Д. 1. Л. 30, 32).

22 августа он же просил содействия председателя Совета министров, чтобы включить ВСГ в состав престижного Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, находившегося под председательством императрицы Александры Федоровны. В этот совет, учрежденный 11 августа, уже был включен ВЗС (335. Оп. 1. Д. 1. Л. 119–130).

Новое руководство ВСГ развило бурную деятельность и на правительственном уровне. Еще на заседании Комитета ВСГ 10 августа 1914 г. Астров предложил отправить в Петербург особую делегацию из трех лиц, которая «указала бы правительству на недостаток средств у городов и выяснила бы размеры того пособия, которые города могут получить от правительства» (335. Оп. 1. Д. 1. Л. 31).

И уже через два дня Брянский в качестве главноуполномоченного союза был принят председателем Совета министров, министром внутренних дел, министром финансов и главноуправляющим землеустройства и земледелия. Как писал сам Брянский, при этом выяснилось, что «Союз встретил самое благожелательное отношение к себе со стороны правительства, будет легализован в самом ближайшем

времени и может рассчитывать на получение необходимой ссуды от правительства: первоначально в 1 млн. руб. и затем, по представлении подробных смет, 20 млн. руб.... Что касается отношения администрации к предполагаемым губернским съездам, — продолжал далее Брянский, — то по этому вопросу мною было возбуждено соответствующее ходатайство перед г. министром внутренних дел, который заявил, что с его стороны будет отдано распоряжение губернаторам о беспрепятственном разрешении съездов» (335. Оп. 1. Д. 1. Л. 50–51).

24 августа 1914 г. московский градоначальник Н. Анциферов направил письмо Брянскому, в котором сообщил, что министр внутренних дел входил с всеподданнейшим докладом о разрешении городам вступать в состав союза, причем в согласии с заключением Совета министров, предполагал «ограничить цель его, соответственно высочайше разрешенной деятельности Всероссийского земского союза, исключительно помощью в продолжение настоящей войны больным и раненым воинам. Высочайшее соизволение на сие последовало в 16 день текущего августа» (335. Оп. 1. Д. 1. Л. 21).

Союзы получили «добро» на свою деятельность, хотя и с квалифицирующими ограничениями. Это была реакция со стороны высших представителей власти *на первых порах*: «Слишком серьезными казались надвигавшиеся события... Да и взаимоотношения власти и общества изменились» (195, с. 255). Представители власти тоже были захвачены патриотической эйфорией первых дней войны. Но не только этим. Дело в том, что следует учитывать «некоторые общие предпосылки, которые — и психологически, и по существу — влияли на правительственную работу, особенно вначале: «Война неизбежно должна быть краткой... Гипноз краткости налагал на работу всего государственного аппарата и на общественные настроения определенный оттенок» (309, с. 267–268). При тех ограничениях, которые вводились в деятельность союзов, она не представляла какой-либо опасности для государства, тем более, что у администрации был опыт и умение держать общественность под контролем.

Такая сказочная быстрота разрешения деятельности союзов объясняется и тем, что, как вспоминал Астров, «Русское прогрессивное общество прекратило борьбу и устремилось на помощь власти в организации победы». Общество с энтузиазмом подхватило слова царского манифеста о забвении внутренних распри и об укреплении единения царя с его народом (284, с. 68).

«Партийность» тогда при нацеленности союзов на практическую работу не играла сколько-нибудь существенной роли ни при создании союзов, ни в начале их деятельности. М.Д.Загряжков писал, что ему приходилось наблюдать работу местных земцев на деле, и «всегда прежде всего бросается в глаза чрезвычайная сила притяжения к ним окружного населения. В Московском уезде, например, эти местные комитеты объединили и представителей интеллигенции, и фабрикантов, и крестьян, и рабочих. В момент национального подъема ослабили националистические и сословные чувства. Так, в Скадовске, одном из небольших курортов Черноморского побережья, комитет общеземского союза состоял под председательством жены местного землевладельца, бывшего предводителя дворянства и члена Госуд. совета, из врача и его жены, окончившей Высшие женские курсы, 17 крестьян и пяти евреев-торговцев» (84, с. 16–17). П.Н.Милюков говорил о «строго деловой земской организации князя Львова» (147, с. 180). Струве и год спустя полагал, что для главноуполномоченного ВЗС «партийные догматы и шаблоны не имеют... никакого значения» (108, с. 51).

Член ЦК кадетской партии Д.И.Шаховской на заседании ЦК 25 августа 1914 г., делая сообщение об общественных организациях в Москве, говорил, что «высшие заправила опасаются засилья к.-д. и боятся допускать их к делу» (206, т. 2, с. 374). Хотя тогда же в августе 1914 г. Шингарев, коллега Шаховского и земский деятель, фаталистски говорил, что «единственное, что сейчас остается, — практическая черная работа... Надо совсем бросить разговоры о возможности политической работы» (206, т. 2, с. 367). О необходимости «самой черной работы», вторя ему, заявляла и А.В.Тыркова, ибо «здесь жизнь, на всякие же партийные съезды будут являться пять человек» (206, т. 2, с. 366). Более того, кадеты признали желательным «усилить всячески практическую работу в общественных организациях» (206, т. 2, с. 364). Однако это еще не значило, что их «влияние начало расширяться» в ВЗС, как то иногда утверждается в литературе (18, с. 27).

Что же касается Городского союза, то и здесь партийные знамена были свернуты. Возглавивший Городской союз (со времени сентябрьского съезда 1914 г.) Челноков даже опубликовал в прессе письмо, в котором отказывался от партийно-политической деятельности. Он писал: «Как мною было сказано, в группе гласных в Московской городской думе 13 сентября с.г., я, в случае назначения меня городским головой, почту своим долгом совершенно отказаться от партийно-политической деятельности. В силу этого я выйду из состава думской фракции к.-д. Сделаю это потому,

что, по моему мнению, городской голова не может работать в условиях, связывающих его партийной дисциплиной, ибо он должен подчиняться не решениям фракции, а исключительно воле городской думы, его избравшей» (206, с. 408). И ЦК партии «Народной свободы» постановило считать вопрос о действиях Челнокова ликвидированным для данного времени (206, с. 448). Хотя прежде в ЦК говорили о том, что «неуместным отречением от партийной физиономии» он наносит моральный удар партии (206, с. 424). Кадетский «Олимп» вынужден был считаться с тем, что «созданы огромные организации, земские и городские, в состав которых вошли десятки тысяч лучших работников» (206, с. 433). Впоследствии Астров подчеркивал: «Мы никогда не проводили в союзе какие-либо политические программы той или иной политической партии. Мы были свободны от директив партий. Таково было молчаливое соглашение между нами, участниками в работах съезда и партиями, к которым мы принадлежали». И в письме к М.В.Челнокову в 1929 г. он повторил: «Подчеркиваю и утверждаю, что в Союзе городов мы не осуществляли никакой политической программы, были свободны от партийных директив. Наши выступления на съездах политического характера выражали мнения Главного комитета Союза городов, а не личные или партийные взгляды» (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 42, 54). Кадетов той поры все же смущало, что в числе причин, препятствовавших обществу с нужной широтой поставить дело, было крайнее недоверие бюрократии к общественным силам, что выразилось и в ее стремлении сузить задачи Городского и Земского союзов.

Но все-таки союзы, и, в частности, земский, не были «пятым колесом» в административном механизме. Земский союз представлял собой общественную организацию, занимавшую в «административном механизме самостоятельное положение». Были случаи, когда союз отклонял от себя исполнение некоторых административных «поручений», раз они были поставлены «в условия, не отвечающие известным этико-юридическим требованиям».

Союзы возникли «по обстоятельствам военного времени». Не предусмотренные действовавшим до войны правом, они получили свое бытие вне закона. Возникновение союзов, постоянное и неудержимое расширение выполняемых ими задач, образование громадного количества их учреждений — это факты и явления, вызванные особенностями условий жизни России во время войны. Деятели союзов меньше всего стремились к обоснованию своей работы с точки зрения общих принципов права. Действовавший в то время закон не предоставлял городам право объединяться в союзы. Выра-

ботанная административная практика вступала в противоречия со всем централизованным строем управления и опекой над деятельностью местных учреждений. В этих условиях само возникновение ВСГ представляло интерес в публично-правовом отношении и резко отличало его от западноевропейских муниципальных ассоциаций. Круг ведения Союза городов стремительно расширился, охватывая почти все стороны жизни страны, на которых наиболее жестоко отразилась тяжесть войны. Иными были цели союза по сравнению с интеркоммунальными объединениями Западной Европы, которые возникали для осуществления строго определенных задач. Столь же характерно для Союза городов и пространство его действий. Работа объединения российских городов не была ограничена каким-либо округом или территорией. Он сразу стал всероссийским. Лишь первые недели своего бытия он был ограничен в своих действиях пределами тыла. Но и это ограничение скоро отпало и союз стал быстро развивать свою работу и на фронте. Кроме того, в отличие от западных союзов, в состав которых входили только города, ВСГ включал в свой состав все города и городские поселения, изъявлявшие желание стать членами союза. Если по существу везде порядку союзы как публично-правовые организации получают признание и права юридического лица или после легализации, или после регистрации, для чего требуется выполнение известных обязательных условий (иметь устав, точно и ясно сформулированную цель, средства, перечисленные в уставе принципы организации), то возникновение и дальнейшее существование союза оказалось иным. Формального юридического признания в законодательном порядке и утверждения устава он так никогда и не получил. Формальная санкция, как известно, последовала 16 августа 1914 г. высочайшим соизволением. Впоследствии министр внутренних дел Б.В.Штюрмер в своей докладной записке Совету министров указывал, что учредители союзов приступили к работе прежде, чем вопрос о пределах и самой допустимости подобной работы мог остановить внимание власти. Министр внутренних дел, продолжает записка, был поставлен в необходимость оформить уже сложившееся явление и вместе с тем уточнить и, по возможности, сузить предназначение новых организаций. Таким образом, правовой основой обоих союзов являлись два момента: соглашение городов (земств) и санкция этого соглашения в порядке верховного управления. Но оба момента — и соглашение, и санкция — «лишь выразили признание общественнонеобходимой потребности, скорейшее удовлетворение которой представлялось непрерываемо необходимым. В порядке управления Союзу городов было дано название, определены были

цели и срок существования. С окончанием войны, т.е. с исчезновением цели, ради которой союз возник, он подлежал ликвидации» (332. Оп. 1. Д. 26. Л. 221–223). Это в полной мере относится к Земскому союзу.

В своей организации Союз городов не был связан к тому же никакими рамками, и это дало ему возможность приглашать к работе, не стесняясь ограничениями Городового положения 1892 г. и не считаясь с установленным для городских самоуправлений цензом, тех людей, которые могли быть полезны для дела, приводить быстро в исполнение свои решения, не ожидая ничьих разрешений. Эти свобода действий и свобода выбора и определили успех огромной, возложенной ходом событий на союз работы. «Затем союз также свободно, по указанию требований своего опыта, строил свою конституцию, что также обеспечивало правильность его организационного развития» (169, с. IV).

Положение складывалось так, что дело помощи жертвам войны правительство выпустило из рук, не справляясь с ним; то же происходило и в деле снабжения продовольствием армии. «Возможно, что станет на очередь и вопрос о снабжении армии военными припасами — особенно если война будет продолжаться с прежним напряжением. Ко всему этому должны быть готовы общественные силы» (206, с. 375).

Рамки этой работы, правда, на первых порах были довольно ограниченными, сводились только к помощи больным и раненым воинам — и то лишь во внутреннем районе империи. Наличие стройной и сильной организации, быстро выявившей свое моральное и деловое значение, неотложная необходимость в использовании огромных сил этой организации для немедленного удовлетворения колоссальных и разнообразных нужд армии и страны, с которыми правительство без общественной помощи оказалось бы не в состоянии справиться, с первых же дней войны потребовали постоянного и все возрастающего расширения круга задач. ~~Идеи~~ ~~Общественности~~ ~~и~~ ~~главного~~ ~~комитета~~ от 1 августа 1914 — по 1 февраля 1915 гг.», составляющего книгу большого формата (410 стр.), видно, что в течение пяти отчетных месяцев в ВЗС образовалось 9 отделов (эвакуации больных и раненых воинов, по заготовке белья и теплых вещей, санпоездов, врачебно-санитарной помощи, формирования передовых врачебно-питательных отрядов и др.). Например, результат деятельности первого отдела выразался в оборудовании и содержании 175 тыс. коек для больных и раненых воинов.

Очень часто различные требования к союзу шли от военного ведомства. Так, например, вскоре после начала войны Генеральный штаб обра-

тился к ВЗС с просьбой оборудовать ряд распределительных и окружных эвакуационных пунктов и установить на этих пунктах довольствие для раненых и больных. 5 сентября 1914 г. командующий армией генерал А.А.Брусиллов просил Львова командировать в его армию передовой врачебно-питательный отряд. 12 октября 1914 г. Генеральным штабом было утверждено соглашение между военным ведомством и главноуполномоченным ВЗС о формировании и оборудовании союзом 50 санитарных поездов для перевозки раненых и больных воинов. Заметим, что всего было поставлено на рельсы 75 санитарных поездов, которые перевезли 2,5 млн. солдат и офицеров. Этот список можно было бы множить бесконечно. (См., например, 334. Оп. 1. Д. 3. Л. 5–6).

Обширная информация о деятельности отделов ВЗС, которых через два с половиной года насчитывалось уже около 50, считая с отделениями, подотделами и заводами (334. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–28), помещалась в «Известиях Главного комитета ВЗС», выходивших один раз в две недели в количестве 10 тыс. экземпляров. Характерна и деятельность Отдела пожертвований, который возник 1 августа 1914 г.: «Жертвовали все слои населения, начиная с капиталистов, дававших сотни тысяч и кончая крестьянами, привозившими в госпитали кочаны капусты и мешки картошки. Пожертвования притекали со всех концов России, как из самого центра, так и из самых отдаленных окраин вплоть до Хайларского монгольского князя Шена, собравшего среди монголов Барчи 200 руб....» (334. Оп. 1. Д. 4. Л. 10).

Разумеется, на огромную и разнообразную деятельность союзов всех этих пожертвований не хватало. Они были каплей в море тех ассигнований, которые получали союзы от государства. И объем этих средств резко возрастал. Один только пример. Если из Государственного казначейства к октябрю 1914 г. в кассу ВЗС поступило 8 млн. руб., то к 1 марта 1915 г. казна отпустила союзу более 42 млн. руб. (334. Оп. 1. Д. 4. Л. 104; Д. 5. Л. 5).

Зоилы и недоброжелатели союзов и из правительственных, и из право-монархических кругов, а впоследствии некоторые мемуаристы (в частности, В.И.Гурко) утверждали, что государственные средства используются союзами не только нерационально, не по назначению, но и без всякого учета и контроля со стороны государства. Такой сведущий человек, как А.Н.Яхонтов, писал, что Совет министров беспрепятственно отпускал в распоряжение Земского и Городских союзов просимые суммы. Постепенно размер их достигал таких величин, которые стано-

вились весьма заметными в общем составе издержек на военные надобности. О фактическом контроле не могло быть и речи как признаке недоверия к общественному бескорыстию. Пришлось образовать при военном министерстве Особое совещание для рассмотрения ходатайств общественных организаций о пособиях на помощь раненым и больным воинам. Совещание это, не касаясь существа проектировавшихся затрат и соответствия их объему задач данной организации, устанавливало лишь, согласуется ли тот или иной кредит с принятыми общими нормами и расчетами. И эта последняя задача «встречалась с затруднениями в том обстоятельстве, что союзы, вопреки неоднократным требованиям совещания, не признавали нужным давать какие-либо отчеты и сведения об использовании ранее отпущенных им кредитов» (309, с. 298).

Материалы архивов опровергают эту устоявшуюся «версию». В обзоре деятельности ГК ВЗС говорилось, что, получая из казны деньги на свою работу, Земский союз считал своим долгом «обеспечить правительству возможность осуществить в полной мере надзор за порядком расходования предоставляемых в распоряжение союза денежных средств. С этой целью Земским союзом было возбуждено перед председателем Совета министров ходатайство о назначении для участия в заседаниях ГК, в коих будут обсуждаться вопросы финансово-сметного характера, представителя Государственного контроля, каковой и был назначен в лице управляющего Пензенской контрольной палаты К.А.Константиновича» (334. Д. 5. Л. 5–6).

И в структуре ГК ВЗС имелось несколько финансовых подразделений, которые контролировали денежные потоки (финансовый отдел, отдел контрольный, финансово-сметный отдел), кроме того, при Главном комитете был создан и Финансовый совет.

Подобное же отношение к финансовым средствам было характерно и для ВСГ. Он отнюдь не скрывал, что львиная доля его финансовой подпитки шла из казны. На 1 января 1915 г. правительственные ассигнования составляли более 30 млн. руб., членские взносы городов примерно 1,3 млн. руб., пожертвования не достигали и 2 млн. Еще более разительный контраст наблюдался в последующие годы. Средства Государственного казначейства испрашивались по сметам ГК, которые представлялись каждые два месяца в особое Межведомственное совещание по рассмотрению ходатайств о пособиях на нужды, вызываемые военным временем. Совещание это состояло при Генеральном штабе и включало представителей ряда министерств (военного, морского, внут-

ренных дел, финансов и государственного контроля). Кроме того, кредиты в кассу ВСГ шли непосредственно из военного интендантства или военных начальников. На все расходы административного характера существовала 3-процентная надбавка к стоимости содержания учреждений краснокрестного характера.

Громадные денежные обороты ВСГ, самая природа его как общественной организации, выполнявшей задачи чисто государственного значения, являвшийся приходо-расходчиком государственных средств, побуждала ГК союза со всей тщательностью проводить счетоводство, его бухгалтерию и поставить прочно дело отчетности и ревизии. Для ревизии отчетов ГК съезды избирали постоянную ревизионную комиссию. Местная же отчетность проверялась ревизионными комиссиями городских дум на местах. Потребность в фактическом предварительном контроле заставила ГК образовать контрольный отдел, основной задачей которого была проверка всех поступающих к платежу документов. Вся авансовая отчетность проверялась отделом.

Еще в сентябре 1914 г. ГК просил председателя Совета министров «назначить представителя Государственного контроля для участия в заседаниях ГК, в которых будут обсуждаться вопросы финансового и сметного характера». Просьба союза была исполнена, и, таким образом, вся деятельность союза проходила перед глазами правительственной власти. Представители Государственного контроля по просьбе союза были командированы также в контрольный отдел ГК и в контрольные аппараты некоторых фронтовых комитетов. В ответ на нападки противников общественных организаций специально командированный Государственным контролером представитель этого последнего, Г.Годзевский, в декабре 1915 г. нашел в делах союза полный порядок и в своем докладе о ревизии союза заявил «о совершенно правильной постановке счетного дела и отчетности союза» (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 13–14).

Если со стороны союзов «дело было чисто», то власть, особенно на местах, иной раз вела себя слишком раскованно. В некоторых местах ассигнования городских дум в средства союза опротестовывались губернаторами как расходы, не предусмотренные законом (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 13). В свою очередь и правительственная власть всячески тормозила и урезала ассигнования по беженцам, эпидемическим заболеваниям, увечным воинам.

Вскоре после Февральской революции Астров так говорил о «диалектике» взаимоотношений союзов и власти: «Союзы оказались в бли-

жайшем сотрудничестве с органами власти, оказались органами, обслуживающими нужды армии, — в громадном большинстве случаев за счет средств государственного казначейства и вместе с тем и в то же время, будучи органами общественной самодеятельности, они самим своим существованием уже стали выражением протеста против политики старого режима» (23, с. 1).

Это отношение обостренно чувствовала власть. Министр внутренних дел Маклаков в письме к Челнокову, в котором давалось разрешение на городской съезд¹ лишь для отчета деятельности за минувшее время и обсуждения сметы на предстоящее полугодие, добавлял: «Я затрудняюсь в настоящее время высказаться относительно остальных вопросов, могущих быть поднятыми отдельными участниками съезда, ввиду полной неизвестности характера тех предметов, коих эти вопросы могут касаться». И он адресовал главноуполномоченного союза к московскому градоначальнику (335. Оп. 1. Д. 4. Л. 9).

На этом съезде «надзирающим лицом» был представитель градоначальника. В литературе есть мнение, что этот съезд был лояльным к власти (257, с. 59). На первый взгляд все, будто бы, так и было. Руководство ВСГ пригласило всех членов правительства персонально, в том числе и министра внутренних дел и министра финансов Барка, который прислал телеграмму: «От души желаю собравшимся на второй съезд представителей ВСГ успешной деятельности, направленной на святое дело оказания помощи доблестным защитникам Родины» (335. Л. 175).

На съезде лидер союза остановился на взаимоотношениях с властью. Он говорил: «Особенно дорого, ценно для нас — это отношение к нам военного ведомства. И отрадно сказать, что работа нашего союза отмечена высоким порывом помочь воинам всегда и везде, особенно в высших представителях ведомства встречает правильную оценку, откровенную поддержку и искреннее желание помочь. То же можно сказать и

¹ Разрешение на второй съезд ВСГ. Первый состоялся в сентябре 1914 г. На нем большинством голосов главноуполномоченным был избран М.В.Челноков. Н.П.Вишняков в своих записках о деятелях Московской городской думы так «описал» его: «Высокая фигура с черными волосами, черной короткой бородой и усами, в очках. Одна нога кривая, а поэтому ходит переваливаясь, при помощи клюки. Из видных земских деятелей. Человек, несомненно, умный, с большой энергией, хотя любит иногда пустыми разговорами затягивать заседания. Человек злой и ехидный, кадет... Говорит легко и свободно, хотя не особенно красиво» (336. Оп. 1. Д. 16. Л. 22).

о высшем правительстве. В этом деле оно стало на правильный путь доверия и взаимодействия с общественными силами и, думаю, результат не заставит разочароваться в таком отношении к обществу» (335. Д. 4. Л. 105).

Однако серьезным разочарованием для самого Челнокова были выступления некоторых участников съезда, особенно Н.Н.Шнитникова, представителя Санкт-Петербурга. У себя в городе он давно ходил в левых (54, с. 191). Он выразил протест в связи с тем, что в заседании присутствовал представитель московского градоначальника, который «и пытался регулировать нашу деятельность». Это обстоятельство Шнитников поставил в вину Челнокову. Находя, что зависимость работы съезда от усмотрения московского градоначальника «не соответствует достоинству и значению союза и съезда», он просил от имени ряда делегатов разъяснить съезду, чем вызвано распоряжение министра и были ли предприняты ГК меры к его отмене, и какие предполагаются меры, чтобы не допускать вмешательства в дела союза представителей московского градоначальника. Он просил также главноуполномоченного сообщить съезду, какими соображениями руководствовался ГК, «приглашая пожаловать на съезд г. министра внутренних дел», тем более, что по этому вопросу существовали разногласия в ГК. Это заявление подписали Шнитников и Алмазов (Саратов).

Шнитников предлагал также съезду выразить пожелания об устранении препятствий к культурной и просветительской деятельности общественных и частных организаций и к возникновению и свободному существованию профессиональных и просветительских обществ. У некоторых делегатов тоже были замечания серьезного свойства. Так, представитель города Томска Е.Л.Зубашев довел до сведения съезда, что деятельность ВСГ «встречает в Томске и других сибирских городах большие препятствия со стороны местной администрации. Последняя, например, не разрешает учреждение местных комитетов союза, ссылаясь на неполучение надлежащих инструкций от центральной власти» (335. Д. 6. Л. 29,30).

Челнокову пришлось оправдываться. Однако он сам выразил желание участников съезда, которое не слишком могло радовать власть. Он говорил, что работа союза даст ему право на существование для достижения мирных культурных целей на благо российских городов (335. Л. 111).

В это же время, 27 февраля 1915 г., состоялось заседание Совета министров, практически посвященное деятельности союзов. Застрельщиком похода против ВЗС выступил генерал В.И.Покатило, недовольный национальным составом организаций Земского союза в Ростове-на-Дону и якобы пропагандой левых взглядов «революционной рвани». На заседании Совета министров он говорил, что не может «ухватить членов думы, которые неприкосновенны. Поговоришь со Львовым — такой хороший, что жаль с ним расстаться. Двуличный фарисей. Каков поп — таков приход. Одно сплошное фарисейство — весь этот союз... Власть уходит из рук, идет издевательство над властью». При всем при том он признавал, что «по внешности все хорошо», т.е. практическая работа шла нормально (245, с. 139, 141). И это все говорил тот генерал, наказной атаман Войска Донского, еще четыре месяца назад заявлявший в телеграмме в ГК ВЗС: «Счастлив, что вверенная мне область прикнула к руководимому вами святому делу» (334. Оп. 1. Д. 5. Л. 1).

Но важнее, конечно, реакция на ВЗС министров Российской империи. Н.А.Маклаков был последовательнее всех в неприятии союза: «Смотрю на вопрос шире. Дело в союзе стоит неблагоприятно. Хотел уточнить его положение, не допуская государства в государство — на это союзу бескорыстная работа прав не создаст. Вся Россия сталкивается с союзом. Компания во многих случаях темная... Государство не может дольше молчать. Иначе власть растворится в чем-то ей заведомо враждебном... Порядок в руках власти губернаторской, и он отвечает за все. Как же допускать рядом с ним обособленные организации» (245, с. 140).

Общий тон заседания Совета министров был обличительный по отношению к ВЗС, но председатель И.Л.Горемыкин сказал, как о деле решенном: «Вопрос общий обсуждали — я его не ставлю». Н.А.Маклаков продолжал гнуть свою линию: «Ошибка в августе — расплачиваемся и еще будем». А.В.Кривошеин согласился с министром внутренних дел: «Сделали ошибку 12 августа». Но, продолжал он, «через семь месяцев — поздно» (245, с. 140, 142).

Н.А.Маклаков уже второй раз резко ставил вопрос об общественных организациях на заседании Совета министров. Первый раз он это сделал еще 25 ноября 1914 г. Обсуждалась его записка, составленная им 18 ноября того же года. В записке указывалось, что оба эти союза «не мирятся с временным характером своей деятельности и определенно готовятся к той работе по переустройству общественной жизни, очередь

которой должна наступить, по их мнению, после благополучного окончания войны... За неизбежность уклонения в сторону политики, если не в настоящем, то в последующее и, несомненно, недалекое время, — подчеркивалось в меморандуме Маклакова, — говорит, между прочим, самый состав главных деятелей союзов, в большинстве принадлежащих к нашим оппозиционным партиям». Маклаков заявил себя решительным сторонником наделения правительственной власти правом влиять на личный состав местных отделений обоих союзов. Однако это предложение не встретило сочувствия у его коллег. Маклаков считал также необходимым и определить срок упразднения союзов примерно в полгода со времени прекращения деятельности открытых ими санитарных учреждений (245, с. 390—391).

Но союзы так быстро развились и так естественно «вплелись» в ткань общественной жизни России, что уже в марте 1915 г. специально обсуждался вопрос об этих организациях на заседании ЦК кадетской партии. С докладом выступил Н.В.Некрасов (101; 295). Он говорил о роли партии по отношению к всероссийским союзам — Земскому и Городскому. Обращаясь к положению дел в Москве, он сказал, что «не только главный работник Н.М.Кишкин, но и все МО ЦК совершенно ушли из политической работы и глубоко сидят в практической работе по Городскому союзу. Надо обратить их внимание на более широкие задачи. Что касается Земского союза, то к.-д.-тских элементов там очень мало, и кн. Львов вполне сознательно проводит в нем политику аполитизма» (206, т. 3, с. 54).

Некрасов говорил, что в ВСГ «главными работниками являются все же члены партии Кишкин, Астров и А.Д.Алферов, и если они чем-то загнипнотизированы, так это главным образом своей крупной ролью в деле и активностью своей натуры. Линия же Челнокова определенно политическая, он старался не пропускать в уполномоченные лица с неудобным прошлым (“выборжцев”, например). Что касается того, что союзы, может быть, и не будут существовать, то потребности населения и дела, вызывающие существование союзов, настолько велики и серьезны, что самая ликвидация их реакционным правительством явится сильным агитационным средством против него же» (206, т. 3, с. 55). «Желание непартийности таких союзов, — считал А.С. Изгоев, — совершенно правильно. Такие союзы могут впоследствии пригодиться и для партии к.-д., давая материал в основу ее домогательств. И надо выдвигать своих людей для вступления в эти союзы, но создавать внутри самих

союзов господствующие партии и оппозицию было бы совершенно излишним. Практическая линия поведения для партии в этом деле была бы: пополнять союзы своими людьми, но не выделяться при этом политически» (206, с. 56).

По словам М.М.Винавера, «если бы даже союзы и не надеялись сыграть политическую роль, участие в них сейчас очень необходимо: в военных кругах и сейчас говорят, что казенное — плохо, а общественное — хорошо...» (206, т. 3, с. 56).

П.Н.Милоков также полагал, что «...и в провинции, в отделах Городского союза работают с мыслью, что со временем это “приложится” как следует.... Но здесь опять возникает вопрос: какую же политическую работу могут проделать союзы? Странно было бы возлагать на них роль организаций, могущих оказывать воздействие или давление на Госуд. думу...» (206, т. 3, с. 56). Он соглашался с А.А.Корниловым в том, что «союзы полезны в смысле объединения прогрессивных элементов («не левее прогрессистов»), раз у них такой организации нет; но кн. Львов в этой неорганизованности и видит рычаг непосредственного воздействия на правительство и, с своей точки зрения, прав. С другой стороны, на Городской союз возлагали преувеличенные надежды, чуть ли не надеялись, что он из своей среды выдвинет временное правительство». Этих надежд Милоков не разделял. «Этот слишком хрупкий инструмент сломился бы очень быстро. Движение — если оно будет — пойдет мимо: и... Земского, и... Городского союза» (206, т. 3, с. 57). «Опыт последних совещаний, например, московского, показал, что местные люди как будто и сами приходят к мысли, что наряду с деловой работой в союзах и т.п. надо усиливать и работу политическую» (206, т. 3, с. 59).

Винавер, как бы подытоживая решения, говорил, что «разногласия происходят здесь не по существу, а лишь о способе осуществления всеми признаваемой правильной мысли о необходимости усиления политической работы в союзах», необходимо «попытаться выяснить, чем можно было бы усилить активность Городского и Земского союзов» (206, т. 3, с. 59).

Челноков выдавал желаемое за действительное — уже тогда отношения союзов и власти не были столь безоблачными. В противовес своему лидеру Астров утверждал, что «со стороны представителей власти отношения остаются старые, привычные, назовем их скромно “недоброжелательными”» (90, 1915. № 10, с. 7). Многие городские головы, в том числе и городской голова столицы, приходили в отчаяние

том числе и городской голова столицы, приходили в отчаяние от явного нерасположения властей к городскому самоуправлению: «Никто помочь не хочет — ни министерства, враждебно относящиеся к “самоуправлениям” и желающие их провала, ни военные власти, предъявляющие только требования и не ударяющие палец о палец там, где нужно поддержать» (261, с. 673).

Правительство явно не учло уроков прошлого. Как писал А.А.Брусилов, вновь был выдвинут старый лозунг: «Держи и не пушай!», а все осталось по старому. Что посеяли, то и пожали! (32, с. 246). Это особенно контрастировало с тем единением, которое наблюдалось в начале войны. В зарубежной историографии этот момент также отмечается. После начала войны значительная часть русских общественных движений объявила мораторий на политическую оппозицию и изъявила готовность верноподданно оказать поддержку правительству. «Эта вторая война, — вспоминал А.Ф.Керенский, — предоставила царю уникальную возможность протянуть народу руку дружбы, тем самым обеспечить победу в войне и укрепить монархию на многие годы вперед» (210, с. 28).

О том же говорилось на заседании ЦК кадетской партии уже в 1914 г. Произошли колоссальные изменения в настроениях страны со времени исторического заседания Госдумы 26 июля. Тогда имели право говорить о единстве страны, так как оно действительно существовало. Готовясь к жертвам, страна напряженно чего-то ждала от власти. Особенности ожидания связывались с приездом царя в Москву. Но время уходило и ничто во внутреннем курсе политики не изменялось. С тех пор настроение стало падать и кое-где сменилось уже колоссальным разочарованием (206, с. 426). Здесь же указывалось, что недовольство в стране растет в геометрической прогрессии (206, т. 2, с. 428). Таким образом, в ноябре 1914 волна патриотического подъема в стране явно шла на спад.

Американский историк А.Рабинович полагает, что если дела обстояли действительно так, то шанс был упущен с самого начала. Рассматривая любое проявление общественной инициативы как подрывную акцию, русское правительство, возглавляемое постепенно впадающим в старческий маразм Горемыкиным, сделало все возможное, чтобы в зародыше подавить целый ряд заслуживающих внимания устремлений, включая предложения ВЗС и ВСГ по повышению боеспособности через мобилизацию промышленности, оказание помощи беженцам и реорганизацию системы здравоохранения. Сама по себе такая политика царского

правительства не была бы гибельной, если хотя бы некоторые из принимаемых им мер были успешными. Однако, когда ужасные провалы на фронте и явные просчеты в управлении тылом стали широко известны, правительство попало под огонь критики (210, с. 29).

В такой обстановке начала сказываться и оппозиционность союзов, но вовне она проявлялась поначалу неуверенно и робко, скорее союзы шли по инерции патриотического единения. Недовольство союзов питалось тревожными сообщениями с театров военных действий.

Это очень ярко проявилось, например, в приветственной телеграмме земского съезда царю 5 июня 1915 г., который повергал перед монархом «чувство беспредельной преданности. Нерушимо единение царя и земли. Верьте, Государь, что весь народ русский в настоящие великие и ответственные дни радостно откликнется на выражение этого единения, осуществляемого в незамедлительном созыве законодательных учреждений и в установлении согласной, исполненной взаимного доверия, работы общественных и правительственных сил...» (334. Оп. 1. Д. 7. Л. 38). Как считал Яхонтов, «за первые месяцы войны, при господствовавших настроениях, союзы не позволяли себе вызывающих выступлений...» (309, с. 302). Но это не было тактикой общественных организаций. Астров откровенно писал, что русское прогрессивное общество с началом войны прекратило политическую борьбу и «устремилось на помощь власти в организации победы» (335. Оп. 1. Д. 16. Л. 26). И ответ царя, казалось, был выдержан в традиционном духе. Он «сердечно благодарил» земцев «за выражение мне одушевляющих их, истинно русских чувств» и не сомневался, что все земство «совместно с порывом патриотизма всех слоев населения страны значительно усилит дело снаряжения армии и подкрепит доблестные наши войска» (334. Оп. 1. Д. 7. Л. 39).

Но уже в земской телеграмме слышны были новые нотки о незамедлительном созыве законодательных учреждений — как бы прологе новых отношений власти и общественности.

СОТРУДНИЧЕСТВО И БОРЬБА

А.В.Оболонский в книге «Человек и власть: Перекрестки Российской истории» (161) пишет, что наибольшие шансы монархии и обществу на эволюционное развитие давал «союз власти с буржуазией». Обычно всю вину за то, что подобный альянс так и не вышел за пределы

самых первоначальных, неразвитых форм, «возлагают на власть». Действительно, соглашается автор, царизм, вопреки настоятельной необходимости и усилиям наиболее дальновидных правительственных сановников, вел себя в этом вопросе весьма непоследовательно, и можно сказать — пугливо. Сделав шаг в сторону союза с буржуазией, он тут же останавливался и предпринимал меры по нейтрализации последствий сделанного. Эта неспособность приспособления к меняющимся условиям в конечном счете и «определила его историческую обреченность». А.В.Оболонский полагает, что и русская буржуазия «не была готова к роли полноценного партнера власти». Основа основ буржуазного духа — «независимость и инициативность — так по-настоящему и не развились в среде российских промышленников и купцов». Появление буржуазной конституционной демократической оппозиции самодержавию, по существу, «относится лишь к периоду агонии режима — его последним полутора десятилетиям, когда в сознании части российских буржуа начали происходить значительные сдвиги...». Однако к этим изменениям вполне применима классическая формула «слишком поздно, слишком мало»... Кризис «неотвратно приближался, а ускорила и усугубила его, сделав столь тотальным и страшным по последствиям, первая мировая война» (161, с. 221–223, 256).

Многие современные отечественные и зарубежные исследователи кризиса вовсе не находят, что этот кризис «неотвратно приближался». В.Ю.Черняев на этот счет афористичен: «Без первой мировой войны не было ни Февраля, ни Октября 1917 года». (15, с. 63). Подобную мысль высказывали и лучшие деятели старой России, особенно либералы макаловской складки. Но однажды она «посетила» и Ленина. Не чужды ей и некоторые современные авторы. Так, по мнению американского профессора Ц.Хасагавы, во время войны «противоречия претерпели коренные, качественные изменения. Их нельзя считать просто продолжением довоенных противоречий. Война превратила их в настоящую революционную ситуацию. Если в июле 1914 года мы не могли говорить о неизбежной революции, то в феврале 1917 года она стала неизбежной», и последующий революционный процесс — «выражение фундаментальных социальных противоречий» (15, с. 51).

Другой американский историк, У.Розенберг, считает, вслед за В.С.Дякиным, что главный поворотный пункт «на пути к революционным потрясениям» — конец весны 1915 года (216, с. 206). Это действи-

тельно так по многим «показаниям». Именно тогда «патриотическое единение» сменилось на «патриотическую тревогу».

Тяжелейшие поражения русской армии в Карпатах и стремительный откат войск из Галиции, «великое отступление», вызвали потрясение, шок в стране. Всплеск негодования в обществе был беспрецедентным. Никто, наверное, не ожидал такой катастрофы. Многим грезился триумф русского оружия, победное шествие на Берлин и лавры страны-победительницы. Вместо этого «Галицийский апокалипсис», кошмар тысяч убитых, раненых, попавших в плен, нескончаемый поток беженцев, растекшийся по всей стране, новые мобилизации запасных, прогрессирующая дороговизна, ухудшение качества жизни. Поползли слухи об измене, о «темных силах», свивших гнездо чуть ли не в царских чертогах. Общественность встrepенулась, сбросила оцепенение «единения с властью». Она открыто ставила в вину «приказному строю» неготовность армии к большой войне и прежде всего катастрофическую нехватку вооружения и снарядный голод, сыгравшие ключевую роль в поражении российских войск.

Огонь критики сосредоточился на правительстве и особенно на военном министре В.А.Сухомлинове¹. Многим были еще памятны его

¹ Прекрасно передает «аромат эпохи» — атмосферу и «быт» непосредственных контактов, отношений лидеров общественных организаций с главой правительства и министрами в ходе деловых встреч с ними главноуполномоченный Союза городов М.В.Челноков (в передаче Д.Н.Челишева): «Живо и картинно рассказывает Михаил Васильевич о своих посещениях И.Л.Горемыкина, чтобы осведомить его о положении, в котором находится армия, страдающая от недостатка снаряжения и прочих материальных средств. И.Л.Горемыкин с закрытыми глазами сосал свою сигару, а когда рассказ дошел до конца, старик открыл свои белые глаза и спросил, как рассказчику нравится обстановка в новом доме председателя Совета министров и начал со своей стороны рассказывать о том, с каким трудом ему удалось эту обстановку собрать. Выслушав рассказ Горемыкина, М.В. вновь начинает свое повествование и старик опять дремлет. Кончил М.В., старик, отвалившись, спрашивает, знаком ли он с его женой и не дождавшись ответа, вызывает дежурного чиновника и приказывает ему проводить М.В. на прием к жене. А после приема у супруги председателя Совета министров оказывается, что сей последний уехал на какое-то заседание.

Едет М.В. к военному министру Сухомлинову, рассказывает ему то же. Сухомлинов все рассказанное отрицает: всего вдоволь, недостатка ни в чем нет. Мало того, выдвигается тема такого содержания: “Все хулят и корят правительство. Бывают действительно промахи. Но... промахи зачастую спасительные”. Военный министр достает из письменного стола карту и план Осовецкой крепости с сентябрьскими на укреплениях точками по-

выступления в Государственной думе, убаюкивающие страну тем, что в армии все в порядке, и предвоенная статья в «Биржевке» «Россия готова к войне», инспирированная В.А.Сухомлиновым, и ставшие теперь неопровержимыми уликами, лишавшими его даже видимости алиби.

Но общественность не довольствовалась только критикой, — она отозвалась и организационно. Прошли съезды ВСГ, ВЗС, ВПК. Наиболее характерна для всех съездов речь при открытии съезда ВЗС 5 июня 1915 г. его главноуполномоченного кн. Львова. Он начал с того, что съезд собрался спустя лишь три месяца после мартовского съезда «в виду исключительных обстоятельств. Львов говорил об отступлении армии и подчеркнул «величайшую важность» предпринятых шагов общест-венности. По инициативе председателя Государственной думы М.В.Родзянко организована и высочайше утверждена Особая комиссия под председательством военного министра из членов Государственной думы и представителей промышленности, которая приняла на себя заботу об усилении производства боевого снаряжения. Наряду с этим съезд представителей промышленности решил мобилизовать ее на изготовле-ние боевого снаряжения. Он организовал ЦВПК и признал необходи-мым объединиться с общественными организациями и, в первую очередь, с Земским и Городским союзами. Лидер ВЗС считал, что перед Росси-ей, перед общественностью встала задача, «неподъемная для одних пра-вительственных сил». И далее Львов оснастил свою речь изрядной пор-цией критики: «Господа, мы должны сказать: великая народная война ведется не как национальное дело, общественные силы не привлечены к ней сполна. Войну ведет государственная власть. Единение власти и общественных сил еще не состоялось, оно еще не достигнуто....». Князь обрисовал ту огромную работу, которую провел ВЗС за десять месяцев своего существования. В частности, было открыто 175 тыс. коек, рабо-та шла на всех фронтах, союз обслуживал передовые позиции не только в отношении эвакуации, но и медико-санитарном отношении. На фрон-тах, говорил Львов, «мы слились... с жизнью армии». И он вопрошал

ражения от неприятельских снарядов, и торжественно заявляет: “Если бы укрепления были построены из доброкачественного цемента, то они давно были бы разрушены снарядами, ибо крепкий бетон разлетелся бы на части. А так как вместо цемента клали песочек, то снаряды в него зарываются и не рвутся!” Мораль была ясна: от злоупотреблений одна польза и т.д.

Едет М.В. к Кривошеину. Этот берет на себя роль посредника и, в конце концов, на-чинается работа союзов по обслуживанию не только санитарной, но и разнообразной матери-альной стороны войны» (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 75–76).

своих единомышленников о том, идет ли работа гладко «в отрядном, бодрящем единении» и в тылу. «Каждый из нас прекрасно сознает, что нет». Он напоминал о тех трениях, преодолеть которые стоило союзу громадных усилий. ВСГ заполнил ту область, которая была абсолютно пуста. Когда это делалось, власти приветствовали это, но когда была создана эвакуационная организация, то на каждом шагу она стала встречать препятствия. Печальная история произошла и с работами союза в области заразных болезней. Он мог создать стройную организацию, но это не осуществилось. Сверху проведена в жизнь идея разъединения сил для ослабления их, и в результате борьба с инфекционными заболеваниями в стране не организована должным образом. Вспыхивают эпидемические заболевания, особенно развилась холера.

Львов признавал, что дело ведется союзом на народные деньги, которые отпускает ему правительство. Вместе с тем, он отметил те затруднения, с которыми сопряжено их получение. Требования Совета министров, обуславливавшие отпуск средств, постоянно повышались. «Требования эти все продиктованы недоверием». Сперва было достаточно одних сметных отчислений, затем потребовались поверочные сведения от местной администрации. По отношению фронтов сначала требовались заключения высших военных властей, командующих армиями, затем начальников снабжения армии и главнокомандующих, наконец, санкции верховного начальника санитарной, эвакуационной части. Требования эти создают такую медлительность в исполнении, которая подсекает всякое значение предпринятых мер и которые совершенно не считаются с темпом хода событий.

Наконец, и по отношению к ходатайствам общественных учреждений после установления порядка, в котором должны испрашиваться средства и которым установлен периодический отпуск их через каждые два месяца, неожиданно было предъявлено новое требование, чтобы сметные предположения сопровождалось заключениями представителей верховного начальника санитарно-эпидемиологической части на местах, а также представителей Российского общества Красного Креста. В результате ассигнования идут крайне медленно и работа ВЗС проходит в ненормальных условиях.

В заключительной части речи Львова сочетались традиционная верноподданность и поднимающаяся оппозиционность общественности: «Предлагаю вам, господа уполномоченные земств, в эти трудные минуты засвидетельствовать Государю Императору нашу беспредельную предан-

ность и искреннюю готовность отдать все свои силы на служение армии для доведения войны до полного одоления врага, и выразив непоколебимую уверенность в торжестве русского оружия, высказать единодушное убеждение земской России, что объединение правительственных и общественных сил, столь необходимое в настоящую минуту, требует немедленного созыва Государственной думы» (334. Оп. 1. Д. 7. Л. 41–45).

На волне этой «патриотической тревоги» и возникли новые, вполне родственные по своим задачам, общественные организации – ВПК и Земгор.

IX съезд промышленности и торговли (25–27 июля 1915 г.), стоявший у истоков военно-промышленных комитетов, был разрешен правительством, хотя не очень охотно: делегаты «поболтают и разъедутся» (245, с. 166). Дело пошло на съезде совсем иначе.

ВПК родились «с пылу, с жару» – П.П.Рябушинский¹ явился на IX торгово-промышленный съезд из самого пекла войны, из-под обстрела вражеских пушек и потрясенный почти гробовым молчанием русской артиллерии из-за отсутствия снарядов. В эмоциональной, почти аффективной речи он призвал своих «братьев по классу» мобилизовать частную промышленность для эффективной помощи фронту. Почин был воспринят сразу же: съезд решил создать центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК) с сетью порайонных организаций. Рябушинский «сыграл первую скрипку» в создании Московского областного ВПК, самого мощного из «местных» комитетов: в него вошли «26 отраслей промышленности на территории, включающей 12 центральных губерний» (185, с. 97), впоследствии выполнявший половину всех заказов армии (85). Во главе ЦВПК встал Н.С.Авдаков, а после его смерти (1915) был избран А.И.Гучков, заместителем – А.И.Коновалов. Московский ВПК возглавил П.П.Рябушинский, а его заместителями стали А.И.Коновалов (от ЦВПК) и кн. Львов (от Земгора).

Самый состав ВПК, а до того и речи на IX съезде промышленников вызвали неудовольствие Горемыкина, который сделал репри-

¹ Н.П.Вишняков, человек весьма умеренных политических взглядов, еще до войны дал такую характеристику П.П. Рябушинскому: «Кадет, декадент, революционер..., а с другой стороны – десконтер, миллионщик и жила. Один из удивительных современных типов русской культуры, совмещающих в себе несовместимое. Устаивал Думу (городскую – В.Ш.), к счастью, редко своим посещением. Маленький, чернявый» (336. Оп. 1. Д. 16. Л. 33).

манд министру торговли и промышленности В.Н.Шаховскому за то, что съезд «уклонился в политическую сторону» (245, с. 169).

Рождение ВПК особенно приветствовала армия, она и помогала этим «родам». Не отвернулось от них и правительство. ВПК, имевшие целью, как говорил А.И.Коновалов, «содействие правительственным учреждениям в деле снабжения армии и флота», действовали на основании утвержденного царем 27 августа 1915 г. Положения Совета министров (176, с. 391).

На состоявшемся 25–27 июля в Петрограде съезде военно-промышленных комитетов, на котором председателем ЦВПК был избран А.И.Гучков (его заместителем — Коновалов), Рябушинский коснулся отношений буржуазии с властью: «...Мы и сознаем, что если мы объединимся, все вместе, со всеми теми силами, которые готовы нас отвергнуть, то мы спасем Россию, мы сделаем великое дело. Но для этого нужно, господа, чтобы власть нам сама помогла. Она должна себя пересмотреть, потому что, если будет промедление, то она им себя ослабит, или, когда нас призовет, будет уже поздно» (185, с. 100; 264).

Не дождавшись «отклика» от власти, лидеры ВПК и представители союзов в августе 1915 г. (Гучков, Львов, Челноков, Коновалов и др.) обсуждали не только конкретные вопросы их практической деятельности, но и политические проблемы — создание прогрессивного блока, «кабинета национальной обороны». По «задумке» лидеров общественных организаций, последний должен был состоять из трех действующих министров «либеральной складки» и ряда известных общественных деятелей. Вся страна 13 августа узнала из «Утра России» этот составленный ими список. По сути, это был тактический прием «давления» на власть.

Из этого же «репертуара» была и другая инициатива Москвы. 18 августа 1915 г. Московская городская дума, где «верховодили» Челноков и Астров, решила послать телеграмму к царю и выработать резолюцию. В ней говорилось: «Основой достижения победы является единение народного представительства со страной. Мы убеждены, что Государственная дума сумеет в этот час испытания выразить истинное настроение страны... Стоящие ныне перед страной задачи требуют создания правительства, сильного доверием общества и единогодушного. Во главе его должно быть поставлено лицо, которому верит страна» (185, 188).

Николай II отвечал уклончиво и «безлико». Но в тексте явно читалось «нет» ходатайству гласных Думы: «Вполне разделяю мысль, что теперь, когда все силы должны быть направлены к одной цели — одоле-

нию врага, особенно необходимо единение царя и его правительства с народом» (185, с. 101). «Афронтом» для Рябушинских и Коноваловых кончилась и затея с посылкой телеграммы к царю с тем же запросом.

25 августа П.П.Рябушинский созвал экстренное совещание членов МВПК. В присутствии более ста представителей от местных военно-промышленных комитетов он призвал «путем давления на центральную власть добиться участия общественных сил в управлении страной». «Нам нечего бояться, — вдохновлял глава московского купечества собравшихся, — нам пойдут навстречу в силу необходимости, ибо армии наши бегут перед неприятелем». В принятой резолюции выдвигалось конкретное требование «немедленного призыва новых лиц, облеченных доверием страны, в Совет министров».

Не без связи с этими событиями Коновалов и Рябушинский в духе «социального партнерства» осуществили эксперимент с включением рабочих в ВПК, чтобы отвлечь их и от сугубого радикализма и через них «умиротворяюще» влиять на рабочие массы и «обеспечить» большую дисциплину на предприятиях. Но не только — как «инструмент» воздействия (когда нужно) на правительство — тоже.

Эксперимент начал «спотыкаться» с самого начала: у Коновалова сорвалось в Питере, а у Рябушинского не все шло по плану в Москве. Рабочие согласились войти в ВПК не сразу и после ожесточенных дебатов в собственной среде (самые «левые» так и не пошли в «буржуазную Каноссу», а «соглашатели» добились для себя у организаторов — хозяев — «автономии» в ВПК), стали отдельной — «Рабочий центр» усматривает некую дальновидность в контактах А.И.Коновалова, А.И.Гучкова с лидерами Рабочей группы К.А.Гвоздевым и В.О.Богдановым: «Этими контактами они готовили почву для функционирования блока революционных оборонцев», который сыграл значительную роль после Февральской революции в создании и деятельности коалиционного правительства (15, с. 35). Л.С.Сергеева склонна подчеркивать именно опыт сотрудничества в ВПК рабочих и предпринимателей (242, с. 8).

Между тем, это было капризное «дитя» Коновалова— Рябушинского: согласившись работать в ВПК для защиты родины, они все же испортили немало крови «родителям» своей «партийностью», солидарностью с мастерами, своими классово-публицистическими речами и заявлениями. Известный московский предприниматель И.Д.Сытин в глаза говорил сторонникам «приобщения» рабочих в ВПК, в частности,

С.Н.Третьякову: «Военно-промышленные комитеты заваривают с рабочими такую кашу, что после и не расхлебаешь» (35, с. 100; 334. Оп. 1. Д. 11. Л. 16).

По мнению Р.Пайпса, Рабочая группа проводила «действенную политику, типичную для меньшевиков, а позднее для возродившегося Петросовета, своего рода предтечей которого она и была. С одной стороны, группа помогала ЦВПК сохранять рабочую дисциплину в оборонной промышленности. С другой стороны — бросала пламенные призывы к скорейшему свержению монархии в разгар войны, которую при этом не собирались прекратить» (172, с. 303–304). Австралийский историк Л.Сигельбаум более категоричен. На его взгляд, буржуазия и «оборонцы» не смогли эффективно использовать друг друга (313; 302, с. 134; 292).

С.В.Тютюкин считает, что Рабочая группа видела свою главную задачу не в содействии оборонной промышленности и в срыве поставок, как утверждалось в советской историографии, а в организации рабочих масс и защите их экономических и политических интересов (269; 302, с. 101). В работах С.А.Лоскутова показана борьба политических партий в рабочих группах ВПК (131–133).

М.М.Червякова, рассмотревшая деятельность одной из партий — Бунда, — пишет, что Бунд видел в рабочих группах ВПК начало демократизации политического строя страны. Бундовцы активно участвовали в работе ВСГ и ВЗС. (283; 302, с. 101). По словам Р.Пайпса, который всегда стремится широко смотреть на исторические факты, участие рабочих в управлении производством, участие гражданских представителей в Особых совещаниях и Земгоре, других общественных организациях, — все это было «симптомом тихой, бархатной революции» (172, с. 261–262). А У.Глисон и Т.Портер склонны считать, что «История Земского союза иллюстрирует начало гражданского общества», — его развитие могло бы содействовать политическому и экономическому росту страны (314).

С самого начала пути ВПК и Земгора тесно переплелись — и организаций, и лидеров, которых представляли Рябушинский, Коновалов, Челноков, Львов, Гучков, С.Н.Третьяков и некоторые другие.

Предыстория Земгора уходит в июнь 1915 г. 5 июня съезды ВЗС и ВСГ решили, что земствам и городам следует принять самое широкое участие в снабжении армии, причем не отдельным земствам и городам, а централизованно, через Главные комитеты ВЗС и ВСГ. При ГК был

создан Отдел по снабжению армии. Во главе его встал Д.М.Щепкин, Н.Н.Ковалевского и С.М.Леонтьева избрали членами специальной комиссии. Оперативно был составлен список предметов вооружения и снаряжения, которые необходимы для армии, условия заказов, имеющиеся средства производства.

ВЗС сразу же подчеркнул необходимость доверия к нему со стороны правительства. Военный министр отреагировал быстро – ВЗС и ВСГ получили 5 млн. руб. на организацию нового дела (334. Оп. 1. Д. 8. Л. 38). ГК ВЗС предложил координировать деятельность ВСГ, ВЗС и ВПК. В «глубинке» «разграничатся» сами местные комитеты – им больше самостоятельности.

ГК должен был помимо общего руководства сноситься с центральными правительственными органами, выяснять общее задание и порядок получения заказов отдельными земствами, определять условия, по которым следует выполнять заказы, обеспечивать производство на местах сырьем, материалом и топливом. Получение средств из казны и распределение их тоже было прерогативой ГК. Он планировал организовать районные и областные совещания представителей земств – инициатива ожидалась от них.

Одновременно с ВЗС приступил к снабжению армии и ВСГ. Он сформировал Военно-технический отдел, состоящий из комитета и исполнительного бюро. Чтобы привлечь в отдел местные и иногородние технические силы, по городам срочно разослали анкету: что они могут делать по снабжению армии и как наиболее целесообразно распределять заказы. В исполнительное бюро, образовавшееся 15 июня, вошли Н.А.Артемьев, А.И.Петров, П.И.Велихов. Бюро развило невероятную энергию, устраивая новое дело, посылая в командировки, в т.ч. в Англию и США, добываясь права приобретать станки за границей в неограниченном количестве и т.д.

Военно-технический отдел состоял при ВЗС, ВСГ и Московском городском управлении и находился в подчинении у объединенного президиума этих общественных организаций. В состав президиума входили главноуполномоченные ВЗС и ВСГ, их заместители и по два члена союзов, а от московского городского управления – городской голова и его товарищ.

Военно-технический отдел ведал лишь техникой, общее руководство лежало на ГК союзов. Президиум решал только некоторые вопросы. Руководители ВСГ и ВЗС быстро осознали, что эта «излишняя про-

моздкость не обеспечивает экономии сил и согласованность мероприятий союзов». Требовалось объединение союзов в закупках, распределении заказов и т.д. Намечалась необходимость к дальнейшему объединению сил в деле снабжения армии. Не раз устраивались соединенные заседания Главных комитетов и, наконец, они «пришли к убеждению в необходимости выделить из своего состава особый объединенный комитет для заведования всеми делами снаряжения армии». Это произошло 10 июля. Так возник «Главный по снабжению армии комитет Всероссийских Земского и Городского союзов» – Земгор (334. Л. 39 об–40). На нем лежало общее руководство: сношения с правительством, военным ведомством и другими официальными учреждениями и лицами. Он ведал приемом от военного ведомства заказов, передачей ему изготовленной продукции, испрашиванием кредитов, распределением заказов между городами и земствами, кредитами, устройством фабрично-заводских предприятий. Комитет действовал на основе полномочий, полученных от ГК союзов. В комитете председательствовал главноуполномоченный одного из двух союзов по взаимному их соглашению. На случай их отсутствия избиралось два товарища председателя: от ВСГ и ВЗС. Чтобы заседание считалось действительным, требовалось не менее трех членов при обязательном участии представителей обоих союзов. В состав ГК вошли от ВЗС – главноуполномоченный Львов, Н.С.Лопухин и Д.М.Щепкин, члены комиссии по снабжению армии С.М.Леонтьев и Н.Н.Ковалевский; от ВСГ – главноуполномоченный Челноков, Н.В.Некрасов, инженер-механик Н.А.Артемьев, А.Г.Хрушов и М.И.Терещенко. Товарищами председателя избраны: от ВЗС – Д.М.Щепкин, от ВСГ – Некрасов. При ГК состояло 10 отделов, в том числе: управление делами, военно-технический, заказов, материального права, связи и транспорта и др. (334. Л. 40–41). Не в последнюю очередь союзы возникли и потому, что Главные комитеты союзов сочли, что в этом деле они не должны действовать порознь, т.к., действуя обособленно, неминуемо вступили бы на путь конкуренции¹ (86).

¹ Челноков связывал «возникновение Земгора с инцидентом, впервые ярко высветившим необходимость широкой работы по обслуживанию армий, выходящей за пределы деятельности, покрываемой эмблемой Красного Креста. Это было обращение сербского посланника Спалайковича с просьбой дать сербской армии 600000 полу-шубков, шапок, сапог, подков и пр. Такие поставки выполнялись иногда отдельными лицами (Крестовников), иногда через посредство союзов. Тогда возникла мысль или просто осозналась необходимость создать объединенное союзное учреждение, как бы самостоятельное, находящееся вне союзов, работавших под знаком Красного Креста». По мнению Челнокова,

Обо всем этом приходится писать столь подробно потому, что в современной литературе нередко считается, что ВЗС и ВСГ слились, образовав один общий союз – Земгор, причем иногда неверно называется и время образования этих организаций. В такую ошибку впадает и маститый историк Р. Пайпс (172). Он пишет, что правительство «лишь в августе 1915 года позволило земствам и городским думам создать собственные союзы для оказания помощи инвалидам и беженцам». В действительности союзы оказывали помощь раненым, инвалидам и беженцам уже значительно раньше. По Пайпсу же, «в ноябре 1915 года обе группы объединились в Земгор» (172, с. 261).

Общественность не только создала собственные организации, работающие на нужды фронта (ВПК, Земгор), но и активно участвовала в созданных правительством Особых совещаниях. Решение о создании Особого совещания по обороне Николай II принял во время своего пребывания в Ставке по совету приехавшего туда Родзянко, который убедил в целесообразности такого шага и царя, и Верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича, в телеграмме которого, посланной Сухомлинову 13 мая 1915 г., предлагалось срочно заняться организацией Особого совещания. Всеподданнейший доклад военного министра о создании этого учреждения царь утвердил 21 мая 1915 г., после чего подготовленный к этому времени проект положения об Особом совещании по обороне был представлен в Совет министров (245, с. 393).

Но на его заседании 29 мая 1915 г. мнения высших чиновников страны в отношении этого совещания разделились. Одни выступали за совещание «с сверхполномочиями», другие – против. А.Г.Щегловитов говорил, что «объем задач хотя бы развить вопреки Совету министров, восстановив широкое плавание (хотя не было в телеграмме Верховного главнокомандующего)». Противником выступил и Маклаков. Особое совещание, на его взгляд, – «новшество, нашему государственному праву неизвестное. Коалиция правительственных чинов и членов законодательных учреждений плюс выгнанные за ненадежность с государственной точки зрения. Нарушает все понятия о государственном праве». Выступал против новшества и В.К.Саблер: «Приперт к стене. Призывается

Земгор все-таки больших дел не делал, за исключением рытья окопов (Дмитриев), где он являлся не только организатором живой силы, но изменял технические планы военного ведомства, когда они оказывались не соответствующими требованиям инженерной науки и искусства» (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 74-75).

к бытию новая организация, в государственном отношении небывалая. ... Но припертый сдаюсь. Разрастаются сюрпризы, которые после войны разрастутся в тревожное и небывалое...». «Припертыми» оказались все противники Особого совещания. Как сказал Щегловитов, «не могу протестовать, но средств боюсь». Все остальные участники, выступавшие «за»: А.С.Лукомский, П.Н.Игнатьев, В.Н.Шаховской, С.Д.Сазонов, П.Л.Барк, П.А.Харитонов, И.К.Григорович, Кривошеин, С.В.Рухлов, Сухомлинов провели таким образом Особое совещание в жизнь (245, с. 170–172).

Помимо совещания об обороне, возникли еще совещания по продовольствию, топливу и транспорту. Рассматривая вопросы, связанные с участием общественности, высшие сановники России говорили об общественных организациях («особенно важен вопрос о Центральном военно-промышленном комитете»). Что касается его лидеров, особенно Гучкова (во время обсуждения его письма о политической амнистии решено было не отвечать), то они чаще всего отзывались о них неодобрительно.

Работа Особых совещаний не была однозначной со стороны представителей союзов. Председатель отдела ВЗС М.М.Щепкин, который представлял союз «в верхах» по вопросу о беженцах, крайне негативно отзывался о работе этого правительственного органа и даже написал целый трактат («Беженцы и организация помощи им в связи с работой Особого совещания»). В этом многостраничном докладе съезду ВЗС в марте 1916 г. говорилось, что «первыми, кто принял на себя всю тяжесть беженской волны, особенно той ее части, которая двигалась по грунтовым дорогам, были союзы». Но наверху было совершенно ясно и откровенно высказано мнение в том смысле, что «союзам не следует предоставлять роли объедини-телей местных земств и городов, что этим только умалялось бы значение, сводилась бы на нет вовсе работа Особого совещания, как раз и призванного объединить все обслуживающие беженские учреждения и организации, быть общим руководителем всего дела». Официальные руководители беженского дела настаивали на этой позиции, хотя ГК ВЗС считал «весьма нежелательным» разделять земства и отпускать средства на беженцев отдельным земствам, минуя союзы (334. Оп. 1. Д. 9. Л. 281–300).

Иначе отзывался о деятельности Особого совещания (по продовольствию) П.Б. Струве. По его мнению, в этом Совещании была заметна определенная двойственность: для той высшей исполнительной власти, при которой состоят эти органы, их мнения и заключения не-

обязательны («обязательность не соответствовала бы существу министерской власти, как власти самостоятельной и ответственной»); не только систематическое расхождение во взглядах, но и отдельные редкие случаи постановления решений министром вразрез с мнением Совещания ощущались бы и его составом, и общественным мнением, как «конфликт». Поэтому-то и из формально-совещательных подобные учреждения имели тенденцию превращаться фактически в решающие. Такое «фактическое превращение из совещательного учреждения в орган постановлений решения увеличивает его значение и ответственность, но несомненна и обратная сторона этого превращения: наличие такого органа умалет ответственность, лежащую на министерской власти». По мнению Струве, присвоение такой совещательной коллегии фактически решающего голоса, увеличивая ее влияние и значение, «делает вопросы об ее составе, порядке голосования, о лицах, участвующих, но не имеющих право голоса, гораздо более существенными, чем в органах чисто совещательного характера. Случаев, когда министр (сперва Кривошеин, затем А.Н.Наумов) постановил бы решение, несогласное с мнением большинства Особого совещания, насколько я мог проследить, не было. Замечу, что председательствование названных лиц носило по существу характер полной объективности, а по форме было безусловно тактичным» (334. Л. 242–242 об.).

Говоря о существе продовольственного дела, Струве указывал, что недостаточность транспорта явилась основной причиной продовольственных трудностей. Это было свойственно и для других стран. В России такое явление, на его взгляд, выступает особенно резко, потому что «у нас менее, чем в какой-либо из воюющих стран существовавший до войны транспортный аппарат был подготовлен к разрешению сложных военных и экономических задач, поставленных войной». Это положение вещей, как он полагал, осложнялось злоупотреблениями отдельных лиц и, главное, тем, что «власть слишком поздно и недостаточно поняла, что обстановка войны требует планомерного регулирования транспортно-го дела, то есть строгого согласования между транспортными средствами и возможностями, с одной стороны, и потребностями государства и населения — с другой. Недостаточность транспорта с самого начала диктовала строжайшую нормировку, и отсутствие такой нормировки породило его хаотическое состояние, или «расстройство». Вместо стройного и согласованного регулирования на всем пространстве империи «мы видели разрозненные, несогласованные, часто даже противоречившие

друг другу распоряжения разных властей, всегда отправлявшихся от какого-либо частного повода и не считавшихся с положением вещей в целом». Струве откровенно писал, что также мало, как и власть, и само общество отдавало себе отчет в основной причине тех трудностей, на которые наталкивались продовольственное и общее снабжение страны. Вместо ясной постановки задачи регулирования транспорта часто раздавались одни только жалобы на злоупотребление и обличение не порядков.

Центральное место в суждениях Особого совещания и его комиссий занял вопрос о мерах борьбы с дороговизной. Суждения эти и споры вертелись вокруг вопроса о так называемой разрешительной системе и о таксах как об одном из звеньев целого стройного плана регулирования снабжения. Струве делал особый акцент на том, «что в этом вопросе присутствие обоих союзов в Особом совещании и твердое отстаивание ими государственной и общественной точки зрения на продовольственный кризис оказало существенное влияние и на постановку, и на решение вопроса», в смысле признания тесной связи между регулированием перевозок по «разрешительному принципу» и установлением такс, как оптовых, так и розничных, т.е. именно в том направлении, на котором решительно и дружно настаивали представители обоих союзов (334. Л. 242–243).

Работа общественных организаций была весьма интенсивной и многогранной. Особенно напряженно трудились работники фронтовых комитетов. Помощник председателя комитета Северного фронта С.Н.Трубецкой писал, что работать приходилось с утра и до позднего вечера, и безо всяких праздников («по воскресеньям мы работали, как в будни») (263, с. 125). За 2,5–3 года такой деятельности общественные организации внесли большой вклад в военные усилия страны. К сентябрю 1917 г. в ВСГ входило 630 городов — около 75 % всего числа городов России того времени. Смета союза на второе полугодие 1916 г. на лечение больных и раненых, на транспорт и на общесанитарные мероприятия достигала 41¹/₂ млн. руб. Смета по трем фронтам на тот же период была исчислена в 31 млн. руб. Кассовый расход союза за 1917 г. по 1 сентября составлял 232 млн. руб. при кассовом обороте в 464 млн. руб. На питательных пунктах союза по путям следования войск, раненых и беженцев было накормлено 4,3 млн. рабочих и 8,6 млн. беженцев. В 13 санитарных поездах Союза городов перевезено 340 тыс. раненых. К осени 1916 г. число коек на учете Союза городов было 200 тыс. Через госпитали с койками на учете союза с начала войны до января 1916 г. прошло 1 млн. 260 тыс. раненых. В специальных госпиталях Союза городов для за-

разных больных было 18,5 тыс. больных. Под флагом Союза городов на фронтах работало 68 врачебно-питательных и санитарно-технических отрядов; союзом содержалось 247 лечебных заведений с койками, которые обслужили 4,2 млн. больных дней, 270 амбулаторий, зубо-врачебных и рентгеновских кабинетов. На фронтах Союз городов имел 388 питательных пунктов, столовых и чайных, на которых было выдано 50¹/₂ млн. обедов и 80 млн. порций чая. Еще в больших цифрах выражалась санитарная помощь Союза городов на фронтах. Например, белья было выдано 35,6 млн. штук, выстирано белья — 45,1 млн., перемылось в банях Союза 35,9 млн. человек и т. д. (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 25; 22).

Еще более впечатляют результаты работы ВЗС. К концу 1916 г. число учреждений Земского союза достигло 7728, из них главных комитетов — 174; губернских комитетов — 3454; фронтовых комитетов — 4100.

Работа почти 8 тыс. учреждений, в которых были заняты сотни тысяч людей, вызывала все растущие расходы. Если в начале войны ресурсы Земского союза не превышали 12 млн. руб., ассигнованных земствами, то в течение первого года деятельности казною было отпущено ВЗС более 72,2 млн. руб., т. е. около 6 млн. в месяц. К 1 января 1916 г. общая сумма ассигнований правительства Земскому союзу выросла почти до 190 млн. руб. Если исключить отсюда выданные за первый год 72 млн., получится расход за 6 месяцев (с 1 июля 1915 г. по 1 января 1916 г.) в 115,2 млн. руб., что составляет 19 млн. в месяц. Таким образом, за третье полугодие войны среднемесячные расходы Земского союза возросли в три раза. Если для остальных двух лет войны принять этот рост, то получится, что ежемесячный расход союза приближался к 60 млн. руб. Цифра эта не преувеличена, так как во второй половине 1916 г. ежемесячный сметный расход одного комитета Западного фронта составлял 10 млн. руб. Таких комитетов на фронтах было пять. Сверх того ВЗС приходилось содержать в России 3 тыс. лазаретов, оплачивать расходы поездов, исполнять все растущие заказы интендантства и т. д.

Если принять во внимание еще и те суммы, которые правительство, не желая увеличивать значение Земского союза, передавало непосредственно отдельным земствам (на помощь беженцам, на борьбу с эпидемиями, на помощь сиротам и инвалидам войны и проч.), — то «общие размеры дотаций казны земствам и ВЗС за тридцать восемь месяцев войны нельзя считать

менее 1,5–2 млрд. руб. И эти данные еще не учитывают всего роста Земско-го союза» (195, с. 266–268).

Не удивительно, что когда в мае 1916 г. Вивиани и Альбер Тома прибыли в Петроград с многоцелевой миссией, в том числе и с тем, чтобы «выяснить военные ресурсы России», французский посол М.Палеолог заверил их, что они не будут «недовольны работой» общественных организаций (175, с. 117). Причем их работа «шла рука об руку» (135, с. 271).

В своей практической работе союзы пересекали незримую границу, отделяющую общественную деятельность от административной, что вызывало раздражение власти и ответную реакцию союзов. ВСГ был не только организацией по исполнению технических задач, он был и оставался общественной организацией, откликавшейся на все наиболее острые моменты жизни страны. Занимаясь хозяйственной работой, он приобретал право, как казалось Астрову, говорить. Со словами призыва и предупреждения он «обращался к власти и стране, голос его слышали и страна, и власть. Сочувствие страны было вне сомнения. Но власть не скрывала своего враждебного отношения к союзам и не останавливалась перед резкими мероприятиями, знаменовавшими и старую тенденцию борьбы с русской общественностью» (332. Оп. 1. Д. 82. Л. 225).

Политизация общества все более захватывала и союзы. Они и сами были как бы сколком с российского общества. В их структурах был представлен, пожалуй, весь спектр политических партий и течений, причем «пестрое партийное представительство членов буржуазных организаций не мешало им сотрудничать» (305, с. 40). Доминировали в союзах либералы — кадеты, прогрессисты, октябристы. Земский союз имел в основном октябристский оттенок, Городской союз — кадетский.

Несмотря на то, что общий политический колер союзов был либеральным, а основной доминирующей тенденцией в отношениях ВСГ и ВЗС было все большее сближение, что выразилось и в создании 10 июля 1915 г. Земгора (для снабжения армии), и в тесном сотрудничестве их органов в центре и на местах, внутри союзов началась напряженная борьба между теми, кто ратовал за преимущественно практическую деятельность союзов, и теми, кто на первый план выдвигал «политику». В Городском союзе таким преимущественно практиком был, например, сам Челноков, «человек весьма умеренных взглядов» (36, с. 161), пыгавшийся сгладить разногласия между союзом и администрацией. Некрасов, Астров, Н.М.Кишкин были левыми кадетами, но в ЦК своей партии — «возмутителями спокойствия», они часто шли вразрез с линией ЦК.

Эсер М.В.Вишняк, служивший в Главном комитете ВСГ, считал, что «общественная, потом и открыто политическая работа Союза городов направлялась из комнат, которые занимал экономический отдел (ВСГ), состоявший в ведении Астрова. Здесь были сердце или “душа”, откуда шли токи московского оппозиционного движения» (42, с. 232). В.С.Дякин полагал, что эта борьба за влияние внутри союзов между различными политическими группировками, развернувшаяся в ВЗС и ВСГ, была связана с «планами использования Земского и Городского союзов в целях политической организации буржуазных и примыкавших к ним помещичьих кругов». Лидеры кадетов были недовольны деятельностью Челнокова, полагая, что он «в трусости постоянно колеблется и, подчиняясь весьма сомнительным влияниям (М.М.Федоров, господина Г.Е.Львов, черносотенные головы), создает условия, при которых иногда совершенно невозможно с ним работать». В связи с этим одно время кадетский ЦК, писал В.С. Дякин, даже считал возможным альтернативу — переворот в ВСГ и смещение Челнокова или выход кадетов из Городского союза. В марте, однако, большинство ЦК поддержало предложение Некрасова активизировать работу в ВСГ и полностью захватить его в свои руки. Хотя Милоков выразил сомнение в необходимости сохранения союзов после войны и возможности использования их для политических выступлений, он все же согласился с идеей использовать ВЗС и ВСГ для объединения политических течений «не левее прогрессистов» (79, с. 68–70).

Но в союзах было много «демократической публики», так называемого «третьего элемента». Врачи, статистики, бухгалтеры, инженеры, юристы, учителя нередко заправляли делами в уездных комитетах ВЗС и местных отделах Союза городов. Так, в 1916 г., накануне Февральской революции, около 2/3 состава местных отделений ВСГ приходилось на городскую интеллигенцию. Тогда же отмечалось, что «в общем комитеты союза состоят главным образом из цензового элемента» (52, с. 12, 16). Составы ГК и представительство на съездах ВСГ подтверждают это (335. Оп. 1. Д. 14. Л. 74–87).

Земский союз фактически приглашал на свои съезды и включал в свои органы того, кого он считал нужным, даже если бы эти лица не были земцами. С.А.Котляревский свидетельствует, что в состав этого союза вошли «многочисленные и ценные силы, не принадлежащие в строгом смысле слова к земской среде, и все-таки он прежде всего связан с этой средой, он выражает земскую Россию, как выражают ее и земские собрания». В этом, казалось Котляревскому, «заключается известный смысл совместного существования двух союзов: Земского и Городского. Перед ними стоят одинаковые задачи, и во многих отраслях своей деятельности они должны работать согласованно; но, несомненно, они опираются на несколько различные общест-

венные слои, отражают различную психологию и, направляясь к одной цели, не всегда могут избирать одинаковые пути. Нельзя признать такую двойственность чем-то ненормальным; наоборот, она позволяет более широко использовать общественные силы страны». Более того, основной факт истории Земского союза — его расширение — определялся новыми жизненными потребностями, а вовсе не какими-нибудь программно-отвлеченными соображениями. Поэтому было бы совсем неправильно, считал Котляревский, приписывать ему и определенно партийную физиономию. Те уполномоченные губернских земских собраний, которые составляют, так сказать, высший орган союза, принадлежат к более или менее различным политическим оттенкам, но это, конечно, нисколько не нарушает единство их взглядов на задачи и формы помощи армии, как и на условия организации тыла. Всякая подобная организация общественных сил имеет политическое значение в самом своем существовании, и подобное значение отнюдь не измеряется лишь какими-нибудь чисто политическими ее проявлениями (106, с. 40).

В различных организациях Земгора, ВСГ и ВЗС работали и октябристы, и прогрессисты, и кадеты, и социалисты-революционеры, и социал-демократы, в том числе и будущий нарком продовольствия А.Д.Цюрупа (187), сестра В.И.Ленина М.И.Ульянова (335), и вплоть до большевиков¹ такого склада, как М.В.Фрунзе, которые использовали учреждения союзов для своей работы на фронте. Руководили Земгором кадеты. Об этом свидетельствует уже состав его Главного комитета, в который входили по четыре представителя от ВЗС и ВСГ: Львов, Челноков, Некрасов, В.А.Маклаков, В.В.Меллер-Закомельский, А.А.Эйлер, Астров, А.Г.Хрущов (86, с. 72).

Милоков, говоря о союзах, подчеркивал: «Важно, что там работают наши люди. Устанавливается контакт и с другими деятелями союзов, которые разнятся от нас, но согласны с нами во многом». «Большинство московских к.д. полагало, — писал впоследствии Астров, — что не через думскую “говорильню”, а именно через практическую общегородскую организацию, посредством живого дела произойдет приближение общественных сил к сфере государственного управления» (76, с. 40).

¹ Об одном из них, А.Н.Сысине, рассказывает С.В.Бахрушин: «Городской санврач, некогда побывавший в ссылке в Якутской области, проявил себя талантливым организатором в деле городской санитарии и был одним из наиболее видных и дельных сотрудников Союза городов; умный, работоспособный и образованный, он был искренен в своих убеждениях; я имел удовольствие работать с ним по редактированию «Известий Союза городов», и даже после переворота, когда А.Н. открыто стал на сторону большевизма, мы продолжали относиться друг к другу с взаимным уважением» (337. Оп. 1. Д. 1. Л. 13).

Видимо, в инициативе созыва экономического совещания 11–13 июля 1915 г. надо учитывать и «бродящий фермент» ВСГ – неистощимо энергичного Астрова.

Его с нетерпением ждала российская общественность. Размах работы союзов был поистине всероссийским, и кадеты признавали его приоритет в практической работе настолько, что на заседании ЦК 16 июня 1915 г. Шаховской, рассматривая вопрос о борьбе с экономической дезорганизацией, призвал «примкнуть к работе Союза городов» (206, т. 3, с. 110).

Для обмена мнениями сошлось около 400 человек, в том числе представители обоих союзов, делегаты экономических организаций, учебных обществ, сельскохозяйственных, рабочих, профсоюзов и больничных касс. МВД разрешил совещание, трактуя его как публичное собрание, но согласилось не посылать в него представителя полиции, возложив всю ответственность на Челнокова. «Челноков же вместе со Львовым... были против приглашения рабочих, на чем, однако, настояли Астров и Щепкин».

Вспоминая историю этого совещания, Челноков это пересказал в 1929 г. Д.Н.Челишеву, а тот в письме изложил Астрову: «По части революционной деятельности союзов Михаил Васильевич того мнения, что руководители союзов ее не вносили, но она врвалась в работу союзов извне и многие из деятелей союзов ее поощряли, или во всяком случае с нею не боролись. Михаил Васильевич вспоминает учреждение, так называемое “бюро труда”, допущение рабочих на съезд и т.д. Он считает это большой ошибкой и в числе поощрителей указывает на Н.М.Кишкина и на тебя, между прочим» (332. Л. 75).

На совещании, где речи очень напоминали 1905 г., помимо резолюций военно-экономического и военно-технического характера, прошла и весьма острая политическая резолюция. В ней говорилось о необходимости единения всех сил страны, возвращения к общественной работе граждан, оторванных от нее по политическим причинам, об уничтожении различий в правах всех национальностей и исповеданий, свободе слова, печати, профсоюзов. В резолюции появилось и требование, которое станет центральным у оппозиции вплоть до февраля 1917 г. – создание правительства, пользующегося доверием страны (168, с. 22).

Характеризуя атмосферу на совещании в целом, Астров писал, что уже тогда «раздавались речи, полные неистовой злобы, ненависти и угроз. Это были речи “революционного подполья”, которое в лице пред-

ставителей больничных касс и рабочих организаций оказалось на совещании. Тут прозвучали впервые пораженческие ноты». Однако все эти возгласы ненависти потонули в общем одушевленном желании найти условия, необходимые для победы. В резолюциях совещания выражалось настоятельное пожелание «единения всех сил страны» в работе по защите государства. «На этом совещании, — писал Астров, — впервые было высказано..., что страна может победить только при условии, если власть будет в руках “правительства, пользующегося доверием страны”». Что это было? Агитация? Бунт? Или созревшее убеждение, которое вскоре стало убеждением всей России. Убеждение, выраженное в совершенно лояльной форме... Это был отклик общества на обнаруженный обман. Ведь в феврале 1915 года военный министр заявил в Государственной думе, что армия обеспечена боевым снаряжением и что к марту снарядов и ружей будет в изобилии. А между тем, именно недостаток снарядов и вооружения уничтожил все успехи русской армии на Юго-Западном фронте и вызвал отход армии из Галиции. В этом постановлении экономического совещания Союза городов правые круги усмотрели опасное политическое выступление. С нашей же точки зрения это было лишь предупреждение и предостережение, к сожалению, оставшееся гласом вопиющего в пустыне» (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 27).

Астров и в эмиграции полагал, что тогда время еще было, «была еще возможность предотвратить грозу» (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 17). Большой уверенности у него в этом все же не чувствовалось (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 78). Тем не менее, как бы соглашаясь с Астровым, Пайпс находит, что «грозу» еще можно было предотвратить: «Россия могла бы избежать революционного переворота лишь при одном условии: если непопулярная, но искушенная в делах бюрократия, со своим административным и помещичьим аппаратом, стала бы сотрудничать с популярной, но не искушенной в делах либеральной и либерально-консервативной интеллигенцией». В конце 1915 г. ни одна из этих групп не была способна управлять Россией сама по себе. Помешав этому альянсу, когда он был еще возможен, Николаю оставалось только ждать, что рано или поздно новая сила свергнет Россию в анархию, сметет со сцены и тех и других, а с ними и его самого» (172, с. 257–258). Как образно писал С.Е.Трубецкой, «власти следовало проявить умеренный либерализм и крепко взять поводья в руки...» (263, с. 147).

Однако общественность добивалась некоторых уступок от «старой власти». Начали функционировать ВПК, Земгор, расширялась деятель-

ность ВЗС и ВСГ, представители общественности работали в Особых совещаниях, «пунктиром», но все же работала, собиралась Дума по указу царя, и он сам единственный раз за все время существования законодательных палат 9 февраля 1916 г. посетил Государственную думу. Возник прогрессивный блок, «уходили» наиболее одиозные министры, по сути, была отменена росчерком пера министра внутренних дел в августе 1915 г. черта оседлости и т.д. То есть сотрудничество было не только практического, но и политического свойства, хотя это сотрудничество в борьбе и именно эта борьба в условиях растущего недовольства в стране во всех слоях населения и побуждала царизм к уступкам. Ц.Хасегава пишет, что деятельность Николая II во время войны была искусным маневрированием между «крайностями»: правыми, домогавшимися резкого ужесточения правительственного курса, и либералами, выступавшими за «министерство доверия». Но вместо того, чтобы сформировать летом 1915 г. «министерство доверия» (он мог бы это легко сделать, заменив Горемыкина Кривошеиным), царь уволил «мятежных» министров, принял на себя командование армией, а практически развязал руки камарилье. Поэтому его маневрирование, принесшее ему небольшие тактические успехи, только усугубляло «кризис верхов», что в конце концов обернулось низвержением монархии (321, с. 576).

Царь не «прихлопнул» союзы, несмотря на постоянное давление правых партий и камарильи, потому что, прежде всего, нуждался в их хозяйственной деятельности из-за слабости экономики, неповоротливости бюрократического аппарата, а также учитывая общественное мнение страны и необходимость финансовой, экономической и военной помощи союзников по Антанте. Немецкий историк Б.Бонвеч полагает, что «готовность царя идти навстречу обществу» зависела «от успеха на фронте» (223, с. 73).

Император и все рыцари старого строя надеялись взять реванш после войны. Яхонтов писал, что вопрос о «захватываемой союзами политической роли и несоответствующих временному учреждению функциях подлежал разбору после войны, конец которой, по тогдашним убеждениям, не за горами. В нормальной обстановке отпадут основания для дальнейшего их существования». Поэтому-то пожелания общественности не остались без ответа (309, с. 302). Но Яхонтов сам себе противоречит, когда, с одной стороны, указывает, что союзы стремились обходиться «без какого-либо сотрудничества с “бюрократическими установлениями”», а с другой стороны, он пишет о том, что множество разно-

образных поручений возлагалось на них не только в тылу, но и на театре военных действий. Союзы имели возможность обслуживать санитарные и эвакуационные дела в небывалом размахе и... всестороннее, чем Красный Крест и тем более военно-санитарные ведомства... Устраивались подвижные парикмахерские, переносные бани, дешевые лавочки, доступные библиотеки, всевозможные увеселения для солдат и др. День за днем повсюду складывалось впечатление, что под союзною опекой «хорошо, удобно, сытно, а у казенных чиновников – “мерзость запустения”». Такие впечатления распространялись не только среди раненых и больных, но и в окопах, и среди отводимых на отдых воинских частей, и в массе населения» (309, с. 300). Несмотря на то, что эти записи были сделаны Яхонтовым спустя многие годы после Первой мировой войны, в них и ныне чувствуется негодование старого монархиста по поводу военных властей, как бы протезирующих союзу: «Фронтные высшие власти, – пишет он, – не только не препятствовали чрезмерному росту популярности Земгора, а напротив, покровительствовали ему» (309, с. 300). В.А.Оболенский, долгое время работавший во фронтовом комитете и хорошо знавший обстановку «изнутри», отмечая, что правительство чинило «всяческие препятствия работе общества на пользу армии», подчеркивал: «Если, тем не менее, дело общественных организаций продолжало расти и развиваться, то только благодаря тому, что армия ими дорожила, а Верховный главнокомандующий Николай Николаевич им покровительствовал» (160, с. 498).

Эта точка зрения бытует и в современной историографии, в том числе и зарубежной (319, с. 370). Так, В.Г.Чернуха пишет, что Ставка нуждалась в практической помощи общественных организаций и вступалась за них перед МВД. К вел. кн. Николаю Николаевичу зачастили члены Думы и союзов. «Незаметно для себя Ставка превращалась в средоточие надежд цензовой оппозиции». Это стало очевидно с весны 1915 г., когда после поражения русской армии в Галиции оппозиция открыто заявила о недоверии правительству Горемыкина. Именно в Ставке под нажимом Николая Николаевича и сгруппировавшегося вокруг Кривошеина большинства кабинета¹ Николаю II пришлось в июне

¹ В либеральном курсе Кривошеина, может быть, определенную роль сыграли и письма к нему Струве, в которых он высказывал убеждения, что министр должен взять на себя задачу объединения власти «с ответственным общественным мнением» и осуществить «сдвиг налево... правыми руками. Это может спасти Россию от больших смут во время войны и после войны» (108, с. 55).

1915 г. пожертвовать четырьмя крайне правыми министрами (Маклаковым, Сухомли-новым, Саблером, Щегловитовым) и согласиться на возобновление заседаний Думы. Смещение вел. кн. Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего ничего не изменило в отношениях военных и гражданских властей. Больше того, оказавшись непосредственно под крылышком Николая II, военные тем смелее критиковали действия кабинета. Министрам же, напротив, стало труднее выражать недовольство Ставкой и ее самоуправством. После кратковременной заминки возобновились и контакты военных с ВЗС, ВСГ и другими общественными организациями. Лидеры армии, как и раньше, нуждались в них и не без сочувствия выслушивали их сетования на нераспорядительность правительства (45, с. 617). С.П.Мельгунов 18 января 1916 г. отмечал в своем дневнике: «Кн. Львов и Челноков были в Ставке. Челноков пролез к Самому. Львов все время просидел в вагоне. У него был Алексеев (начальник штаба Верховного главнокомандующего — В.Ш.). Они имели беседу глаз на глаз в течение часа. Алексеев возмущался Горемыкиным. Говорил, что ставит своей задачей примирить Львова с царем. Царя все окружают прохвосты. Алексеев один и ничего не может сделать. Единственный человек, который может теперь руководить политикой, по мнению Алексеева, — это князь Львов» (146, с. 272).

Взаимоотношения высших армейских и гражданских чинов привлекают внимание многих исследователей (Р.Ш.Ганелина, М.Ф.Флоринского, С.В.Куликова и др.).

Вопрос о характере этих взаимоотношений приобрел большую остроту с самого начала войны. К военачальникам, согласно «Положению о полевом управлении войск в военное время», перешла вся полнота власти на обширных территориях театра военных действий. Ставка Верховного главнокомандующего играла роль как бы второго правительства империи, причем никакого механизма, способного обеспечить единство в действиях «военного» правительства и правительства «обычного», создано не было (245, с. 368).

В Совете министров этот разлад чувствовался чуть ли не на каждом его заседании (245, с. 196–205, 214–217, 219, 221, 230 и т.д.). Значительными были разногласия и среди самих министров. Во многом это обусловлено было тем, что в их среде осознавалось: правительство слабо и не имеет поддержки в стране, в которой начали проявляться признаки революционного брожения (245, с. 196, 218, 221, 223, 229,

234, 236, 242), и у многих из них возникало опасение за будущее России (245, с. 245–246).

Самый состав кабинета был предметом острой борьбы между консервативными и либеральными кругами. Линия водораздела прошла и в самом Совете министров по отношению к общественности и, в частности, к общественным организациям. А.В.Кривошеин, С.Д.Сазонов, П.А.Харитонов, П.Л.Барк, А.А.Поливанов и некоторые другие поддерживали Государственную думу, Особое совещание и в целом общественность, хотя нередко и с критическими замечаниями.

Когда Совету министров сделалось известным знаменитое постановление Московской городской думы 18 августа 1915 г., высказавшейся за министерство общественного доверия, там тоже не было однозначного мнения. Даже обер-прокурор Синода А.Д.Самарин охарактеризовал это постановление как «в существе современных настроений умеренное» (245, с. 228).

Ожесточенность прений достигла своего пика при обсуждении вопроса о смещении с поста Верховного главнокомандующего Николая Николаевича и о намерении Николая II самому встать во главе армии. Большинство министров высказалось против этого. Сазонов даже назвал царя «вероломным». Близок к тому был и А.А.Поливанов, о котором его консервативные коллеги и впоследствии говорили, что он «неизменно покровительствовал домогательствам общественных объединений и выступал в Совете министров как бы их делегатом, обязанным бороться с бюрократической косностью» (309, с. 329). Поливанов действительно имел довольно тесные контакты с лидерами общественных организаций, особенно с А.И.Гучковым как руководителем ВПК.

Но это вовсе не значит, что деятели общественных организаций «левой ногой» открывали двери кабинетов военного начальства и были там совсем «своими». Нередко им приходилось пробивать «лед недоверия к общественной организации», и делалось это «не без труда» (263, с. 125). На Западном фронте генерал Эверт «приказал удалить из Земского союза всех евреев. Распоряжение не выполнили, так как Вырубов (председатель фронтового комитета — В.Ш.) указал, что у него все врачи — евреи» (146, с. 272). А позже, в конце 1916 г., начальником штаба верховного главнокомандующего даже было признано необходимым «установить строгое наблюдение за деятельностью отдельных организаций союзов и постепенно принимать меры к сокращению их деятельности» (35, с. 154). Это был уже канун Февраля.

Более чем за год до того в среде либеральных деятелей являлась уже мысль о том, что «власть у правительства вываливается из рук, национальной задачей является вырвать власть из рук того, кто союзник Вильгельма — у нашего правительства...» (206, т. 3, с. 142).

Она отнюдь не была чужда и левым деятелям союзов, особенно кадетской ориентации. Их необычайно тревожила складывающаяся в стране ситуация. Это конкретно проявилось на заседании ЦК 19 августа. Астров говорил: «Главная беда в Николае II». И далее он рассуждал: «Страна в таком положении победить не может, надо организовать рабочих. Как подойти к рабочим. К кооперации подойти можно. У тех программа действия есть в смысле общей работы с Земским и Городским союзами по помощи беженцам и пр. В экономической нашей организации связь с кооперативами есть. Львов произвел впечатление человека, томящегося в ожидании, что власть его не минует. Было бы больно ввести его сейчас в министерство, надо сначала пережить промежуточное министерство, которое обязательно провалится. Надо создать комитет из небольшого числа лиц, которые были бы готовы взять власть. На нем должно лежать дело создания настроения в стране. Сейчас для этого органа есть готовая почва — организации Земских и Городских союзов. Сочетание этих организаций и дает почву для создания комитета, а организации эти связаны с армией. Не надо упреждать события. Это и предложил Н.И.Астров Львову, не торопиться с земским съездом. Если на фронте положение будет трагическое, придется идти на гибель и выставление Львова, а иначе надо выждать» (206, т. 3, с. 153–154).

Астрову вторил Кokoшкин: «Министерства нашего в проекте нет, есть только Львов как общественный элемент. Вопрос идет о пришествии к власти русского общества. Говорят, что крах этого министерства есть крах русского общества. Но выхода другого нет» (206, т. 3, с. 155). «Перспективы общественного министерства — две задачи: 1) поднять доверие страны к власти и 2) руководство планомерное обороной страны» (206, т. 3, с.155). Вдохновленный этой поддержкой Астров «прояснял» свое видение ситуации: «В кабинете Львова может быть Гучков. Говорил с ним как частный, а не партийный человек. В начале войны Н.И.Астров убеждал Львова стать во главе гражданской России. События идут так. Негодование всеобщее так велико, что нет ничего невероятного в убийстве Николая. В такие моменты нужно иметь

запас сил. Эти силы надо связать, координировать...» (206, т. 3, с. 155).

В министерских кругах отношение к союзам и их съездам было недоверчиво-тревожным. Министр Кривошеин, заигрывавший с либералами, тем не менее чувствовал, что при уступках у него уже есть опасный соперник — князь Львов. «Сей князь чуть ли не председателем какого-то правительства делается. На фронте только о нем и говорят, он спаситель положения, он снабжает армию, кормит голодных, лечит больных, устраивает парикмахерские для солдат, — словом, является каким-то вездесущим Мюр и Мерилизом (универсальный магазин в Москве)... Надо с этим или покончить, или отдать ему в руки всю власть... Если нельзя отнимать у (земского) Союза захваченное им до сих пор, то, во всяком случае, не надо расширять его функции дальше». Проницательность Кривошеина тут сказалась: князь Львов уже стоял за думским блоком (147, с. 187—188).

Даже «англоману» — министру иностранных дел Сазонову — казалось, что «члены Думы плюс съезды Земский и Городской объявят себя Учредительным собранием» (245, с. 261). Тогда же на заседании Совета министров 2 сентября 1915 г. коллеги Сазонова реагировали на съезды весьма резко. Н.Б.Щербатов заявил: «Земский и Городской союзы... являются колоссальной правительственной ошибкой. Нельзя было допускать подобные организации без устава и определения границ их деятельности. Из благотворительного начинания они превратились в огромные учреждения с самыми разнообразными функциями, во многих случаях чисто государственного характера, и заменяют собою правительственные учреждения. Все это делается захватным путем при покровительстве военных властей... В действительности же они являются сосредоточием, помимо уклоняющихся от фронта, оппозиционных элементов и разных господ с политическим прошлым. Закрывать эти учреждения в настоящее время невозможно прежде всего потому, что они работают на армию. Да и с политической точки зрения такая мера породила бы крупные осложнения. Следовательно, приходится терпеть их как факт...». Горемыкин хотел положить предел прениям, сказав: «Если заболтают лишнее, закрыть на основании охраны». Но министры вновь и вновь высказывали сомнения в необходимости закрытия съезда. Горемыкин распалился: «Разогнать». Щербатов спросил: «А неприкосновенность?». Председатель Совета министров пошел на попятный: «Заявить о незаконности и пусть себе болтают». Смушало всех одно, и это выра-

зил Кривошеин, бросив министру внутренних дел: «Механизм в ваших руках оппозиционен, а тут еще и внутренние и внешние события грозны» (245, с. 261–263; 310, с. 133–135).

В этом же заседании обсуждался и вопрос и о том, что нижегородский городской голова Д.В.Сироткин собрал съезд городских голов этой губернии без ведома губернатора. Дебатировался также и перерыв в деятельности Думы. Страсти в министерстве были так накалены, что Сазонов, уходя, сказал о Горемыкине: «Я не хочу с ним и прощаться». Пошел к выходу почти шатаясь. В передней опять сказал: «Он сошел с ума» (245, с. 263). Столкновения с Горемыкиным, ярим противником идеи «министерства доверия», надолго оставили у Сазонова «тяжелое воспоминание» (231, с. 364). Кризис власти, действительно, «начал приобретать необратимый характер» (44, с. 64).

В придворных кругах было сильное течение в пользу запрещения московских съездов. Александра Федоровна 2 сентября писала Николаю II, что эти съезды «вызовут только большие смуты» и поэтому их надо решительно запретить. Однако Совет министров, опасаясь, что разгон съездов может послужить поводом к усилению революционных выступлений, постановил допустить съезды, но установить за ними строгое наблюдение, чтобы не было общения делегатов с «толпой» (284, с. 125).

Съезды Земского и Городского союзов состоялись в Москве 7–9 сентября 1915 г. На каждом из них решалось много технических вопросов. Но вопросом вопросов было их взаимоотношение с властью. Уже в речи Львова говорилось «о необходимости обновления власти». Съезд считал также необходимым «как можно скорейшее возобновление работы Государственной думы». Львов называл земство старшей общественной организацией, килем корабля, который должен держать «среди переживаемых волнений устойчивый ход государственной жизни». Львова вдохновляло множество приветственных телеграмм, присланных к открытию съезда. Львов говорил: «Война вооружила общественные силы всевозможными органами для несения государственной работы, но мы не должны скрывать от себя, что она требует от нас все большего и большего напряжения сил и возлагает на нас все большую и большую ответственность. Мы уже сошли с наших позиций, пассивно управляемых. Действительность в этом отношении далеко опередила наши отдаленные желания. Жизнь указала нам, что мы должны дозреть сами себе. Будем же надеяться на себя, укрепимся в вере в самих себя». Главноуполномоченный ВЗС призывал своих коллег «сказать стране веское

слово», ибо «отечество наше ждет не только восстановления мирной жизни, но и реорганизации ее... » (334. Оп. 1. Д. 8. Л. 4–6).

Съезд принял резолюцию о необходимости для победы взаимодействия общественных и правительственных сил, скорейшего возобновления занятий Государственной думы, которая «одна может дать неизбежную опору сильной власти». Он поручил также избранной депутации в составе трех лиц доложить монарху о высказанных на съезде суждениях, нашедших себе выражение в его постановлении. Съезд также решил признать желательным совместное с ВСГ представление депутации императору из шести человек, трех избранных от ВЗС (Львов, Маслов, Каменский) и трех — от ВСГ (Рябушинский, Астров, Челноков).

Левое крыло Городского съезда, состоявшее главным образом из представителей окраин — Сибири и Кавказа, находило посылку депутации унижительной и бесполезной, так как ответ заранее известен. «Время челобитных, — говорил М.С.Моргулиес, — уже прошло, сейчас требуют, а не просят, а требования нужно подкреплять силою». Левые понимали, отмечал Е.Д.Черменский, что после неудачи прежних обращений к власти остается один путь — апелляция к народу. Но что сказать народу, — этого левые не знали. «Если бы кто-нибудь из нас, — сетовал тот же Моргулиес, — чувствовал за собою поддержку многомиллионного крестьянства или миллионов рабочих, мы бы знали, что нам делать». Массы за буржуазной общественностью не стояли. Поэтому даже левые либералы остерегались вызвать народ на какие-либо активные шаги, хотя бы в целях поддержки прогрессивного блока (284, с. 126–127).

Съезд большинством голосов отклонил и более решительную резолюцию, предложенную его меньшинством (33 из 152 участников) во главе с энесом Шнитниковым и поддержанную меньшевиками, трудовиками, некоторыми левыми кадетами и беспартийными. Она содержала требования немедленной амнистии по всем политическим и религиозным делам, уравнивания в гражданских и политических правах всех граждан России, немедленного восстановления деятельности и передачи управления страной в руки ответственного коалиционного министерства, которое опиралось бы на все организованные силы страны, стремящиеся к ее освобождению и спасению.

Член ЦК кадетской партии, один из лидеров прогрессивного блока Шингарев выступил против этой резолюции, указав на ее политическую несвоевременность (35, с. 53; 168, с. 30–31; 190, с. 53).

Н.Г.Думова отметила, что «главный итог работы съездов был вполне обоснованно сформулирован кн. Е.Н.Трубецким. Все мы, — сказал он, — за эти дни сошлись не только в общем отрицании революции, но и в общей активной борьбе против нее». В литературе показано, что откровенное неприятие обоими союзами революционных целей и революционных методов борьбы «послужило причиной ухода из них и вовлечения в социалистические партии большей части служащих ВЗС и ВСГ — прежде всего представителей демократической интеллигенции, возмущенных молчаливым альянсом руководителей союзов с реакционной бюрократией». Но основной состав союзов поддержал своих лидеров, их политическую линию, совпадающую с общим курсом российской либеральной оппозиции (76, с. 50–51)¹. По мнению В.И.Старцева, «союзы поддержали Государственную думу и признали прогрессивный блок своим идейным руководителем. Через союзы лидеры прогрессивного блока сделали свой следующий шаг в борьбе за власть» (251, с. 179)². Н.Д.Судовцов пишет в том же ключе. Лидеры прогрессивного блока решили использовать трибуну съездов ВЗС и ВСГ в борьбе за власть, и сентябрьские съезды этих союзов стали такой трибуной (257, с. 59, 60). Точка зрения Пайпса еще более «радикальная»: прогрессивный блок в 1916 г. оказал «решающее влияние на ход событий, приведших к революции» (172, с. 251).

Конечно, русская общественность в основном разделяла умеренную программу прогрессивного блока, включавшую не только требование о заменах в правительстве, но и призывы о необходимости проведения более терпимой религиозной и национальной политики, амнистии политических заключенных и снятия запрета на деятельность профсоюзов (210, с. 29). Но это вовсе не значило, что «общественность» союзов «признала прогрессивный блок своим идейным руководителем», как утверждает Старцевым и, по сути, Н.Д.Судовцовым.

¹ Но и в Союзе городов, и в ВПК оставались еще и беспартийные интеллигенты, и эсеры, и меньшевики — уже в тот период закладывались определенные предпосылки и для их работы в коалиционном Временном правительстве, и в Государственном совещании (121, с.146.)

² А.Б.Асташов подчеркивает, что «уже в 1915 г. на основе активизации гумани-тарной деятельности Земский и Городской союзы, объединявшие либеральную буржу-азию и средние слои города и деревни, стали одной из серьезных общественно-политических сил в предфевральской России» (20, с.172).

Всего через неделю после съезда Астров говорил на заседании ЦК кадетской партии буквально следующее: «Блок явление запоздавшее, а сейчас надо работать так, чтобы левые направления привлечь к себе (206, т. 3, с. 181–182). Н.Н.Щепкин назвал блок “неизбежным злом”... Фракция им связана в проявлении своего демократизма. Но мы-то не должны им связываться. Мы обязаны проявлять широко свою деятельность среди демократических слоев... Надо искать свою социальную базу не только в приказчиках, но и в рабочих» (206, т. 3, с. 183). Астров добавил, что «надо разработать реальную программу наших выступлений среди демократии. Теперь, конечно, легче подойти к массам, потому что война их тоже учит. Но страшно, что мы опаздываем. Надо спешить. В стране уже поставлен вопрос о смене династии. Нам не только нужно решить, будем ли мы участвовать в этом» (206, т. 3, с. 183). Более чем скептическое отношение к прогрессивному блоку в среде ВСГ проявлялось и позднее.

Небезосновательно поэтому мнение М.Джорджа, выступившего в 1986 г. против «общей тенденции» в историографии (М.Хемма (320), У.Глисона (318) и др.) рассматривать ВЗС и ВСГ почти как отражение прогрессивного блока. М.Джордж считал, что в отличие от деятелей прогрессивного блока лидеры союзов испытывали «постоянное давление» местных комитетов, значительную часть которых составлял «третий элемент». Исследователь справедливо отмечает конфликты между руководством союзов и рядовыми их членами, эволюцию политической позиции ВЗС и ВСГ, приобретающими все более левый крен (317, р. 371–377).

Мысль Н.Д.Судовцова о том, что в ВСГ «главенствующее положение занимала крупная буржуазия» (257, с. 35), как на барьер наталкивается на суждение И.Д.Сыгина о том, что у торгово-промышленного класса «нет ни малейшего желания идти... в поводу, на помочах у интеллигентов, политических теоретиков из Городского и Земского союзов. У них одни задачи, у нас — другие» (35, с. 100).

Решения Городского съезда, по составу более демократического («кадетского») в отличие от «октябристского», носили более четкий и резкий характер, чем резолюции ВЗС. В то же время съезд поручил депутации совместно с представителями ВЗС довести до сведения императора о тревогах и чаяниях, волнующих страну, и о своей резолюции, требующей немедленно восстановления работ законодательных учреждений и призыва к власти людей, пользующихся доверием страны.

Впоследствии некоторые из участников этой депутации считали постановление съездов, может быть, не вполне конституционным и даже несколько наивным. Но решению послать депутацию нельзя отказать в искренности и последовательности. «Это была последняя попытка вернуть то одушевление, которое охватило все общество в начале войны», вернуть и, если можно, закрепить единение царя с народом. Астрову, например, казалось, что в этом акте было больше мечтательного романтизма, чем политики. Но он характерен для истории общественного движения России во время войны. Не все члены ВСГ признавали целесообразность этого решения, считая его бесполезным, а некоторые даже унижительным. «Лично я, — продолжал Астров, — избранный съездом Союза городов в состав делегации, был уверен, что делегация не будет принята царем, однако, мне казалось, что этот акт должен быть совершен для того, чтобы была внесена возможная ясность в положение, чтобы мы или укрепили свои надежды и с новой силой и напряжением вели свою работу во взаимодействии с властью, или... оставили бы несбыточные надежды и искали бы выхода сами, быть может, из положения, которое еще не было безвыходным» (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 28).

Текст предполагавшегося обращения главы делегации кн. Львова и текст меморандума, который предполагалось оставить императору после аудиенции (35, с. 59), были составлены при участии членов делегации и некоторых выдающихся юристов и государствоведов. В фонде Н.И.Астрова в ГАРФе нам удалось установить их имена: В.А.Маклаков, Ф.Ф.Кокошкин, С.А.Котляревский.

Оба текста были спокойны по тону и были скорее бледны и чрезвычайной осторожны. Меморандум давал картину того, что происходило в стране, указывал на совершенно неудачные мероприятия правительства и намечал средства, которыми можно было бы остановить разруху. Авторам обращения к царю необходимо было привлечь его внимание к росту и развитию народных сил, на опасное и роковое обособление и отчуждение власти от народа. Основная мысль обращения была в том, что «власть должна была встать во главе победного духа народного, должна соответствовать духу народному, должна быть в руках лиц, сильных доверием страны. Правительство поставило Россию над страшной бездной. В ваших руках ее спасти» (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 28; 334. Оп. 1. Д. 8. Л. 209 об.).

11 сентября 1915 г. главноуполномоченные ВЗС и ВСГ направили телеграмму в ставку царю, в которой, всеподданнейше докладывая о

постановлениях съездов, писали: «Приемлем смелость, не благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству о тревогах и чаяниях, волнующих страну, выслушать голос земской и городской России и повелеть явиться избранной депутации». 18–19 сентября последовал обмен телеграммами между министром внутренних дел Щербатовым и главноуполномоченными союзов по поводу визита в столицу. Но в аудиенции царем было отказано. Хотя Львов просил передать императору, что съезды неоднократно непосредственно обращались к нему с телеграммами, но на этот раз признали состояние отечества столь тревожным, что сочли необходимым представить свои пожелания через особую депутацию. Съезды полагали, что решением непосредственно обратиться к монарху они исполняли свой гражданский долг и веление совести; в непосредственном обращении к государю они видели то единение народа с царем, на которое император указал как на самобытное начало русской жизни. Русский народ глубоко верит в действительное единение с царем, и отказ его величества принять представителей земств и городов России «может быть принят как разрыв царя с народом». Львов заявил, что он не решается сообщить съезду известие об отказе и просил передать государю надежду, что он примет депутацию, так как отказ глубоко опечалит страну. Щербатов все это доложил царю и получил указание, что «вопрос о депутации считается ликвидированным» (334. Л. 229об).

Дело в том, что 16 сентября в Ставке прошло заседание Совета министров, на котором, соответственно, и поставлены были все точки над *i*. Кривошеин высказался за необходимость твердой, деятельной и благожелательной власти, «при наличии которой резолюции московских съездов, конечно, не опасны». Щербатов говорил в том же духе. Самарин подчеркнул, что «Москва и московские съезды настроены консервативно, а потому и отношение к ним должно быть исполнено доверия и к мнению их надлежит прислушаться». Горемыкин отпарировал: «Это не значит, что с ними надо соглашаться». Сазонов пытался убедить царя, что необходимо «в такую исключительную пору жизни государства идти навстречу общественным стремлениям и призвать общество к самодеятельности». Горемыкин реагировал: «Это все какие-то другие мысли». Царь выслушал всех «мятежных» министров и глухим, недобрым голосом сказал, делая жест рукой, как бы разрубая что-то, — «когда приеду в Царское Село, то там — решу» (191, с. 159). И «решил», — ликвидировав самый вопрос о депутации союзов.

Смысл резолюции этих съездов — «правительство народного доверия» — было лозунгом, криком страны. Именно отказ царя выслушать представителей земств и городов России в связи с военными неудачами и развалом тыла, «может быть и был поворотным пунктом в настроениях широких общественных кругов». Не текст меморандума имел влияние в стране, но факт отказа царя выслушать представителей организаций, работавших на армию, произвел, несомненно, сильное впечатление. Поразному это впечатление сказывалось. Одни поникли духом и безнадежно опустили руки. Для них не оставалось больше надежды. «Призрак революции и анархии становился все более реальным». Другие постарались поскорее отделаться от неловкого впечатления, произведенного отказом в приеме делегации, и с головой ушли в работу на помощь армии и на организацию тыла. Третьи, наконец, учли этот акт, как новое доказательство враждебности власти к обществу и стали искать новых методов действий, считая свои руки развязанными» (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 29).

Но резко ужесточилось и отношение власти к союзам. Правительством был установлен контроль над расходованием средств Земским и Городским союзами. В сентябре были опубликованы данные о том, что союзы «живут» почти исключительно на казенный «кошт». Штюрмеру казалось, что этим объявлением «был снят ореол самопожертвования с деятелей Земского и Городского союзов». А 3 июля 1916 г. в газетах был напечатан отчет Государственного контроля о хозяйстве ВПК. И было намерение снова опубликовать сведения об ассигновании средств из казны, представленных правительством в распоряжение Земского и Городского союзов. Царь одобрительно отнесся к этому предположению (73, с. 226–248).

Натиск правительственной власти на общественные организации усиливался. ВСГ, ВЗС, по предложению ЦВПК в начале ноября 1915 г., планировали одновременно провести съезды своих организаций по вопросу о снабжении армии и беженцев. Но 7 ноября Львов был приглашен командующим войсками Московского военного округа генералом И.И.Мрозовским, который заявил, что считает несвоевременным проведение в Москве съездов этих общественных организаций, и в том числе земского, «находя эти съезды вредными». Не разрешая съезды, Мрозовский мотивировал это необходимостью сохранения общественно-го спокойствия и безопасности. Он акцентировал свое внимание на том, «имеет ли Земский союз вообще право, как учреждение не легализован-

ное, созывать свои съезды, и указал, что вопрос этот представляется не вполне ясным».

Львов, докладывая о своем визите к генералу Главному комитету ВЗС 9 ноября 1915 г., полагал возможным провести съезд «в обычном порядке вне зависимости от того, как отнесется к этому командующий войсками и угодно ли будет ему в силу представленных чрезвычайных полномочий не допустить занятия съездов». ГК одобрил эту позицию, признав необходимым созвать съезд в первой половине декабря, координируя свою деятельность с ГК Городского союза и ЦВПК (334. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–3). Но до съезда дело так и не дошло. 23 ноября Мрозовский направил Львову официальное отношение, в котором вновь подтвердил свое категорическое запрещение съезда: «Я не признаю возможным допустить в текущем году в городе Москве созыва собрания уполномоченных губернских земств и воспрещаю означенное собрание...» (334. Оп. 1. Д. 9. Л. 5).

Не следует удивляться тому, что и реакция лидеров общественных организаций на этот натиск власти была соответствующей. На квартире Коновалова представители общественных групп резко высказывались в адрес правительства. Астров говорил, что правительство, очевидно, имеет намерение ликвидировать Земский и Городской союзы. Это явствует из побуждений МВД оставить в силе деятельность только центральных органов обоих союзов и притом исключительно направленных на дело помощи больным и раненым воинам. Работа союзов по обеспечению продовольствием населения передается в руки губернаторов; деятельность местных комитетов также, по-видимому, будет ликвидирована. Эти данные и слухи и заставили Астрова прийти к заключению, что «лучше самим» закрыться с шумом, объяснив народу истинные причины вынужденного прекращения своей деятельности.

Коновалов был радикально настроен: народную массу пора поднимать, терпеть более нельзя, необходимо «обуздать наглую власть», доведшую страну до такого разгрома. Она должна быть потребована к ответу. Власти объединяющим лозунгом должно быть требование «К ответу власти за проигранную кампанию». Ей должен быть предъявлен счет: а) роспуск Государственной думы, нарушивший единение в обществе; б) отсрочка в созыве Государственной думы; в) отказ в призыве в состав правительства лиц, пользующихся доверием страны, и, наоборот, составление правительства из лиц, которым никто в стране не верит; г) тормозы деятельности общественных организаций, таких как ВЗС,

ВСГ, ВПК, Центральный кооперативный комитет и пр.; д) отказ в разрешении съездов этих организаций, несмотря на то, что они обслуживают нужды армии; е) не вызывавшийся необходимостью срыв, в колоссальных размерах, населения с мест и обращение его в разоренных беженцев. Все это — обвинительный акт по отношению к власти.

На совещании у Коновалова говорилось и о том, что на собрании думских фракций кадетов и прогрессистов в Петрограде получила большинство точка зрения Милокува, сводившаяся к тому, что «мы сейчас бессильны, все счета с властью должно отложить до окончания войны» (176, с. 363—364).

Характерна позиция российской общественности — резкие заявления и понимание невозможности действовать. Эта дилемма была ярко выражена в фельетоне-аллегии В.А.Маклакова «Тревожное положение» («Русские ведомости» 27 сентября 1915 г.). В облетевших всю Россию строках о шофере, которого нельзя сменить на крутом и опасном спуске, выразилось настроение российской общественности, следовавшей мудрому жизненному правилу: «При переправе лошадей не перепрягают» (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 29).

Американский профессор Ц.Хасегава обратился к этой аллегории и сделал одну ремарку. Шофера не меняли потому, что опасались прогудить революционную энергию рабочих (321, с. 38, 39).

САМОУБИЙСТВЕННАЯ КОНФРОНТАЦИЯ

Последний год существования царской власти был самым, пожалуй, трагическим. Чтобы это понять, достаточно даже беглого взгляда на литературу о том времени. В ней заметны некоторые «несстыковки», отражающие ту противоречивую действительность. Уже в историографии в 1970-х годах появилось немало работ, в которых либеральная буржуазия и ее организации рассматриваются как в высшей степени оппозиционная сила. В книгах А.Г.Слонимского, В.И.Старцева и особенно Н.Н.Яковлева изображен «штурм власти», который предприняли либералы в борьбе с самодержавием: буржуазия воспользовалась затруднениями правительства, связанными с войной, и устремилась в решительную атаку на власть (243, 250, 251, 307, 308).

Яковлев обвинял либеральную буржуазию в отсутствии патриотизма и больше — в пораженчестве, в предательстве интересов страны.

Это, по меньшей мере, странно, потому что ставили своей целью «превратить войну империалистическую — в гражданскую» не те, кого он хулит в своей книге, а те, кому он поет дифирамбы.

В новейшем издании этого «труда» (2003) сказано: «Брусиловские победы подняли на ноги “общественность”, обозначилась крайне тревожная для нас тенденция: скованная железной дисциплиной армия, а о ее введении хлопотал Брусилов, может привести императорскую Россию к успешному завершению войны. Тогда прощайте, надежды на власть, победителей не судят. Отсюда задача, которую с величайшей энергией стала выполнять буржуазия с осени 1916 г., — потоком инсинуаций и прямых подрывных действий окончательно скомпрометировать режим. За это дело взялись решительно все буржуазные лидеры — от Родзянко до Гучкова. Для них это был кратчайший путь к власти» (308, с. 254–255).

В отечественной и зарубежной историографии есть прямо противоположные мнения. Е.Д.Черменский и Ц.Хасегава, например, пишут о бессилии и властebоязни российской буржуазии, обусловленной страхом перед революцией (284; 321, с. 575–576). Но это — полярные точки зрения. Существует и немало их «оттенков». Позиция А.Г.Слонимского, например, не столь «заострена», как у Н.Н.Яковлева, но одна из трех частей его книги названа «Штурм власти» (243, с. 13–112).

Этот «термин» уже употреблялся самими участниками событий. Так, 7 ноября 1916 г. председатель Совета министров Штюрмер в одном из докладов царю сообщал, что Дума, не приступая к отдельным сметам и не обсуждая внесенных законопроектов, «прямо обратилась к штурму власти». Он раскрывал это: в основе плана действий руководителей Государственной думы лежит соображение о том, что если бы настоящее правительство не было заменено кабинетом общественного доверия, то занятия Думы «должны были бы прерваться и тогда предстало бы возможным вызвать беспорядки среди рабочего населения, учащейся молодежи и даже в войсках» (73, с. 225). А.Н.Яхонтов также писал, что лозунг «Все для защиты страны!» неуклонно превращался в почти истерический вопль о «министерстве общественного доверия... К концу первого года войны пошел уже не «натиск», а «определенный штурм власти в духе чуть ли не перводумья». «Прогрессивный блок» располагалстройною надежною силой в лице Земгора с его всепроникающим аппаратом и богатою казною, а также ВПК с его специальною «рабочей» секцией, являвшейся организующею ячейкой в руках революци-

онного подполья, в то время почти не скрывающего свои пораженческие замыслы» (245, с. 303—304).

12 марта 1916 г. Львов, выступая перед съездом союза как его главноуполномоченный, говорил: «Мы пережили, господа, за полгода, что не виделись с вами, много огорчений во всех областях нашей деятельности. Это было тяжелое полугодие решительного натиска власти на общественность. Она наносила свои удары в забвении великого дела победы и нравственного долга перед родиной. Напомню вам наиболее крупные из них. Отказ в приеме избранной вами депутации, поход на союзы по поводу отчетности, отнятие дела попечения о беженцах, запрещение созыва нашего собрания. Не буду останавливаться на бесконечном ряде более мелких». В целом атмосферу, в которой приходилось работать союзу, Львов квалифицировал как «удушливую» (334. Оп. 1. Д. 9. Л. 181).

Итак, решительный, сильнейший «натиск власти», т.е., по сути, штурм со стороны власти. Получается, что власть и общественность вели как бы, если прибегнуть к военной терминологии, встречный бой, два «штурма». Но в чем состоял штурм со стороны власти? Нет сомнения, что правительство ограничивало деятельность общественных организаций. Об этом свидетельствует, например, и доклад Штюрмера, в котором он говорил о штурме власти. Правительством за последние десять месяцев, писал он, был принят ряд мер, направленных к ограничению деятельности учреждений, созданных Особыми совещаниями по обороне государства, по продовольствию, снабжению топливом и перевозкам, во всех тех случаях «когда деятельность этих учреждений выходила за пределы закона 17 августа 1915 г. и учреждения эти являлись ареной для политической агитации». По «записке “русских кругов” Киева», на которой Николай II поставил резолюцию «записка, достойная внимания», секретным циркуляром министра внутренних дел было «вменено губернаторам в обязанность привлекать к законной ответственности председателей городских дум и земских собраний за допущение политических резолюций противоправительственного содержания» (73, с. 225, 365).

Царь, который всегда недоброжелательно относился к общественным организациям, 15 апреля 1916 г. признал «недопустимыми какие-либо съезды» (245, с. 328). Но при всем этом, как с удовлетворением признал Львов 12 марта, «работа наша растет, силы развиваются» (334. Оп. 1. Д. 9. Л. 181). То же можно сказать и о других общественных

организациях. Де-факто они все же устраивали свои совещания и встречи. Накануне крушения самодержавия высочайший рескрипт последнему председателю Совета министров кн. Голицыну, как пишет Астров, «упоминал и земства, но ни слова не говорил о союзах — А.Д.Протопопов (министр внутренних дел — В.Ш.) решил убить союзы и осуществить старую идею — опираться на отдельные земства. Общество требовало министерства доверия, потом ответственного, а в рескрипте Н.Д.Голицыну говорилось о благожелательном отношении к народному представительству» (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 83).

Правительство готовилось поставить Земский и Городской союзы и ВПК в условия, когда возможности их политической деятельности были бы сведены к минимуму. Еще перед началом наступления армий Брусилова Штюмер внес в Совет министров записку против думского проекта Положений о Земском и Городском союзах.

В докладе царю 12 июня 1916 г. Штюмер отмечал, что по проекту в России оказались бы два правительства, из которых правительство общественное, действуя на средства государственного казначейства, было бы независимо не только от государственной власти, но и вообще от государства. При изменениях, предложенных Думой, земские учреждения из органов местного хозяйства, осуществляемого под надзором правительственной власти, обратились бы в органы местного управления, независимые от власти. При реформе городского строя на основаниях, предлагаемых Думой, «городская жизнь во всем ее хозяйственном и административном целом отдавалась бы в полное распоряжение адвокатов, журналистов, техников и иных наименее устойчивых слоев городского населения» (73, с. 208, 209).

В конце мая — начале июня Штюмер провел совещания части министров (своих единомышленников), посвященные политике по отношению к буржуазно-помещичьим организациям. 4–18 июня было подтверждено решение допускать впредь съезды ВПК и союзов только с согласия в каждом случае Совета министров (110, с. 593).

Натиск власти на общественные организации, отказ в их легализации имел непоследовательный характер. Здесь власть «сама себя не познала». Подтолкнуло к выработке проектов Положений о ВЗС и ВСГ деятелей союзов военное ведомство. Кроме того, с представителями земств и городов заговаривали на этот счет и в Особом совещании по обороне. В силу этого оба союза (в ВСГ над этим потрудились М.М. Винавер) выработали проекты Положений, и такую же работу провел

Земгор (335. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–6; 334. Оп. 1. Д. 9. Л. 182–188). Союзы следовали по стопам ЦВПК, проект Положения о котором получил 27 августа 1915 г. высочайшее утверждение. Этим Положением центральному и местным промышленным комитетам были предоставлены права юридического лица. 12 февраля на заседании междуведомственного совещания при министерстве юстиции, в котором приняли участие Львов, Д.М.Щепкин, В.А.Маклаков и А.Э.Вормс, вопрос о легализации Земского союза был оставлен открытым. А проект положения о Земгоре хотя и одобрили, но он так никогда и не был утвержден, – Совет министров ставил его в связь с общим вопросом о легализации союзов, на которую не торопился соглашаться. Но лько в строку государственной власти это «торможение» ставить не следует. Дело в том, что вопрос о желательности легализации союзов неоднократно возникал и в Главных комитетах этих организаций. Но они проявили в этом деле «особую осторожность»: имели в виду то обстоятельство, что при непрерывно расширяющейся работе Земского союза, когда жизнь, в связи с условиями военного времени, ставила перед ним все новые задачи, «утверждение положения, которое закрепило бы к определенному моменту рамки деятельности союза, неизбежно могло повести к стеснению его работы в дальнейшем» (334. Оп. 1. Д. 9. Л. 184–186).

Но при всех этих правительственных мерах «самозащиты» и иногда грозных решениях на деле ни против земств, ни против городов, ни против ВПК не было предпринято действий, радикально стесняющих их практическую деятельность. И это при том, что правые партии, камарилья не прекращали резких выпадов против них в своих обращениях, записках, письмах венченосным супругам и их окружению.

Очевидное расширение функций общественных организаций, повышение их значения в различных областях экономики и в политике вызывало острую реакцию у лидеров правых партий и у правительства, у камарильи, у царствующей фамилии.

Руководители правых партий уже с лета 1915 г. повели атаку на Земский и Городской союзы. В феврале 1916 г. с резкой критикой на союзы и военно-промышленные комитеты обрушился с трибуны Государственной думы один из записных ораторов правых – Марков 2-й. 20 марта 1916 г. Н.Н.Тиханович-Савицкий направил царю письмо, в котором была развернута целая программа по обузданию «смуты» (текст его он послал и руководителям правых организаций). Лапидарно, языком приказов в нем говорилось и о союзах: «Государь! Необходимо уничтожить Городской и

Земский Союзы и военно-промышленные комитеты — это гнезда революционной пропаганды и объединения. Гучкова, Львова, Челнокова, Коновадова надо убрать как коноводов подготавливаемого переворота» (201, с. 546)¹.

М.М.Андроников «конкретизировал» один из «сценариев» такого «переворота» в письме к царице: «Земский и Городской союзы напрягают все усилия к тому, чтобы захватить в свои руки снабжение населения хлебом и жизненными припасами, конечно, на казенные деньги... оказывать давление на правительство и руководить страню по своему усмотрению. Им достаточно будет под каким-либо предлогом приостановить доставку по железным дорогам продовольствия — и сразу получится полная неурядица, в которой ловко направленная голодная толпа может сыграть роковую роль» (17, с. 29).

Любимый министр царя Н.А.Маклаков писал ему, что Родзянко «всегда и всюду добивается поставить народное представительство на не свойственную ему высоту», а за ним «стоят его руководители — Гучковы, кн. Львовы и другие, систематически идущие к своей цели. В чем она? Затемнить свет Вашей славы, Ваше Величество, и ослабить силу значения святой, исконной и всегда спасительной на Руси идеи самодержавия» (73, с. 189).

Такого рода послания всегда находили живой отклик у царицы. В июне 1916 г. она писала императору: «Относительно Союза городов. Ты не должен больше выражать им свою личную благодарность, нужно под каким-нибудь предлогом теперь же опубликовать сведения, что ими делается и главным образом то, что ты, т.е. правительство, даете им средства, а они свободно растрачивают их. Это твои деньги, а не их собственные... Они стремятся взять на себя слишком крупную роль, — это становится политически опасно, и против этого уже теперь следует принять меры, иначе со временем придется слишком многое менять сразу» (184, с. 301). Тогда же, в июне 1916 г., и царь выразил свое отношение к этим организациям, оставив «автограф» на журнале заседаний Совета министров, решивших допускать съезды союзов только с согласия министров: «Давно пора было это сделать. Очень одобряю». «...Одобряю и требую, чтобы намеченные здесь мероприятия не остались мертвою буквою» (110, с. 593).

¹ Собственно, так считал и печально известный генерал П.Г.Курлов, который в эмиграции писал: «Возникший явочным порядком Земгор» стал вторым правительством, что «представляло уже серьезную опасность» для монархии (119, с. 184).

Но никто из руководителей ВЗС, ВСГ, ВПК — ни Львов, ни Челноков, ни Гучков, ни Рябушинский, хотя они и у Николая II и у Александры Федоровны ходили во «врагах династии и престола», не был подвергнут каким-либо репрессиям¹. Николай II, например, хорошо знал письмо Гучкова к генералу М.В.Алексееву, начальнику штаба Верховного главнокомандующего, в котором говорилось о том, что власть гниет на корню, что у Штюрмера, возглавляющего эту власть, и в армии, и в народе «прочная репутация, если не готового уже предателя, то готового предать. Надвигается потоп, — писал Гучков, — а жалкая, дрянная, слякотная власть готовится встретить этот катаклизм теми мерами, которыми ограждают себя от хорошего проливного дождя: надевают калоши и раскрывают зонтик» (73, с. 354).

Впрочем, С.Е.Крыжановский в период, когда с ним шли переговоры о его возможном назначении на пост председателя Совета министров, предлагал комплекс мер для борьбы с грозящей катастрофой (вывод запасных частей из Петрограда, создание специальных полицейских батальонов, возвращение гвардии в столицу и т.д.). Но Николаю II делать это было «неудобно», ставя в привилегированное положение одни части по отношению к другим, остающимся на фронте.

Власть делала немало уступок общественности, но не принципиальных, — они оставались «в границах существующего государственного строя» (309, с. 303). В.Г.Чернуха утверждает, что «стратегически Николай II и Александра Федоровна были правы, не пойдя навстречу оппозиции. Запоздалые уступки не спасают. Тактически эти уступки могли бы сделать иным расклад сил в момент неизбежного взрыва. Впрочем, вряд ли ход событий претерпел от этого серьезные изменения» (45, с. 641—642). Можно сказать, что остановившись у края, — дальше была пропасть, вероятнее всего, поглотившая бы царскую власть, в случае «принципиальных уступок», — монарх не только пока удерживал «на плаву» романовскую династию и строй, хотя этим «удержанием» и ослаблял их еще больше, но и российскую оппозицию. И понимание этого у наиболее умных ее представителей было весьма четким. В уже цитированном письме Гучкова говорилось: «Наши способы борьбы обоюдостры и при повышенном настроении народных масс, особенно рабочих

¹ О.Сорокина считает, что производились «выборочные аресты земских деятелей». В действительности, и в самый «пик» «натиска» на общественные организации полиция не прибегала к этой мере (248, № 12, с. 13).

масс, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализовать» (73, с. 354).

В этом свете не без оснований и мнение, высказываемое в современной историографии: «Атакуя власть во имя реформ, либеральная оппозиция прокладывала дорогу революции» (45, с. 641). После Февральской революции некоторые деятели ВСГ заявляли, что «Союзы сыграли видную роль в деле освобождения от самодержавия» (23, с. 1.). Либералы попали в исторический цейтнот: откажись они от своих попыток, они обрекли бы себя «на гибель вместе с монархией уже во время первого революционного приступа» (45, с. 641). «Тревожное положение» В.А.Маклакова с его «безумным шофером» и бессильными пассажирами навечно этой безысходностью. Астров уже в эмиграции в письме к Челнокову признавался: «Ход событий, всероссийское расстройство, предощущение грозящей катастрофы заставляло мучительно отыскивать выходы из все усиливавшегося хаоса. И в чем были эти выходы, откровенно скажу, никто не знал и не видел» (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 78). В.А.Оболенский также свидетельствует: «Никто не находил выхода из положения, со дня на день становившегося все более и более грозным» (160, с. 507).

Правительство не могло «штурмовать» или поставить общество «на место» в прежней своей манере еще и потому, что было слабо и не имело поддержки в стране. В 1915 г. Щербатов на заседании Совета министров констатировал: «Правительство за собой не имеет армии, города, земства, купцов, дворян, не может существовать. Мы сейчас донкихоты». Харитонов и некоторые другие министры в унисон с ним говорили: «У страны нет доверия к правительству» (245, с. 215, 234 и др.). Современник и участник этих событий Астров образно описал эту деградацию власти: «В стране происходил роковой процесс изживания внутренней силы власти. От власти оставались лишь внешние ее формы без внутреннего смысла, содержания и оправдания. Все связи власти со страной порывались, как нити истлевшей ткани. Власть вырождалась и исчезала» (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 31).

В таких условиях конфликты внутри высшей бюрократии наносили ощутимый, роковой удар старой власти. Современная историография делает на этом сильный акцент (114, с. 22). Действительно, последним защитникам самодержавия в Совете министров было неважно, тяжело от подвохов своей же сановной братии. Н.А.Маклаков в конце пребывания «в министрах» производил впечатление «затравленного волка», а у

невозмутимого председателя Совета министров И.Л.Горемыкина однажды вырвалось в сердцах: «По теперешним временам приятнее отправиться в окопы и там погибнуть» (245, с. 251). А.В.Островский считает, что перед лицом внешней опасности враждующие между собою группировки внутри российской элиты должны были заключить перемирие. Но этого не произошло. Одновременно стало расти либерально-оппозиционное и революционное движение. Автор высказывает предположение, что в своем развитии «кризис верхов» опережал развитие открытого либерально-оппозиционного движения (166, с. 17).

Принципиальные уступки оппозиции серьезно помешали бы ведению войны, еще более ослабили бы власть и вконец дестабилизировали бы политическую обстановку. Во всем этом и российская общественность едва ли была заинтересована. Отсюда — лавирование и, в целом, — «средний» курс монарха и его правительства: ни слишком вправо, ни слишком влево, не отступить перед чрезмерными домогательствами камарильи и общественности, — уступки лишь минимально возможные и тактического свойства, в рамках существующего строя. Но этого состояния власти оппозиция понять в полной мере не могла. Ей казалось, что власть конфузливо отмалчивалась, отсиживалась, не шла навстречу требованиям общества и не принимала мер к его обузданию. Она ожидала окончания войны, чтобы тогда расправиться с обществом. Того же ждало и общество, чтобы тогда окончательно свести счеты с правительством. Собственно, власти и оппозиции ничего не оставалось больше, как, образно говоря, сидеть на одном суку и пилить его двуручной пилой, ожидая рокового падения.

В силу сложившихся в стране условий «решительный натиск» царизма на общество был все же не слишком решительным. А что представлял собой «штурм власти» со стороны общества? Можно ли, например, рассматривать Государственную думу и прогрессивный блок как основные «колонны», ведущие этот штурм? Николай II, как известно, до зубовного скрежета ненавидел Думу, мечтал обратить ее в «совещательное состояние».

И для правительства Государственная дума с самого начала своей законодательной деятельности никогда не представлялась «точкой опоры». Вышла из-под контроля правительства и верхняя палата: «...Правительству нельзя будет опираться на Государственный совет; личный состав сего последнего должен подвергнуться коренным изменениям» (73, с. 261). Однако в годы войны и царь, и его правительство в

известной мере вынуждены были считаться с Думой — не как с политической силой, а, скорее, «демократической» витриной для союзников по Антанте (чтобы они были податливей с кредитами и военными поставками), центром притяжения вожелений общественности и «оттяжного пластыря» для недовольства, зреющего в стране. На Государственную думу во многом также смотрела и оппозиция. Милюков отмечал, что Дума должна говорить, чтобы молчала улица. И его знаменитая речь, произнесенная 1 ноября 1916 г., в которой он несколько раз ставил риторический вопрос, критикуя власть: «Что это: глупость или измена?», и воспринятая современниками как набатный призыв, смутила его именно таким истолкованием. Он вовсе не желал такого эффекта от своей речи, пугавшей его возможностью ее революционной интерпретации (243, с. 44–45).

Царские сановники и некоторые либералы не допускали иллюзий в отношении Государственной думы. Министр внутренних дел Шербаков говорил в Совете министров, что «акции Думы в стране невысоки», и в заседаниях кабинета раздавались голоса о том, что движение снизу может пойти через Думу и т.д. (245, с. 253).

Что касается прогрессивного блока, то Милюков, его архитектор, и его сподвижники считали это объединение «спасательным поясом монархии». Не случаен умеренный состав прогрессивного блока, в который вошли деятели законодательных палат. В Совете министров считалось, что появление блока было вызвано «опасениями за будущее, социальной революцией». Министры принимали $\frac{5}{6}$ его программы, с ним у них не было непримиримых разногласий. Гос. думу и Госсовет подтолкнуло к созданию блока признание Горемыкина, что у Совета министров нет ни власти, ни авторитета, и что он попросил у них поддержки. И они «соединились в конкретную организацию, чтобы дать устоя для власти, которая сама говорила, что она безвластна» (163, с. 623–625). Только Горемыкин отвергал блок: «Его плохо скрытая цель — ограничение царской власти» (245, с. 245–247, 252–253). 16 сентября на заседании Совета министров в Ставке Харитонов (на которого ранее были возложены переговоры с представителями блока), выражая мнение большинства кабинета, признавал: «Предъявленные блоком положения не противоречили началам нашей государственности». Он особенно подчеркнул, что «в программе блока вовсе не говорится об “ответственном министерстве”» (191, с. 159).

Не слишком «штурмовали» власть ВЗС и ВСГ. Львов на мартовском съезде ВЗС хотя и говорил, что «отечество в опасности», все же счел нужным широко объявить: «Мы не занимаемся политической борьбой... Наша политика творится самым фактом нашей работы, имеющей государственное значение... Мы передвигаемся вперед делом, а не словом... Наша работа есть государственная работа не потому, что мы делаем дело правительственной власти и ее учреждений, а потому что мы выковываем в этой работе единство общественных сил и государственное могущество» (334. Оп. 1. Д. 9. Л. 182).

По общим вопросам была принята резолюция, в которой звучали и прежние постановления о правительстве доверия, о том, что власть не обновлена, постепенно сменяющиеся люди у власти не изменили ее сущности, и новые слова о том, что внутреннее разложение правительственной власти все умножается и расхождение ее с обществом только усилилось.

Радикальнее были постановления съезда ВСГ, состоявшегося тогда же, 12–14 марта 1916 г. Симптоматично расхождение между проектом общей резолюции и принятым постановлением. Если в проекте говорилось, что для полного единения всех сил страны необходимо, чтобы «к власти были призваны люди, пользующиеся доверием страны», то в окончательном варианте эта формула радикализировалась, отлившись в совершенно иное определение: «IV съезд ВСГ считает своим долгом вновь настойчиво требовать, чтобы безответственная власть уступила свое место правительству, ответственному перед народным представительством». В этом постановлении содержались резкие характеристики власти, которая, по мнению съезда, «явила ужасающее зрелище глубокого нравственного падения, граничащего с преступностью». В резолюции утверждалась необходимость дать стране внутренний мир. Должно быть укреплено и ее духовное единство. Необходима полная амнистия за политические и религиозные преступления. Необходимо уравнивание перед законом всех граждан, входящих в состав русского государства, без различия нации и вероисповедания (335. Оп. 1. Д. 14. Л. 222–225 об.).

На съезде было сказано, что особенно опасны и губительны распри и раздоры внутри страны. Повестка дня заседаний съезда ВСГ включала много вопросов, в том числе было выражено твердое желание, чтобы Всероссийские союзы, а также ВПК и организующаяся торговля объединили и координировали свою деятельность в вопросах снабжения армии и страны предметами первой необходимости — правильно организованное продовольствие страны, сохранение от расстройств народного

хозяйства — это первейшие условия организации тыла (335. Л. 202–203).

Важнейшим, конечно, были общие, политические постановления съездов. Характерно, что Астров вспоминает именно об этом. Он пишет, что на съездах ВПК в феврале 1916 г. и Союза городов в марте того же года, выносивших постановления о необходимости укрепления связи между общественными организациями и страной и координации их действий, говорилось о необходимости присоединения к организованным земским и городским силам, промышленности, деревни, кооперации, рабочего труда и торговли. В это время формула «правительство доверия» более не удовлетворяла общественные круги. «По поручению ГК Союза городов, — продолжает Астров, — мною представлен был IV съезду обширный доклад об организации тыла. В этом докладе была повторена формула “правительство, пользующееся доверием страны”. Эта формула уже не удовлетворила съезд 1916 года, отразивший настроение сильно полевевшей страны. На этом съезде провозглашена была формула, требовавшая “ответственного правительства”».

Перед уполномоченными земств выступил Коновалов, призвавший съезд присоединиться к «лозунгу необходимости обновления власти на принципе ее ответственности» (82, с. 10). Но земцы реагировали вяло и остались при прежней более умеренной формуле создания «правительства доверия». Поэтому не совсем точно мнение, встречающееся в литературе, что «имея массовую базу и поддержку, лидеры общественных организаций с самого начала выдвигали лозунг “ответственного министерства” в отличие от прогрессивного блока, стоявшего за министерство общественного доверия» (305, с. 40).

Н.М.Кишкин говорил на заседании ЦК кадетской партии, что «на съезде Городского союза в Москве Милюков выражал неудовольствие: съезд хотел ответственности министров, когда блок этого не ставит». Кишкин разъяснял: «Получается смешение понятий. Надо размежеваться: одно — в Думе, другое — в стране». Московское отделение ЦК, вопреки голосу Милюкова, признало за членами партии право отстаивать принцип ответственности. В области чисто парламентской московичей смущал вопрос о неподготовленности блока к внесению практических законопроектов, в частности, такого настоятельного, как проект реформы Городового положения. Если весенняя сессия Думы будет бесплодна, авторитет блока будет подорван, и для партии к.-д. это будет иметь горькие последствия (206, т. 3, с. 291–292).

Его поддержал барон Ф.Р.Штейнгель: «В Киеве о блоке говорили много, признали его полезность в Г. Думе, но не удавалось убедить в его полезности вне Думы. Путают программу блока и к.-д. и обвиняют к.-д. за деяния блока» (206, т. 3, с. 293).

Кишкин считал, что если партия будет упорно связывать себя только с блоком, авторитет ее сведется к нулю. Но Дума проводит только то, что «хочет правительство, и в стране понимают, что и Дума, и блок бессильны. В стране привыкли всегда на что-нибудь надеяться, а здесь и надеяться не на что. В связи с теми настроениями, которые дает война, это делается опасно. Не стране равняться по блоку; наоборот, если в стране будет напор воли, идущей дальше блока, это только подспорье. Тут вовсе не демагогия, а громадная народная печаль. И какое настроение будет, если у нас опустятся руки? Партия не должна связывать себя только с блоком, но что же делать?» (206, т. 3, с. 297). В последней фразе чувствуется смятение. А.А.Корнилов отвечал: «Никто и не думал, что страна должна следовать за блоком» (206, т. 3, с. 297). Однако, полемика, начатая Кишкиным, не прервалась. Винавер говорил о том, что блок «за год не сделал ровно ничего... Первою ошибкою партии было то, что она переоценила значение блока, а вторую, что она не поняла, что блок больше нужен для правых партий» (206, т. 3, с. 298—299). Кишкин, слушая эти речи, «раскрепощался» все больше: «Когда же, наконец, скажем стране: нет никаких надежд на 4-ю Гос. Думу! У нас самих нет уже никакой надежды на блок, и надо тоже сказать еп toutes lettres всем. Может быть, и не революция, но что-нибудь будет другое. Есть моменты, когда не скрывать надо, что с данными носителями власти страна не сдвинется с места и не победит. Какие теперь еще программы выработать? Надо настроение поддерживать в стране. Это значит, что народ должен бороться за власть» (206, т. 3, с. 299).

В.А.Оболенский иронизировал над дилеммой: либо блок, либо революция. «Но если сидеть в Думе и ничего не делать, то это и даст больше всего пищу для революции» (206, т. 3, с. 300, 302). Председательствующий, учитывая настроения присутствующих, резюмировал: «Необходимо поставить блоку на вид, что... разрушается престиж блока, и надо показать, что мы не в плену у блока. Если хотят спасти блок, пусть скорее продвигают законопроекты, сущность всей политической борьбы и сводится к проведению своих взглядов, т.е. к борьбе за преобладание, за власть, так что и в данном случае борьба за власть сама собой разумеется» (206, т.3, с. 303).

В этом духе и было принято постановление пленарного заседания ЦК 10 и 11 мая 1916 г. «По предварительном переговоре Н.В.Некрасова и Н.М.Кишкина с членами союзов возбудить вопрос в бюро блока о желательности организовать правильное общение представителей блока с представителями обоих союзов и военно-промышленного комитета» (206, т. 3, с. 304).

В последний год существования старого строя союзы были необычайно активны и в организации непосредственной помощи армии, и в мобилизации ресурсов страны для военных нужд, и в ее политической жизни¹. Широко было поставлено и производство одежды, обуви и снаряжения для армии, закупок продовольствия, медикаментов; оказывалась большая помощь беженцам. Заместитель главноуполномоченного ВСГ Н.М. Кишкин, объехавший в июле-августе 1916 г. действующие фронты, писал о «многообразной фронтовой работе союза», о «колоссальном росте нашей работы», «густой сети учреждений союза, которая почти непрерывной полосой растянулись от берегов Балтийского моря до границы с Румынией» (98, с. 4). Только на Южном фронте одних окопных рабочих «союзы кормят 200 000, лошадей содержат 13 000 и испытывают при этом со стороны администрации постоянные помехи: запреты, мошенничества с доставкой продуктов и фуража» (206, т. 3, с. 202).

Лидеры союзов считали, что «для армии важны не послезавтрашние, а завтрашние интересы. Дума должна заявить одно: что вся победа зависит от организации тыла страны. Первое дело — дорожное и мостовое. 2) санитарно-эвакуационное: тут целый год с нами сражаются, и сделано, в Галиции, например, только то, что сделано вопреки правительству. Теперь санитария передана, а беженство, которое в тесной связи с нею, изъято — это 3-я нужда. 4) продовольствие населения (и в глубоком тылу), но не иначе, как 5) в связи с транспортом. Наконец, необходимо участие общественных представителей в центральном совещании, может быть, придется допустить и такие компромиссы, которые не вредят прямо победе. Роспуск Думы в этих условиях не страшен» (206, т. 3, с. 203).

¹ Но историк Н.Н.Яковлев полагает, что тактика буржуазии и ее партий, Земгора имела «в виду создать затруднения царизму в ведении войны», ибо «победа императорской России с точки зрения буржуазии и ее идеологов создала бы невероятные препятствия для оттеснения от власти царизма» (307, с.121). Н.Н.Яковлев «бредет» здесь за Г.Катковым, утверждавшим, что Союзы были для либералов «Троянским конем», чтобы овладеть всей государственной машиной (322; 76, с. 42).

На заседании ЦК кадетской партии 3 февраля 1916 г. Астров говорил: «Надо идти по одному фарватеру с народом». Сообщает цифры, свидетельствующие о силе союзной работы, несмотря на помехи. «Бюджет Земгора — 40 млн. в месяц»; у него 28 000 агентов; он кормит 500 тыс. рабочих, хотя и не им нанятых, но им содержимых и обслуживаемых, а теперь часто нанимаемых союзом (206, т. 3, с. 204).

На 1 сентября 1917 г. в учреждениях ВСГ служило примерно 70 тыс. человек (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 16); на порядок больше — в ВЗС. Но «было бы странно настаивать на принципиальных преимуществах одного из этих союзов, — писал С.А.Котляревский. — ...Важнейшая, быть может, миссия союзов, — привлечение к делу помощи армии элементов, не призванных в ее ряды, — одинаково выполняется обоими союзами» (106, с. 40). Союзы считались работающими на оборону, а потому в их составе были «незаменимые специалисты», которые пользовались отсрочкой в случае призыва их на действительную военную службу. Правительственные комиссии после многочисленных проверок оставляли этих специалистов на службе в общественных организациях (322. Оп. 1. Д. 16. Л. 16).

Земгор вложил немалую лепту в выполнение военных заказов. Союзы участвовали и в создании Центрального комитета общественных организаций по продовольственному делу. Представители союзов привлекались и к работе в Особых совещаниях по продовольствию, топливу, перевозкам и обороне. Роль представителей союзов в Особых совещаниях в ту пору, когда во главе военного министерства стоял прислушивавшийся к голосу либеральной общественности генерал А.А.Поливанов, была весьма заметной. Вся их работа в совещаниях была «проникнута ярким сознанием государственной роли союзов». Представители союзов стремились к развитию промышленных организаций и к возможному сокращению заграничных заказов не только по валютным, финансовым соображениям, но и, прежде всего, с точки зрения широкого экономического будущего России. В то же время они «не становились на точку зрения защиты интересов крупного капитала, как наиболее совершенной формы развития промышленности, полагая, что по самому существу общественной роли союзов — представители их должны соблюдать полную объективность в борьбе различных классовых интересов». Наряду с этим, представители союзов «считали своим долгом бережно относиться к частноправовым интересам, добиваясь подчинения их общегосударственным лишь в случае действительной необходимости, которая одна определяет право

определяет право государства прибегать к принудительным формам организации промышленности» (86, с. 73–76).

Но все же деятельность ВЗС, ВСГ, Земгора и ВПК свидетельствовала и о том, что российская буржуазия вовсе не была «совсем близка» к власти, уже на 90% обладала ею, как то писал В.И. Ленин.

В заседании ЦК в феврале 1916 г. Д.И. Шаховской констатировал, что от участия представителей Земского и Городского союзов в совещаниях ничего не выходит. Работа союзов теперь уже переросла их наличные силы, потому что у них нет власти (отчего к ним многие не идут), а среда земская цензовая неудовлетворительна. Продовольствие без путей сообщения неосуществимо, но и тут аналогичное положение. Нужна полнота власти. Для этого необходимо «1) связаться с армией (мы хотим все для войны и для армии, а вы нам не даете); 2) связаться с живыми силами страны (крестьянство, рабочие, интеллигенция и 3-й элемент); 3) подготовка нападения на весь 5-й фронт (для этого образовать особую комиссию)» (206, т. 3, с. 204).

Все эти трудности усугубились тем, что «старая власть лишь поневоле и по необходимости терпела союзы, видя и сознавая, что без их помощи она обойтись не может; вместе с тем она не упускала случая делать попытки дискредитировать и подрывать деятельность союзов. Периодически против них предпринимались походы. То органы власти, то отдельные сановные фигуры, то организации “черной сотни” производили свои выступления и набеги. Союзам предъявлялись обвинения, что дела они ведут беспорядочно, не могут дать отчетов в израсходованных казенных деньгах, что они — особенно Союз городов — представляют гнездо и оплот революции, что все существование союзов подрывает авторитет власти. Союзам задерживали отпуск денег, всячески тормозили их начинания, не разрешали и разгоняли созываемые ими съезды и совещания — словом, союзы были опасным для государственного порядка явлением, явлением политической жизни страны, не совместимым с самодержавным строем» (23, с. 1). Отсюда стратегия и тактика общественных организаций.

Организация страны в целях достижения победы и ответственное министерство — лозунги 1916 г. В этой двучленной формуле одно острие — «ответственное правительство» — было направлено против «безответственной власти», а другие — против анархии и революции. Это была новая ступень, на которую взошло русское общество, гонимое всеобщим расстройством и дезорганизацией государственной жизни.

А началось все после летнего кризиса 1915 г., после которого наступила как бы полоса затишья. Расстройство же страны усиливалось и захватывало новые области народной жизни. Этот развал и действия власти, упорно не желавшей считаться с мнением Государственной думы и общественных организаций, поощряли развитие в стране революционного процесса. Около власти создавалась угрожающая пустота.

С этого времени начинается заметное раздвоение как в настроениях общественных и политических организаций, так и в выборе их тактики. Если прогрессивный блок представлял собой союз прогрессивных элементов с правыми, то одновременно с этим стали намечаться попытки сближения с левыми кругами, которые до того времени в деятельности союзов не обнаруживали себя сколько-нибудь активно. Эти попытки сближения с левыми приняли уже реальные формы в ВПК, который в своих выступлениях и тактике оказался гораздо радикальнее всех других общественных организаций.

Руководители прогрессивного блока настаивали на сохранении связи с властью, на необходимости бережения Думы. Милоков неуклонно удерживал тактику блока в пределах парламентской борьбы и всеми мерами противился стремлению левых вступить на путь революционных действий. В случае крушения власти он предрекал «бунт бессмысленный и беспощадный». Общее настроение того времени московских кругов было резко оппозиционным, но далеко не революционным. Они не выдвигали ни радикальных требований, ни революционной тактики. В это время росло антидинастическое настроение во всех слоях населения, не исключая и низших. Ореол царского имени поблек, потускнел и исчезал. Разочарование сменилось недоумением, недоумение убийственным равнодушием. От верховной власти уже ничего не ожидали, никаких надежд с ней не связывалось. Деятели ВСГ и их коллеги из других союзов в старые формулы об «объединении усилий», о «согласованных действиях» стали вкладывать уже более конкретное содержание. В начале 1916 г. ответственными лицами общественных организаций заявляется (в «Известиях Союза городов»), что режим не может вызвать усилий и жертв, необходимых для победы, нужно коренное изменение правительственного строя. Беспрерывная смена министров в связи с постоянным изменением проводимой этими лицами политики вели к полному параличу власти. Представители ВЗС считали, что мероприятия правительства ведут к острой классовой борьбе. И тем актуальнее становилась «организация страны». Понимали ее по-разному.

Объединение сил и организация страны — это была одна тактика, имевшая целью удержать возможное влияние в поднимавшемся стихийном процессе, предупредить его, если возможно, не дать ему разлиться в анархию. Другая тактика вела к дворцовому перевороту. «Сознание неизбежности дворцового переворота было, кажется, всеобщим», — вспоминал Астров. Его ожидали, о нем нескромно говорили повсюду, но его не дождалось. Сторонники первой тактики стремились договориться с организациями рабочих, сблизить буржуазно-либеральные круги с демократическими элементами. И те и другие видели в организации страны «средство, противоборствующее надвигающейся революции» (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 30).

Создание Центрального комитета общественных организаций по продовольственному делу (ЦК ОО) лежало в русле этой организации. Комитет возник по почину съездов ВСГ, ВЗС, ВПК, Биржевой торговли и сельского хозяйства, в виду осознанной этими съездами необходимости объединить общественные силы для того, чтобы общими усилиями разрешить неизбежный продовольственный кризис. Как представлялось деятелям ЦК ОО, «кризис этот фактически наступил». Он болезненно ощущался и в столицах, и почти повсеместно в России; более того, он «может, затянувшись, угрожать стране самыми тяжелыми последствиями». ЦК сообщал, что путь, для того, чтобы справиться с надвигающейся бедой, один — объединенная и планомерная работа на местах всех общественных групп, имеющих отношение к продовольственному делу. Земство, город, кооперативы и другие общественные группы должны быть привлечены к упорядочению продовольственного дела. ЦК ОО намеревался добиться полного прекращения таких недопустимых явлений, как стояние в «хвостах» (335. Оп. 1. Д. 18. Л. 6—8).

Н.Н.Яковлев, по сути, свел процесс формирования ЦК Общественных организаций по продовольственному делу к активности одного человека — масона высоких степеней Некрасова, который, разлив неслыханную энергию, «шныряет повсюду, убеждает создать некую национальную организацию для напора на правительство. В дополнение к земским и городским союзам, настаивает он, нужно учредить союзы рабочих, промышленников, крестьян, кооперативов» (308, с. 221). Яковлев принимает за чистую монету донесения охранки.

На взгляд полицейских властей, ЦК ОО имел тенденцию вести работу самостоятельно, не считаясь с политикой министерства земледелия. Соответственно и отношение к нему было, как к организации,

имеющей в виду политические цели. Продовольственный вопрос в это время уже стал политической проблемой, которая в любой момент могла взорвать ситуацию в стране. Отдавая себе отчет в этом, руководители ВЗС, ВСГ, ВПК всемерно старались предотвратить катастрофу. С этой целью они пытались устраивать совместные совещания и съезды своих организаций. Однако власти запрещали их. Гонения на союзы и общественные организации были последними судорожными движениями агонизировавшей власти.

В декабре 1916 г. должны были состояться съезды ВЗС, ВСГ и ВПК. Е.Д.Черменский считал, что главноуполномоченные обоих союзов относились отрицательно к созыву съездов, опасаясь, что под давлением демократических элементов они могут взять нежелательный крен влево. Но в беседе с градоначальником Львов и Челноков признались в своей бессилии отменить и отсрочить съезды, ибо ввиду крайне обострившегося положения внутри страны члены союзов сами требуют немедленного созыва. Оба они утверждали, что съезды будут иметь строго закрытый и деловой характер, хотя и весьма вероятно, вынесут, помимо воли председателей, резкие постановления (284, с. 230).

Правительство не допустило собрания земских деятелей. Их просто не пустили в помещение, где должен был проходить съезд. Полиция составила протокол. Земцы отправились в ГК ВЗС, где и провели свое заседание, на котором присутствовали представители 22 губерний, 2 областей и всех фронтовых комитетов ВЗС. С решающим голосом оказались 59 человек. Земцы отдавали себе отчет в том, что «решаются судьбы России на многие поколения». Спасение войны они видели в действительном патриотизме и в живом чувстве ответственности перед родиной. Когда власть становится преградой на пути победы, ответственность за судьбы родины должна принять на себя вся страна, начиная с ее законных представителей. Правительство, ставшее орудием в руках темных сил, «ведет Россию по пути гибели и колеблет царский трон». Суть рекомендации заключалась в требовании: «Должно быть создано правительство, достойное великого народа в одну из величайших минут его истории, сильное ответственностью перед народом и народным представительством, и только когда это совершится, самые великие трудности, стоящие перед Россией, не окажутся для нее непреодолимыми».

Земцы хорошо чувствовали драматизм своего времени, его судьбоносность. «Время не терпит, истекают все сроки и отсрочки, данные нам историей», — этими словами заканчивалась резолюция. Собрание же вскоре

опять прервано вторжением полиции, потребовавшей прекращения заседания (35, с. 155–157).

Слухи о том, что оппозиция обсуждает кандидатуру Львова на пост премьер-министра привели в неистовство императрицу Александру Федоровну, потребовавшую высылки Львова в Сибирь.

Примечательно, как изменился к тому времени сам облик Львова. Некогда тихий и застенчивый, не любивший чрезмерного внимания к собственной персоне и избегавший появляться на трибуне, князь превратился теперь в весьма нервную и даже экзальтированную личность. Очевидцы рассказывали, что когда полицейские ворвались в зал, где собрание земцев принимало резолюцию, и предложили покинуть помещение, то Львов взобрался на стул и крикнул на весь зал: «Верьте, мы победим!». Спустя некоторое время он заявил в частной беседе: «Теперь уже не время говорить о том, на кого возложить ответственность за судьбу России. Надо принимать ее на себя. Народ должен взять свое будущее в собственные руки» (207, с. 174–175).

Еще более решительно полиция действовала 9 декабря, закрывая съезд ВСГ. Как сказано в официальном протесте ВСГ, деятельность Союза городов нарушена была в самой своей основе грубейшим образом. Об этом красноречиво рассказывал с трибуны Государственной думы Коновалов (176, с. 389–395).

Резолюция ВСГ о политическом моменте была более радикальной, чем постановление ВЗС. В ней говорилось о режиме, губящем и позорящем Россию, о безответственных преступниках, готовящих стране поражение, позор и рабство. Жизнь государства потрясена в ее основах мероприятиями правительства, страна приведена к хозяйственной разрухе, питание армии и населения находится в критическом положении, а «новые меры правительства довершают расстройство и грозят социальной анархией. Выход из настоящего положения, ведущего Россию к несомненной катастрофе, один — реорганизация власти, создание ответственного министерства. Государственная дума должна ... довести до конца свою борьбу с постыдным режимом. В этой борьбе вся Россия с нею. Союз городов призывает Государственную думу выполнить свой долг и не расхотиться до тех пор, пока основная задача — создание ответственного правительства — не будет достигнута» (35, с. 155–157).

«Вестник ВСГ» не преминул подчеркнуть, что резолюция была политического содержания с протестом, обращенным к Государственной думе, и

с призывом всей страны к объединению «для борьбы с преступной властью» (39, с. 8).

Запрещению подверглось и совещание по продовольственному вопросу представителей Союза городов, ВЗС, ВПК, торговли, промышленности, кооперативов и рабочих (35, с. 157–158).

Резолюция этого совещания 11 декабря была по форме еще более резка, чем резолюция ВСГ. Смысл ее, однако, был тот же: объединение всех сил и классов в организацию, способную «вывести народ из разложения». Но от этих резолюций веяло отчаянием: их тон свидетельствовал «о глубоком сознании безнадежности положения». Астров откровенно признавал, что это были уже «возгласы, близкие к отчаянию. Старый корабль шел ко дну. Нужно было спастись» (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 31).

Каскад запрещений, обрушившийся на общественные организации, не обошел и ВПК. Не разрешалось собирать не только съезды, но всякие совещания и общие собрания ВПК — отделов, подотделов, секций. Еще февральский съезд 1916 г. постановил, чтобы областные комитеты созывали время от времени уполномоченных ВПК. Но за весь год не состоялось ни одного съезда ВПК. На собрание областных ВПК 14 декабря в Петрограде явился представитель от градоначальника и пристав. Деятели ВПК глубоко возмущало, что министр внутренних дел имел право командировать своих агентов не только в общие собрания, но и в исполнительные органы, комитет и бюро. Собрание 14 декабря не нашло возможным продолжать занятие при создавшихся условиях.

Собрание усмотрело, что «в данном случае командировка лица от министра внутренних дел или от градоначальника есть ни более ни менее как акт вызова, диктуемый недоверием к общественным организациям. Оно выразило свой негодующий протест по поводу проявления властью новых форм насилия, глумления и издевательства над общественными организациями...» (176, с. 391–392).

Запрещение съездов обсуждалось в Государственной думе. Депутаты — члены прогрессивного блока — обвиняли власти, которые «обостряют внутреннее недовольство и дают ему нежелательное направление». Миллюков предупреждал: «Кучка слепцов и безумцев пытается остановить течение того могучего потока, который мы в дружных совместных усилиях со страной хотим ввести в законное русло. Гг., я еще раз повторяю — это еще можно сделать. Но время не ждет. Атмосфера насыщена электричест-

вом. В воздухе чувствуется приближение грозы. Никто не знает, гт., где и когда грянет удар» (79, с. 260).

Милоков призывал депутатов Государственной думы со всем вниманием отнестись к образу действий правительства по отношению к общественным организациям.

Коновалов говорил о тех препятствиях, которые творила власть по отношению к даче заказов общественным организациям. Препятствия эти начали проявляться с января месяца и «до сих пор с непреодолимой силою проводятся со стороны власти». Коснувшись проблемы московских съездов, он заявил: «Я был свидетелем в Москве тех деяний, которые творила власть в декабрьские дни 9, 10 и 11-го числа; я был свидетелем того позора, которым покрыла себя наша власть не только в глазах Государственной думы, пред лицом страны, я бы сказал больше, пред лицом всего цивилизованного и культурного мира».

По его словам, власть ведет упорнейшую борьбу со страной и доводит ее до наивысшего напряжения, вызывая тем угрозу возможности осуществления непоправимых катастроф. Коновалов считал, что с существующим режимом, с существующим правительством «победа невозможна, что основным условием победы над внешним врагом должна быть победа над внутренним врагом». Осталась в силе все та же система управления, у власти прежние министры, злейшие враги общественности. Власть бравирует своим недоброжелательством и презрением к Думе, к народу и к общественным организациям.

Запрещение съездов — это новый акт трагедии русской жизни. Этот акт глумления над общественными силами России в момент величайшей борьбы «дает нам новое свидетельство о полной отчужденности власти от народа, о полной к нему враждебности и ставит перед нами во весь рост грандиозную проблему власти. ...В грозный час переживаемых испытаний должно быть покончено с политической системой, грозящей создать неисчислимые бедствия для страны. Долг Государственной думы неуклонно, настойчиво вести борьбу с действующим режимом. Задача страны облегчить Государственной думе эту ее борьбу. Государственная дума должна призвать к единению все свои классы населения, призвать к объединению организованную демократию во имя основной задачи момента, задачи организации страны, которая одна только и может вывести страну из настоящего тупика, в котором мы находимся».

Коновалов «вышел» на формулу перехода к очередным делам своей фракции, смысл которой состоял в следующем: «Стеснение деятель-

ности народных организаций в то время, когда необходимо величайшее напряжение народной энергии, является преступлением перед родиной... Государственная дума, горячо приветствуя мужественные и высокопатриотические заявления съездов земского, городского, продовольственного и военно-промышленного, настаивает на требовании немедленного образования ответственного перед Государственной думой правительства...» (176, с. 389–395).

В конце 1916 г. лозунг создания ответственного думского министерства «стал общим лозунгом либеральной оппозиции» (293, с. 252). В это время, по свидетельству видного деятеля ВЗС Т.И.Полнера, «правительство и общество представляли собой два враждебных лагеря» (325, р. 304). Это было отражением общего сдвига страны к революции, которой либералы вовсе не желали.

Начальник московского охранного отделения в донесении директору департамента полиции об октябрьской конференции (1916) партии кадетов писал, что конференция ясно выявила такую черту в психике кадетов, как «их непомерный страх перед революцией». Милюков, поддерживая свою точку зрения о необходимости не сходить с парламентской почвы в борьбе с правительством, подчеркивал всю опасность поощрения революционных, анархических инстинктов. «Вот почему в борьбе с правительством, несмотря на все, необходимо чувство меры». Народная мысль и без того имеет «опасный уклон» в сторону отрицания всякой власти. Война в темных, неуравновешенных умах подорвала самую государственную идею. В этих условиях «поощрять во имя борьбы с правительством деятелей анархической революции, это значило бы рисковать всеми нашими политическими достижениями, завоеванными с 1905 года» (35, с. 197, 198). Даже такой «радикал» в ВСТ, как Астров, открыто заявлял: «Революционеры мы быть не можем» (90, с. 46).

На первый взгляд, позиция руководителей ВПК резко отличается от тактики кадетов. Действительно, Коновалов стремился «сблизить буржуазные либеральные круги с демократическими элементами. Он бросал упрек сторонникам Милюкова в инертности, доктринерстве и академичности, а главное — отчуждении от демократии, страхе перед ней. Поэтому свою цель он видел в том, чтобы заложить «мост между кадетами и левее стоящими группами — с.-д. и трудовиками»¹.

¹ «Общественность» с большим скепсисом отнеслась к «новой» тактике Коновалова, с целью давления на власть еще ранее выдвинувшего проект самороспуска Думы, сложения Львовым и Челноковым своих полномочий и обращения к правительству с требованием

Коновалова подталкивала к этой тактике, как казалось ему, сама жизнь, нестроение в стране, «таящее возмущение страшного взрыва». Он говорил, что десятилетия самой интенсивной революционной пропаганды не могли бы сделать того, что сделала непрерывная министерская чехарда». Власть сама расшатала последние свои устои и раскрыла глаза на свою сущность. То, что правительство «насаждало анархию сверху», — было одним из сильнейших стимулов противоправительственного пафоса в выступлениях российских либералов. Они видели, что страна стремительно идет к революции. Шингарев, например, считал тогда, что до нее всего несколько месяцев.

Коновалов устанавливал свой «диагноз»: «температура Москвы... неизмеримо выше, чем была даже в 1905–1906 годах», налицо все признаки антидинастического переворота и предрекал, что «на ближайших выборах в Государственную думу, несомненно, к.-д. окажутся для Москвы слишком правыми» (35, с. 140). И он убеждал «братьев по классу» загодя обеспокоиться «о самозащите, об ослаблении грозных последствий анархии». Спасение он видел в одном — «в организации себя, с одной стороны, в организации рабочих — с другой».

Ларчик, стало быть, с Рабочей группой ВПК открывался непросто, — лидеры ВПК начали эту «затею» с группой не только и не столько из патерналистских побуждений. Коновалов в своем близком кругу откровенно говорил: «Если мы будем смотреть на организацию рабочих враждебно, мешать ей, то мы лишь будем содействовать анархии, содействовать собственной гибели. Объявляя в такой момент рабочим войну, мы рискуем превратить всю русскую промышленность в развалины. На правительство надеяться нечего, мы окажемся лицом к лицу с рабочими, — и тут совершенно бесспорна их сила и наше бессилие. Не лучше ли в таком случае

учредить ликвидационные комиссии по делам ВЗС и ВСГ. Львов был против сложения с себя полномочий, так как «считал политику правительства колеблющейся и полагал, что возможны изменения». Точку зрения Львова разделяли и кадеты. По сведениям московской охранки, большая часть кадетов «относится очень осторожно к “демагогии” Коновалова и предпочитают пока занимать в этом отношении выжидательную позицию... Верные своей буржуазной природе, кадеты буквально с чувством панического ужаса думают о предстоящей революции. Этот ужас так велик, что, если бы была хоть малейшая возможность для них столкнуться с правительством, если бы правительство пошло бы хоть на малейшие уступки, кадеты с радостью пошли бы навстречу» (284, с. 231). Но правительство не делало даже примирительных жестов. Не удивительно, что группа служащих ВЗС, стоявших за просвещенную монархию, обратилась ко всем деятелям ВЗС принять участие в движении, «как только первые набатные звоны народного восстания прозвучат во всех концах России» (79, с. 257–258).

путь соглашения, путь уступок как с одной, так и с другой стороны» (35, с. 140).

Милокова все это не убеждало. Он хорошо помнил «уроки 1905 года»: «Страшно становится за завтрашний день, так как мы хорошо помним, на что способны московские низы, доведенные до отчаяния и ярости» (35, с. 143).

Но Коновалов и стремился этого избежать. Даже самая «левая» тактика российских лидеров, самый яростный «штурм» власти, «нажим на власть», как выразился главный политический оратор ВСГ Астров, были «в пределах лояльности и парламентаризма» (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 79).

В октябре 1916 г. Коновалов строил планы о том, что, «быть может, через несколько месяцев мы будем иметь министерство Милокова и Шингарева». Но для этого предстоящая сессия Государственной думы должна быть «решительным натиском на власть, последним штурмом бюрократии». Государственная дума должна быть поддержана решительным заявлением из общественной среды, как-то: земств, городских дум, Городского и Земского союзов, военно-промышленных комитетов, торгово-промышленных комитетов, торгово-промышленного класса, различных обществ — и «власть не может не дрогнуть». (35, с. 141—142).

Несмотря на всю эту риторику Коновалова, он сам и его единомышленники прогрессисты совсем не желали, чтобы борьба с властью из кулуаров Думы переместилась на улицу, напротив, — сама борьба шла за то, чтобы снять эту возможность, все явственнее проступавшую в политической реальности тех лет. Парламентские методы борьбы — основа тактики прогрессистов. Это следует из сути выступлений Коновалова (необходимость «единения всех классов общества» в целях поддержки борьбы Государственной думы с правительством) и его единомышленников. Выступая 4 февраля 1917 г. в Таврическом дворце, alter ego Коновалова Н.И.Ефремов как бы заглянул в «бездну»: «Страна накалена недовольством, а близорукая, упорная власть как будто нарочно наталкивает ее на страшный вывод о невозможности парламентскими средствами борьбы достигнуть создания ответственного перед Государственной думой правительства, от которого страна ждет спасения» (Исторический фашизм) руководителей ВПК требует дополнительного объяснения. У них не было столь значительного опыта, как у кадетской партии, которая в целом (несмотря на «левый крен» Н.В.Некрасова, А.М.Колобакина, Д.И.Шаховского, Н.И.Астрова, Н.Н.Щепкина) все же

устойчиво держалась средней, «милюковской» линии. Кроме того, прогрессистам был присущ гипертрофированный социальный оптимизм. Коновалов незадолго до войны (21 октября 1913 г. в газете «Утро России») оптимистически прорицал, что «будущее принадлежит нам», имея в виду российскую буржуазию. Но Коновалов и его единомышленники опережали свое время. Ментальность населения не «стыковалась» с «прогрессизмом», да и с либерализмом в целом. П.Струве и С.Франк писали об этом — уже в эмиграции (291, с. 132). Рябушинский после катастрофы 1917 г. также признавался, что недооценивал силы революции¹. До переворота прогрессисты, «отторгая» самодержавие, стремились достичь социального мира в стране, как «альтернативы революции снизу».

Принимая участие в составлении списков теневого кабинета и предавая их гласности, они таким образом запускали очередной «пробный шар», чтобы выявить реакцию власти на деятельность оппозиции и возможность компромисса с «верхами». В этих списках преобладали имена деятелей ВЗС, ВСГ, ВПК.

В литературе нередко указывается на совпадение имен фигурантов в списках и министров Временного правительства (См. 186, с. 304–305). Такое совпадение не очень должно удивлять: эти люди были на виду и на слуху всей России. Возможно, здесь сыграл свою роль и прецедент в революции 1905–1907 годов, когда в ходе трех попыток призвать к власти общественных деятелей учитывалось, что чем они известнее, тем авторитетнее будет для населения и «министерство».

В литературе указывается и на то, что люди в списках и во Временном правительстве — преимущественно масоны (6). На этом основании порой делаются далеко идущие выводы, вплоть до того, что у истоков Февральской революции стояли масоны (249, 250, 308, 322). Однако существующая источниковая база по этой теме настолько скудна, что несмотря на появление книг Б.И.Николаевского, Н.Н.Берберовой, А.Я.Авреха и других о масонах, исследования об этом тайном обществе представляют обычно свод гипотез их авторов. Масоны скорее всего амбициозно рассчитывали объединить представителей различных политических

¹ Коновалов уже в мае 1917 г. критиковал партии «социалистической ориентации» и с откровенным разочарованием говорил: «Свергая старый режим, мы твердо верили, что в условиях свободы страну ожидает мощное развитие производительных сил, но в настоящий момент не столько приходится думать о развитии производительных сил, сколько напрягать все усилия, чтобы спасти от полного разгрома те зачатки промышленной жизни, которые были выращены в темной обстановке старого режима» (См. 186, с. 319).

взглядов для достижения вполне либеральных целей. Общество «свободных каменщиков» было удобно для них тем, что давало возможность неформальных контактов, внепартийного общения и, быть может, неофициальных решений, скрытых от «дурного глаза» охранки, от чающей сенсаций прессы и всякой «посторонней» публики.

Еще в 1905–1906 г. общественность составляла списки министров на «всякие эвентуальности». И в период войны составлялись списки потенциальных министров, — тоже на возможные «неожиданности». Приток общественных деятелей в ряды масонов в предвоенное время был связан с именем вернувшегося из Парижа после 18-летнего пребывания за границей М.М.Ковалевского. Именно он привлек в масонские ложи некоторых деятелей, которые потом играли видную роль в общественных организациях. Большой процент масонов во Временном правительстве — это отражение и большого числа масонов в элите российского либерализма. Здесь был и «крестник» Ковалевского, правый кадет В.А.Маклаков, прогрессистская «двоица» Коновалов — Ефремов, левый кадет Некрасов, трудовик Керенский и другие — вплоть до социалистов.

Многие из них в обычной, открытой политической жизни на левом, «демократическом» пути делали попытки «получить влияние на ход событий и удержать от революционной катастрофы, если бы события вызвали ее» (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 82). Этим же они занимались и в тайном обществе вкупе с коллегами различной партийной принадлежности. Масонство в России, похоже, — это нечто вроде привилегированного заведения закрытого типа с участием партийно-демократического элемента, жившего по «благородному» уставу либерализма.

Прямую связь между масонской деятельностью, будто бы направленной на низвержение самодержавия, и падением его в феврале 1917 г. усмотреть трудно, может быть, и потому, что Февральская революция явилась стихийным взрывом.

Лидеры союзов и ВПК оставили свой след не только в этой тайной организации, но и в деле так и не совершённого дворцового переворота. Н.Н.Яковлев усматривает связь: «Те, кто входил в масонскую организацию, горой стояли за переворот» (308, с. 315). Общеизвестный глава его — А.И.Гучков. Но это был странный заговор. О нем чирикали воробьи с каждой петербургской крыши. О нем знали и в великокняжеской среде, и в либеральной, слухи о нем проникли в низы. Удивительно, что никаких карательных акций против Гучкова со стороны властей принято не было. И сам он, доживший до 1936 г. и оста-

виший немало свидетельств о днях своей бурной политической деятельности, не прояснил вопроса о заговоре — ни о его участниках, — известных из них можно пересчитать по пальцам одной руки, — ни о конкретных, детальных планах заговорщиков. Возникает представление, что в Петербурге в 1916—1917 гг. сознательно муссировались, нагнетались слухи о заговоре и было напущено немало многозначительного тумана о нем с той же целью, с которой выступали соратники Гучкова в либеральном стане, — «надавить» на власть, добиться уступок от нее, выдавая мираж за действительность. В этой связи один любопытный штрих. В 1929 г. Астров в письме к Челнокову (через 4 года после смерти Львова) поинтересовался: «Мне очень хотелось бы знать, что вам известно о степени участия князя Г.Е.Львова в задуманном в то время дворцовом перевороте? Насколько знаю — тогда как-то предупреждали председателей союзов о возможности такого переворота. Но никто из двух союзов вовлечен в этот переворот не был. Приезжали из Петрограда к Львову информировать и нас в самых общих чертах о возможных событиях. Как это было?» (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 82).

Учитывая многолетние дружеские и деловые отношения Астрова и Львова, ключевую роль первого в ВСГ, кажется маловероятным, чтобы князь не посвятил его в «кавказский вариант» заговора, где главноуполномоченный ВЗС будто бы являлся центральной фигурой. Тем более, что, как пишет Н.В.Вырубов, председатель Земгора («эмигрантского») Львов, вопреки утверждениям «многих российских исследователей», вовсе «не был масоном» (135, с. 14, 15). Клятва хранить в тайне деятельность масонов не сковывала его. Как бы то ни было, характерна эта уверенность Астрова о непричастности к планам переворота ВЗС и ВСГ. У Астрова есть и очень осторожное определение действий «заговорщиков»: «Выступления народных и солдатских масс на улицах Петрограда опережали “предположенный переворот”» (332. Оп. 1. Д. 16. Л. 82). Чрезвычайно симптоматична эта осторожная формула «предположенный переворот», которая может читаться не только как свидетельство о несостоявшемся, но и несостоятельности несостоявшегося. Видимо, Ц.Хасегава имеет основания утверждать, что даже сторонники заговора «не относились к нему серьезно» (321, с. 576). Но исследователям до сих пор очень бы хотелось знать, говоря словами Астрова, «как это было?», если бы это было. Пока же заговор — своего рода «Летучий голландец» в историографии.

Некоторые историки, в том числе и Ц.Хасегава, полагают, что руководство союзов пыталось лишь сделать их «орудием политической реформы» (321; 76, с. 42). С.В.Гютюкин считает, что революционизирование России было «достаточно длительным и многомерным процессом». В нем объективные факторы превалировали над субъективными, которые складывались «из трех основных элементов: бездарности правительства, оппозиционной деятельности либералов и подпольной работы революционеров». В целом курс правительственной политики в период Первой мировой войны можно характеризовать как попытку политического маневрирования между различными социальными слоями с явным, однако, креном вправо. Понимая, что Государственную думу и общественные организации во время войны «трогать нельзя», Николай II «не отваживался ни на реформы, ни на контрреформы, к проведению которых его подталкивали соответственно либералы и правые круги» (270, с. 242–246). Корень всех бед был в «кроне». Это во многом так. И по мнению многих зарубежных историков, монарх явно «не вписывался» в ход событий (214, с. 29; 316, с. 282 и др.). Даже душой и телом преданный Николаю II Н.А.Маклаков однажды не сдержался, — так «достал» его венценосный патрон: «Погибнуть с этим человеком можно, а спасти его нельзя» (157, с. 5).

Другой высокопоставленный царский чиновник, но уже из бывших, А.Д.Бубнов, размышлял в эмиграции о положении в «верхах»: «Николай II... твердо верил, что власть дана ему богом и что его долг состоит в том, чтобы сохранить ее неумаленной; вследствие этого он отвергал всякие попытки самостоятельности и инициативы “общественных сил”, видя в этом посягательство на его власть» (208, с. 102).

Либералы пытались сдвинуть царя с этой точки зрения. Ф.И.Родичев предупреждал, уговаривал «верхи» с трибуны Государственной думы: «Предупреждайте счет, который история, народ, предъявят вам, платите же по нему вперед — он будет вам стоить дешевле» (65, Стб. 47–95), особенно, добавим мы, учитывая фактор связи войны и революции в истории страны. Другое дело, не упущено ли было время «платить вперед». Время, условия и люди, прежде всего, обладающие властью, делали все, чтобы Россия стала «колыбелью революции». Может быть, и поэтому либералы убеждались все больше, что убеждать и уговаривать «высшие сферы» легче, чем убедить и уговорить их. Как бы то ни было, лидеры либералов уже в декабре 1916 г. готовились ко всяким «эвентуальностям». Милоков постфактум свидетельствовал перед Чрезвычайной следственной комиссией в 1917 г., что на собраниях представителей ВЗС и ВСГ, ВПК

и членов прогрессивного блока были согласованы меры на случай «какого-нибудь крушения, какого-нибудь переворота», чтобы «страна получила власть, которую ей нужно... В этих предварительных переговорах и было намечено то правительство, которое явилось в результате переворота 27 февраля... мы не имели представления о том, как, в каких формах произойдет возможная перемена, но на всякий случай мы намечали такую возможность» (170, с. 350).

«Выходит на февраль» и японский исследователь К.Мацузато. Посвятивший свою работу изучению продовольственного кризиса, он прав в том отношении, что такой, казалось бы, на первый взгляд, «отдаленный» от столицы вопрос, как работа местных земств в сфере продовольственного дела, мог привести и привел к Февральской революции (87, с. 144—199; 314, с. 243—300).

Петроградские «хвосты» смертельно поразили самодержавие. И все же японскому профессору имело бы смысл связать свое исследование с общеэкономической обстановкой в России. Именно такой подход был у представителей земств и городов, намеревавшихся серьезно решать продовольственную проблему. В его работе указывается, что ЦК общественных организаций по продовольственному делу не был в состоянии создать даже свои исполнительные и местные органы (87, с. 158). Но это не совсем так, существовали и комитет, и правление ЦК ОО. И уже был предпринят ряд шагов по нормализации продовольственного дела (335. Оп. 1. Д. 18. Л. 6—8).

Значение работы К.Мацузато все-таки не в том, были или нет исполнительные и местные учреждения ЦК ОО, хотя и это важно, с точки зрения понимания истории общественных организаций, которые накануне революции потратили немало энергии, создавая свой ЦК ОО. Значение работы японского исследователя, как мне кажется, в другом. Взяв «периферийную» тему, частный по сути сюжет, он показывает, что земства своим местничеством, своим хлебно-железнодорожным эгоизмом привели к политическому инфаркту столицу империи, а с ней и все романовское государство. Так оно расплачивалось, неосмотрительно «купившись» на легкость и быстроту, с какой можно было мобилизовать местные ресурсы на военные нужды, расплачивалось потерей традиционного контроля над местным самоуправлением. Это самоуправление фактически получило «на откуп» часть важных государственных функций «по хлебу и транспорту». В условиях разрухи, дороговизны и продовольственного кризиса земства, не усмиримые властной государствен-

ной уздой, при недальновидной правительственной политике по закупке зерна, дали волю всегда дремавшим в них местническим инстинктам, используя свои новые полномочия, чтобы удержать хлеб «для себя» в пределах своей губернии¹ и используя железную дорогу прежде всего в «собственных видах». В результате — продовольственный тромб, так сказать, «продогенная (по аналогии с техногенной) катастрофа, приводящая к омертвлению всего государственного организма.

Что следует из сей «версии» истории Февраля японского автора? Самый подход к изучению темы — «политизация» локальной и вовсе не политической темы — заимствован у историков-«ревизионистов», впервые апробировавших его. Впрочем, К.Мацузато не только не делает из этого тайны, но и пишет, что со времени «ревизионистов» этот подход среди западных специалистов стал общепризнанным, классическим (87, с. 29).

Но этот подход К.Мацузато весьма выигрышный: он дает возможность отойти ему от традиционной трактовки истории Февраля, как, прежде всего, результата непосредственного столкновения общества и власти, впитавших в себя комплекс многих противоречий российской действительности. Его работа, «пионерская» по теме, подтверждает и усиливает ту новую тенденцию, которая так явственно обрисовалась в историографии — изучение процессов, сыгравших в истории России начала XX в. очень важную роль, но мимо которых прежде проходили исследователи. Так, отечественные ученые плодотворно исследуют конфликты в стане высшей бюрократии, столь ослаблявшие власть и во многом обусловившие ее крах в феврале 1917 г.

Но тема К.Мацузато требует широкого взгляда на Февраль и широты ее исследовательского охвата, — не только видение ее в широком контексте экономических, социальных, политических явлений в стране, но и в рамках ВЗС и других общественных организаций. По продовольственному вопросу у них было немало ценных наработок. Ведь существовали продовольственные отделы в главных комитетах, экономические советы, возглавляемые известными учеными, собирались совещания по продовольственному вопросу, на съезды выносились проблемы, в комплексе получившие тогда название «продовольственный кризис». В архивах ВЗС, ВСГ и других организаций сохранилось немало документов,

¹ К.А.Кривошеин подтверждает тот факт, что председатели земских управ данным им законом 17 февраля 1915 г. правом запрещать вывоз хлеба из губерний (109, с. 175) «стали злоупотреблять».

которые, возможно, скорректировали бы некоторые положения работы К. Маццато (например, о причинах обращения государства к земствам и делегирование им части своих полномочий) и позволили бы ему освободиться от некоторого дисбаланса, перепада «узкой» темы и глобальных обобщений.

Так, например, в архиве есть материалы, непосредственно связанные с темой работы К.Маццато. На исходе осени 1916 г. В.Г.Громан в одном из своих докладов говорил, что «продовольственный вопрос есть лишь часть общего вопроса о приспособленности народного хозяйства к требованиям войны». Поэтому продовольственный кризис может быть разрешен лишь совместно с разрешением вопроса об урегулировании других отраслей народного хозяйства. Общественные деятели прекрасно отдавали себе отчет в том, что для регулирования хозяйственной жизни должен быть создан центральный правительственный орган с преобладанием в составе коллегии представителей общественности в лице: Земгора, ЦК общественных организаций по продовольственному делу, Земско-го и Городского союзов, ВПК и их рабочих групп, кооперативных объединений, совета съездов биржевой торговли, сельскохозяйственных обществ. Местный орган должен быть построен по тому же типу. Он считал, что заготовка зерна, переработка его и распределение муки должны происходить при помощи общественных, промышленных и торговых организаций, действующих по указаниям центра и местных регулирующих органов (335. Оп. 1. Д. 18. Л. 39).

Рефреном повторяющаяся мысль в различных документах общественных организаций о необходимости участия демократических элементов в ЦК ОО и привлечение их для решения продовольственных проблем в существующие общественные организации имела не только и не столько политическую подоплеку, сколько устранение продовольственного кризиса. И в этом отношении абсолютно прав американский историк У.Розенберг, когда пишет, что к 1916 г. «призыв к демократизации коренился не просто в идеологических императивах политического либерализма или в моральных основах социальной демократии, но в широко распространенном убеждении, что практика участия, при соответствующих институционных формах и ограничениях, дает наилучшие возможности для преодоления экономического хаоса, социальных сдвигов и (в различных интерпретациях) военной катастрофы» (216).

Продовольственный вопрос действительно стоял в центре всей экономической и политической жизни страны, и страсти вокруг него

накалялись (см. 97). Разумеется, он был составной частью тех сложнейших проблем, которые сплелись в тугой узел противоречий, сделавшихся к началу 1917 г. неразрешимыми. Об этом свидетельствует множество документов того времени, исходящих и от руководителей общественных организаций, и от представителей власти.

29 октября 1916 г. Львов направил от имени ВЗС послание Родзянко о том, что страна переживает острое расстройство в области транспорта, производства предметов первой необходимости и продовольствия. В нем говорилось о том, что правительство не только бесцельно, но и преступно растрчивает людские и материальные ресурсы страны, и что главная опасность положения не вне, а внутри страны, что могучий патриотический подъем в стране в начале войны остался неиспользованным властью и «теперь правительство находится в нескрываемой, явной борьбе со всеми организованными общественными силами» (334. Оп. 1. Д. 11. Л. 23). О том, что правительство — это внутренний враг, который опаснее внешнего, говорил с трибуны Государственной думы и Коновалов.

Н.А.Маклаков тоже считал внутреннего врага опаснее внешнего. В письме Николаю II он писал: «Власть больше, чем когда-либо, должна быть сосредоточена, убеждена, скована единой целью восстановить государственный порядок, чего бы то ни стоило, и быть уверенной в победе над внутренним врагом, который давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего» (73, с. 192). Эта мысль рефреном повторялась во многих выступлениях правых.

Буквально накануне революции, в конце января 1917 г., лидеры общественных организаций считали, что давление союзников по Антанте на Николая II «есть последний шанс» добиться уступок от него и предотвратить революцию» (38, с. 157). В то время в России проходила межсоюзническая конференция. Делегация союзников приехала и в Москву. На пышной встрече, устроенной ей, лорд Мильнер отметил «поразительные достижения» Земсоюза, Земгора, ВПК, «положивших столько труда на достижение победы» (11, с. 246). Львов и Челюков с чувством глубокого отчаяния в душе пошли на то, чтобы «привлечь иностранцев в русские внутренние дела». На их частной встрече Львов рассказал о том развале, к которому привел Россию «государственный порядок, насаждаемый царем». Он считал, что в стране все есть — и продовольствие, и металл, но армия и страна находятся на грани голода. Правительство в каждой общественной организации видит крамолу и

всеми способами стремится затруднить их деятельность (38, с. 157). Львов представил союзникам меморандум, в котором утверждалось, что если не последует каких-либо изменений, то «через три недели произойдет революция». Львов не скрывал, что влияние союзнической миссии на царя с целью уступок общественности, сотрудничества с Государственной думой может быть «последним шансом, чтобы открыть глаза императору, пока еще не поздно». Аналогичная встреча этих лидеров двух крупнейших общественных организаций состоялась в Москве и с главой французской делегации Г.Думером (11, с. 244–245). Однако гора родила мышь, — эти визиты не повлияли на развитие событий в стране.

Конфронтация общества и власти разрешилась Февралем 1917 г. С.Ю.Витте в разговоре с будущим городским головой Петербурга гр. Толстым провидчески угадал ход событий, когда говорил, что революция может вспыхнуть в условиях войны и голода (261).

Руководство общественных организаций восприняло революцию с чувством большой тревоги. В архиве сохранился документ, датированный 28 февраля 1917 г. Он отразил состояние смятения, в котором пребывали лидеры общественных организаций. И все-таки они считали, что нужно найти в себе силы сформировать орган, который «мог бы входить в сношения со всеми и давать директивы. Такой центр должен быть в Москве и быть немногочисленным, и состоять из представителей Земского и Городского союзов, ВПК, московского земства, представителей рабочих и кооперативов и др.». Этому штабу следует занять самостоятельную позицию. Его нужно создать немедленно, так как события развиваются. Они полагали, что если кровь прольется в Петрограде, то она «должна быть искуплена решительной переменой и сменой власти». С заявлениями, однако, не спешили, и в этом отношении заняли, как они сами выражались, «выжидательное положение», так как «не известно в точности, что происходит, и чтобы не допустить действий, которые стояли бы в противоречии с действиями организованной власти» (335. Оп. 1. Д. 11. Л. 25–29).

Новая власть оказалась «своей», — председатель ЦВПК А.И.Гучков вместе с В.В.Шульгиным принимал отречение Николая II (68, 303) и стал военным министром, а главноуполномоченный ВЗС Г.Е.Львов возглавил Временное правительство.

Февраль, последний месяц зимы самодержавия, решив судьбу монархии, стал важной вехой в судьбе российского либерализма. Он круто повернул и деятельность союзов. «Новому государственному строю, ре-

волюции, союзы отдали себя целиком и без остатка, — писал Астров, — Земский союз отдал своего руководителя — вождя кн. Львова и своих виднейших работников. Союз городов отдал своих руководителей и работников органам новой власти. Целые отделы и комиссии полностью влились в органы новой государственной власти» (23, с. 2). Союзы способствовали ее созданию.

Общественные организации стали важной опорной базой Временного правительства и в государственном регулировании экономики. Военно-промышленные комитеты, Земский и Городской союзы не только освобождались от прежней казенной опеки, но и наделялись широкими полномочиями государственного характера.

Начиналась новая глава в истории общественных организаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение новой литературы по истории взаимоотношений власти и общественных организаций в годы Первой мировой войны позволяет сделать следующие выводы. Увеличение потока исследований по теме обзора связано с беспрецедентно возросшим за последнее десятилетие интересом ученых, особенно отечественных, ко всей проблематике войны.

Как для общего потока литературы свойственны существенные переоценки характера войны, ее причин и конкретного хода, степени влияния на последующие изменения социально-экономического и политического состояния страны, так и для этой конкретной темы знаменательно возникновение ее новых интерпретаций.

Впервые появились первопроходческие по трактовке проблем работы о земском и городском самоуправлении, в том числе монографические, причем заметно сближение исследовательских позиций отечественных и зарубежных ученых. Наряду с отказом от многих ранее довлевших стереотипов, в литературе сохранилась преемственность исследований, — использование творческих достижений прежней историографии. Оживилась работа региональных историков, написан ряд кандидатских и докторских диссертаций. Особый интерес проявляется к историографии в свете переосмысления многих проблем истории России начала XX столетия и поисков новой методологии. Значительно расширилась источниковая база исследований. Ныне широко издаются и переиздаются мемуары общественных деятелей, документы и материалы, отражающие многие аспекты взаимоотношений власти и общественных

организаций. Прорыв в новейшей историографии — глубокое изучение состояния системы управления страной, конфликтов в среде высшей бюрократии, достигших в годы войны своего пика и во многом обусловивших слабость государственной власти. Впервые в литературе подчеркнуто сотрудничество власти и общества в годы войны и принят тезис о патриотическом подъеме в ее начале. Но вместе с тем появляются порой и работы недостаточно зрелые, и даже, хотя редко, как «экзотика», «труды» вчерашнего дня.

Настоящий обзор написан на основе этой изменяющейся историографии. В нем показан весь «жизненный цикл» взаимоотношений общественных организаций — от «единения» и сотрудничества до борьбы и конфронтации. «Единение» было «чистым» — на волне патриотического воодушевления. Но оно изначально таило в себе семена грядущей борьбы и конфронтации власти и общества. Слишком по-разному понималось «единение» создателями союзов и «исторической властью», «высочайшим соизволением» давшей этим организациям путевку в жизнь. Несмотря на патриотическую эйфорию, власть строго блюла свои жизненные принципы с первого дня существования общественных организаций: срок их деятельности был отмерен временем войны, которая, как тогда всем казалось, будет весьма короткой. И самой работе организаций ставились узкие пределы: только помощь больным и раненым воинам и только в тылу. Власть «открывала» Земский и Городской союзы не без меркантильных соображений: использовать их возможности, чтобы закрыть бреши в собственном хозяйстве. Смелость, с которой она одобрила инициативу создания союзов, объясняется и тем, что весь предшествующий опыт ее общения с местными самоуправлениями был на ее стороне, — она всегда держала их под контролем. Кроме того, она поверила в искренность общественности, заявившей, что откладывает счета с властью до конца войны. Это была большая иллюзия власти, уже потому, что сама она считала себя свободной от всяких обязательств, а призыв царя к единению, прозвучавший в манифесте 20 июля 1914 г., был, в сущности, лишь призывом к смирению верноподданных. «Единение» с высоты престола виделось как забвение прошлого лишь со стороны общества.

Со своей стороны и деятели союзов, искренне желавшие полного единения с властью, впали в иллюзию, полагая, что власть на период войны прекратит свою борьбу с обществом, даст ему возможность нестесненной работы для армии, для победы. Но у них была и затаенная

мысль: возникшие союзы вывести на более широкое поле деятельности, чем только помощь раненым, и сохранить эти организации и в послевоенное время, придав им гражданское назначение. Это была хотя и умозрительная самодеятельность, но уже нарушение царского табу. Так, за флером патриотизма угадывался уже потенциальный конфликт.

То несомненное и благотворное для армии деловое, практическое сотрудничество власти и общественных организаций, начавшееся летом 1914 г., продолжалось до февраля 1917 г. — в Особых совещаниях, различных контактах с представителями правительства и Ставки и т.д. В это сотрудничество внесли свою значительную лепту возникшие летом 1915 г. Земгор и ВПК.

Общественные организации способствовали тому, что российская армия, выдержав три года тяжелейшей войны и не раз выручив союзников по Антанте из серьезных ситуаций, внесла свой существенный вклад в их победу.

И сами они развились, стали самыми мощными общественными организациями в стране, с многомиллионными бюджетами, многотысячным составом служащих, четкими организационными структурами в тылу и на фронте.

Но сотрудничество власти и общества, будучи почти безоблачным на первом этапе войны, все более омрачалось тяжелыми поражениями на фронте, ростом тягот военного времени, разрухой, дороговизной, продовольственным кризисом. Разногласия власти и общественных организаций и по конкретным, практическим вопросам, и вопросам политическим приобретали все более острый характер, обусловив полную трансформацию их политических взаимоотношений, вплоть до запрета властью съездов организаций и ее стремления свернуть их практическую деятельность. Общественные же организации эволюционировали в своей оппозиционности до требования об «ответственном министерстве».

Пожалуй, никто из лидеров общественных организаций не смог столь рельефно и точно выразить драматическую историю взаимоотношений власти и общества в 1914—1917 гг., как это сделал лидер Союза городов Н.И.Астров. Находясь уже в эмиграции, он писал: «Путь, который прошла русская общественность во время войны в своем отношении к власти: от самого горячего стремления поддержать ее, слиться с ней в одном напряжении, в одном усилии для успешного ведения войны, — до признания, что власть изжила себя, находится в агонии, а страна в состоянии безвластия».

Оглядываясь назад, припоминая настроения и психологию того времени, Н.И.Астров утверждал, что трагедия общественных организаций была в том, что «они оказались вынужденными одновременно и помогать власти, и бороться с нею, и то, и другое ради достижения главной и покрывающей все цели — ради доведения войны до благополучного конца».

Мучительно размышляя над тем, можно ли было в условиях того времени «безоговорочно и молчаливо идти за властью, изживавшей и изжившей себя? Можно ли было тогда перейти на путь прямого действия и совершить “перепряжку во время переправы”, “сменить шофера”... на крутом спуске?», Астров приходил к ответу: «В тех условиях, которые мы переживали тогда, ни того, ни другого осуществить было нельзя. В этом и была трагедия русской общественности» (332. Д. 16. Л. 32).

Список литературы

1. Абдурахманов И.В. Образ власти в феврале — октябре 1917 года // Россия в XX веке. Реформы и революция. — М., 2002. — Т. 1.— С. 314—324.
2. Абрамов В.Ф. Земское самоуправление России: Постановка проблемы, источники и изученность вопроса // Acta Slavica Japonica. — Sapporo, 1995. — Т. XIII (415). — С. 83—97.
3. Абрамов В.Ф. Земства в России (1905 — февраль 1917): Опыт организационной и культурно-хозяйственной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 1998. — 50 с.
4. Абрамов В.Ф. Объединение российских земств // Земский феномен: Политологический подход. — Саппоро, 2001. — С. 100—143.
5. Абрамов В.Ф. Российское земство: Экономика, финансы и культура. — М., 1996. — 166 с.
6. Аврех А.Я. Масоны и революция. — М., 1990. — 350 с.
7. Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. — М., 1986. — 287 с.
8. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. — М., 1989. — 251 с.
9. Акимова Г.С. Российская буржуазия в годы Первой мировой войны: Деятельность Земгора // Вопр. истории. — М., 1974. — № 10. — С. 67—80.
10. Акимова Г.С. Главный по снабжению армии комитет (Земгор): Орг. деятельность. 1915—1918 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1973. — 24 с.
11. Алексеева И.В. Агония Сердечного согласия: Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914—1917. — Л., 1990. — 318 с.

12. Альтов В.Ю., Серов А.В. Нижегородские рабочие и буржуазные военно-промышленные комитеты // Буржуазия и рабочие России во второй пол. XIX – начале XX века. – Иваново, 1994. – С. 54–57.
13. Ананьич Б.В. Российская буржуазия на пути к «культурному капитализму» // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. коллоквиума. – СПб., 1999. – С. 102–111.
14. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Кризис власти в России. Реформы и революционный процесс // Реформы или революция? Россия 1861–1917: Материалы междунар. коллоквиума историков. – СПб., 1992. – С. 7–18.
15. Анатомия революции. 1917 год в России: Массы, партии, власть. – СПб., 1994. – 443 с.
16. Андреева Л.М. К вопросу о деятельности Земского союза Пермской губернии: Вторая пол. 1914 – сер. 1919 гг. // Прикамье, век XX. – Пермь, 1997. – С. 39–41.
17. Андроников М.М. «Успокоения нечего ожидать»: Письма князя М.М. Андроникова Николаю II, Александре Федоровне, А.А. Вырубовой и В.Н. Восейкову // Источник. Документы русской истории. – М., 1999. – № 1 (36). – С. 24–44.
18. Аракелова М.П., Костюченко И.Ю. Кадеты и Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой войны // Россия в Первой мировой войне: Труды межвуз. науч. конф. 4–5 окт. 1994. – Рязань, 1994. – С. 27–29.
19. Асташов А.Б. Деструктивное поведение солдат русской армии в Первой мировой войне как фактор утраты целостности России // Россия в Новое время: Единство и многообразие в историческом развитии: Материалы Рос. межвуз. науч. конф. 28–29 апр. 2000 г. – М., 2000. – С. 102–105.
20. Асташов А.Б. Союзы земств и городов и помощь раненым в Первую мировую войну // Отечественная история. – М., 1992. – № 6. – С. 169–172.
21. Астров Н.И. Воспоминания. – М., 2000. – 173 с.
22. Астров Н.И. Всероссийский союз городов и русская революция // Реформа местного самоуправления и национальная безопасность России. Ч. 4: Развитие местного самоуправления и проблемы укрепления российской государственности: Материалы науч.-практич. конференции, организованной Моск. экономико-правовым институтом 16–17 мая 2003 г. – М., 2003. – С. 42–63.
23. Астров Н.И. Доклад Главного комитета Всероссийского союза городов об организации Союза. – М., 1917. – 7 с.
24. Барина Е. Власть и поместное дворянство России начала XX в. – Самара, 2002. – 364 с.
25. Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. – М., 2000. – 263 с.

26. Беляев С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России 1914–1917. – СПб., 2002. – 619 с.
27. Беляев С.Г. Государственный бюджет России в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям. Из истории втор. пол. XIX – нач. XX в.: Материалы конф., посвященной памяти В.С.Дякина. – СПб.; Кишинев, 2001. – С. 299–310.
28. Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. – Харьков; М., 1997. – 400 с.
29. Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. – М., 1991. – 446 с.
30. Бородин А.П. Государственный совет России. 1906–1917. – Киров, 1999. – 368 с.
31. Боханов А.Н. Государство и власть // Россия в начале XX века. Исследования. – М., 2002. – С. 271–315.
32. Брусилов А.А. Мои воспоминания. – М., 1983. – 256 с.
33. Булгакова Л.А. Привилегированные бедняки: Помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям. Из истории втор. пол. XIX – нач. XX в.: Материалы конф., посвященной памяти В.С.Дякина. – СПб.; Кишинев, 2001. – С. 429–494.
34. Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. – М., 1967. – 406 с.
35. Буржуазия накануне Февральской революции. – М.; Л., 1927. – 204 с.
36. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. – М., 1992. – 342 с.
37. Верещагин А.Н. Земский вопрос в России. – М., 2002. – 190 с.
38. Верховский А.И. На трудном перевале. – М., 1959. – 448 с.
39. Вестник Всероссийского союза городов. – М., 1917.
40. Виноградов В.Н. Еще раз о новых подходах к истории Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – М., 1995. – № 5. – С. 62–72.
41. Вишневецки Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. – М., 1994. – 192 с.
42. Вишняк М.В. Дань прошлому. – Нью-Йорк, 1954. – 232 с.
43. Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия. – М., 1993. – 160 с.
44. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. – М., 1995. – 400 с.
45. Власть и реформы. От самодержавия к советской России. – СПб., 1996. – 801 с.
46. Власть и реформы в России: Материалы «круглого стола», посвященного обсуждению коллективной монографии петербургских историков // Отечественная история. – М., 1998. – № 2. – С. 3–36.
47. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. – М., 2002. – 509 с.

48. Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. — М., 1962. — 386 с.
49. Воронкова С.В. Материалы Особого совещания по обороне государства: Источниково-ведческое исследование. — М., 1975. — 189 с.
50. Всероссийский Союз городов: Журнал 2-го съезда представителей ВСГ. — М., 1915. — 175 с.
51. Всероссийский Союз городов: Журнал 3-го съезда. — М., 1915. — 215 с.
52. Всероссийский Союз городов: Состав главных и местных комитетов. — М., 1916. — 205 с.
53. Галкин П.В. Московское земство (1905–1916): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1998. — 37 с.
54. Ганелин Р.Ш., Нардова В.А. Первая мировая война и петроградская оппозиционность // Феномен Петербурга: Труды Междунар. конф., состоявшейся 3–5 ноября 1999 г. во Всерос. музее им. А.С.Пушкина. — СПб., 2000. — С. 189–208.
55. Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. В.С.Дякин о некоторых вопросах государственного управления в России. 1914–1915 гг. // На пути к революционным потрясениям. Из истории втор. пол. XIX — нач. XX в.: Материалы конф., посвященной памяти В.С.Дякина. — СПб.; Кишинев, 2001. — С. 51–80.
56. Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. На пути к летнему политическому кризису 1915 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков: Сб. статей памяти В.С.Дякина и Ю.Б.Соловьева. — СПб., 1999. — С. 474–496.
57. Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. От И.Л.Горемыкина к Б.В.Штюрмеру: Верховная власть и Совет министров (сент. 1915 — янв. 1916 гг.) // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. коллоквиума. — СПб., 1999. — С. 34–98.
58. Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. Российская государственность и Первая мировая война // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: От новых источников к новому осмыслению. — М., 1997. — С. 7–37.
59. Гвоздещина в документах. — Казань, 1929. — 240 с.
60. Гетрелл П. Беженцы и проблемы пола во время Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. коллоквиума. — СПб., 1999. — С. 112–128.
61. Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. — М., 1990. — 348 с.
62. Герасименко Г.А. Земство в русской революции 1917 года // Россия в XX веке: Реформы и революции. — М., 2002. — Т. 1. — С. 284–299.
63. Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания. — М., 2001. — 400 с.
64. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. — Жуковский; Москва, 2001. — 438 с.

65. Государственная дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия IV. — Пг., 1916. — Стб. 47–95.
66. Граве Б.В. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны, июль 1914 — февр. 1917 г.: Пролетариат и буржуазия. — М.; Л., 1926. — 414 с.
67. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. — М., 2000. — 810 с.
68. Гучков А.И. Александр Иванович Гучков рассказывает. Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. — М., 1993. — 141 с.
69. Гучков А.И. Речи по вопросам государственной обороны и общей политики. 1908–1917 гг. — Пг., 1917. — 130 с.
70. Данилов Ю.Н. На пути к крушению. — М., 1992. — 257 с.
71. Даниэл Р. Революция, обновление и парадоксы России в XX веке // Россия на рубеже XXI века. Оглядываясь на век минувший. — М., 2000. — С. 91–111.
72. Джунковский В.Ф. Воспоминания: В 2 т. — М., 1997. — Т. 1. — 736 с.; Т. 2. — 688 с.
73. Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. — Минск, 2003. — 368 с.
74. Дневники императора Николая II. — М., 1991. — 736 с.
75. Доклады М.В. Родзянко Николаю II // Ист. записки. — М., 1965. — Т. 75. — С. 306–321.
76. Думова Н.Г. Кадетская партия в период мировой войны и Февральской революции (1914–1917). — М., 1988. — 246 с.
77. Дьяконова И.А. Сепаратные контакты царской России и кайзеровской Германии в Первую мировую войну // Вопр. истории. — М., 1984. — № 8. — С. 80–93.
78. Дьячков В.Л., Протасов Л.Г. Великая война и общественное сознание: Превратности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. colloquiuma. — СПб., 1999. — С. 58–67.
79. Дьякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). — Л., 1967. — 373 с.
80. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. — М., 1997. — 357 с.
81. Журнал совещания представителей местных по снабжению армии комитетов Московского района, 31 марта и 1 апреля 1916 г. — М., 1916. — 25 с.
82. Журналы собраний уполномоченных губернских земств в Москве 12–14 марта 1916. — М., 1916. — 117 с.
83. Загряцков М. К вопросу об юридической природе Всероссийского земского союза. — М., 1916. — 24 с.

84. Загряцков М.Д. Всероссийский Земский союз: Общие принципы организации и юридическая природа. – Пг., 1915. – 29 с.
85. Захаров А.А. Деятельность Московского областного военно-промышленного комитета в годы Первой мировой войны (1915–1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Орлов. гос. ун-т. – Орел, 1998. – 19 с.
86. Земгор: Полтора года работы Главного по снабжению армии комитета Всероссийского Земского и Городского союзов, июль 1915 – февр. 1917 г. – М., 1917. – 23 с.
87. Земский феномен: Политологический подход. – Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido Univ., 2001. – 200 p.
88. Иванов А. Это начиналось так // Страницы минувшего. – М., 1991. – С. 70–86.
89. Иванова Н.А. Города России // Россия в начале XX века. Исследования. – М., 2002. – С. 111–136.
90. Известия ВСГ. – М., 1915–1917.
91. Измозик В.С. К вопросу о политических настроениях русского общества в канун 1917 г.: По материалам перлюстрации // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. colloquiuma. – СПб., 1999. – С. 160–170.
92. Кабытова Н.Н. Власть и общество в Российской провинции в революции 1917 г. – Самара, 2002. – 324 с.
93. Кадеты в дни Галицийского разгрома 1915 г. // Красный архив. – М.; Л., 1933. – Т. 4. – С. 110–144.
94. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. – М., 1991. – 384 с.
95. Керсновский А.А. Мировая война – упущенная возможность: К 80-летию Первой мировой войны // Москва. – М., 1993. – № 10. – С. 193–209.
96. Киган Д. Первая мировая война. – М., 2002. – 576 с.
97. Китанина Т.М. Война, хлеб и революция: Продовольственный вопрос в России. 1914 – окт. 1917 г. – Л., 1985. – 384 с.
98. Кишкин Н.М. Фронтная работа Союза городов летом 1916 г. – М., 1917. – 7 с.
99. Ковалева А.С. О взаимоотношениях между русской либеральной буржуазной оппозицией и правительством в ходе Первой мировой войны // Первая мировая война: История и психология: Материалы Российской науч. конф., Санкт–Петербург, 23–30 ноября 1999 г. – СПб., 1999. – С. 101–108.
100. Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – М., 2001. – № 3. – С. 3–27.
101. Козлова К.В., Старцев В.И. Николай Виссарионович Некрасов – радикальный политик // Из глубины времен. – СПб., 1996. – № 7. – С. 79–100.
102. Конец российской монархии. А.Д. Бубнов. В царской ставке; Ю.Н. Данилов. На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. – М., 2002. – 415 с.

103. Корелин А.П. Облик и импульсы власти // Россия в начале XX века. – М., 2002. – С. 520–541.
104. Косулина Л.Г., Ляшенко Л.М. История России. Ч. II: Расцвет и закат Российской империи (XIX–XX вв.). – М., 1994. – 240 с.
105. Котеленец Е.А. Проблема власти в условиях двух российских революций (февр. 1917 – март 1918 гг.) и переходного периода (1985–1993 гг.) // Личность, общество и власть в истории России: Системный компаративный анализ: Материалы Третьей междунар. конф. – М., 1998. – С. 183–188.
106. Котляревский С.А. Всероссийский Земский союз // Русская мысль. – М.; Пг., 1916. – Кн. 3. – С. 39–43.
107. Краткий очерк деятельности контрольного отдела при Главном комитете Всероссийского союза городов. К 1 марта 1916 года. – М., 1916. – 45 с.
108. Кривошеин А.В. и общественные деятели в годы Первой мировой войны: Письма А.И.Гучкова, А.Д.Протопопова, П.Б.Струве // Русское прошлое. – СПб., 1994. – Кн. 5. – С. 40–61.
109. Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. – М., 1993. – 263 с.
110. Кризис самодержавия в России, 1895 – 1917. – Л., 1984. – 606 с.
111. Кручковская В.М. Центральная городская дума Петрограда в 1917 г. – Л., 1986. – 237 с.
112. Кувшинов В.А. Платформа умеренного консервативного либерализма по вопросу государственного устройства России // Личность, общество и власть в истории России: Системный компаративный анализ: Материалы Третьей междунар. конф. – М., 1998. – С. 320–324.
113. Куликов В.В. Земские учреждения и правительственный контроль: Вторая пол. XIX – нач. XX в. – М., 2001. – 256 с.
114. Куликов С.В. Высшая бюрократия России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февр. 1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / РАН. С.– Петерб. фил. Ин-та рос. истории. – СПб., 1999. – 23 с.
115. Куликов С.В. «Министерская чехарда» в России в период Первой мировой войны: Хроника событий (июль 1914 – февраль 1917) // Из глубины времен. – СПб., 1994. – № 3. – С. 42–57.
116. Куликов С.В. Правительственный либерализм и образование прогрессивного блока // На пути к революционным потрясениям. Из истории втор. пол. XIX – нач. XX в.: Материалы конф., посвященной памяти В.С. Дякина. – СПб.; Кишинев, 2001. – С. 263–299.

117. Куликова О.Ю., Куликов Ю.Н. Настроения русской армии и тыла в Первой мировой войне // Первая мировая война. История и психология: Материалы Рос. науч. конф., Санкт-Петербург, 23–30 ноября 1999. – СПб., 1999. – С. 58–68.
118. Кумар Халдер А. Либеральная оппозиция к власти в XIX – нач. XX вв. // Личность, общество и власть в истории России: Системный компаративный анализ: Материалы Третьей междунар. конф. – М., 1998. – С. 259–263.
119. Курлов П.Г. Гибель императорской России. – М., 1991. – 255 с.
120. Курцев А.Н. Беженство // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. colloquium. – СПб., 1999. – С. 129–146.
121. Лаверычев В.Я. По ту сторону баррикад: Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. – М., 1967. – 288 с.
122. Лаптева Л.Е. Земские учреждения в России. – М., 1993. – 133 с.
123. Лаптева Л.Е., Шутов А.Ю. Из истории земского, городского и сословного самоуправления в России. – М., 1999. – 321 с.
124. Лейберов И.П. Патриотические настроения, их проявление и участие в годы Первой мировой войны // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX– XX веков: Сб. статей памяти В.С.Дякина и Ю.Б.Соловьева. – СПб., 1999. – С. 497–501.
125. Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. – Минск, 2003. – 1914–1915. – 448 с.; 1916. – 672 с.
126. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М., 1958–1964. – Т.1–55.
127. Лиферов Р.А. Организация медицинской помощи в русской армии в период Первой мировой войны // Россия в Первой мировой войне: Тезисы междууз. науч. конф., 4–5 окт. 1994. – Рязань, 1994. – С. 101–104.
128. Личность и власть в истории России: Материалы науч. конф. – СПб., 1997. – 289 с.
129. Личность, общество и власть в России: Системный компаративный анализ: Материалы Третьей международной конференции. – М., 1998. – 285 с.
130. Личный состав учреждений Всероссийского Земского союза (на 1 ноября 1916 г.). – М., 1916. – 120 с.
131. Лоскутов С.А. Борьба политических партий в рабочих группах военно-промышленных комитетов в годы Первой мировой войны // Вестн. Челябин. ун-та. Сер. 1. История. – Челябинск, 1993. – № 2. – С. 28–41.
132. Лоскутов С.А. Политические партии торгово-промышленной буржуазии на Урале (1905–1916 гг.). – Челябинск, 1996. – 184 с.
133. Лоскутов С.А. Политические партии торгово-промышленной буржуазии на Урале: Взаимоотношения с властью и обществом (1905 – февраль 1917 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 1998. – 35 с.

134. Лукоянов И.В. Камарилья // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. colloквиума. – СПб., 1999. – С. 230–239.
135. Львов Г.Е. Воспоминания. – М., 2002. – 376 с.
136. Макаров С.В. Совет министров Российской империи. 1857–1917: Государственно-правовые проблемы. – СПб., 2000. – 136 с.
137. Маклаков В.А. Из воспоминаний. – Нью-Йорк, 1954. – 411с.
138. Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России: Воспоминания современника: В 3 ч. – Париж, [1936]. – Ч. I. – 246 с; Ч. II. – С. 247–402; Ч. III. – С. 403–610.
139. Малиа М. Краткий XX век // Россия на рубеже XX века. Оглядываясь на век минувший. – М., 2000. – С. 119–131.
140. Мальков В. Традиции и новаторство // World War I and the XX Century: Acts of the International Conference of Historians, Moscow, 24–26 May, 1994. – Moscow, 1995. – P. 21–25.
141. Мальшева С.Ю. Временное правительство России: Совр. отеч. историография. – Казань, 2000. – 208 с.
142. Маниковский Д.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. – М., 2000. – 718 с.
143. Мартов Л. Против войны: Сб. статей, 1914–1916 гг. – М., 1917. – 76 с.
144. Мацузато К. Земство во время Первой мировой войны: Межрегиональные конфликты и падение царизма // Земский феномен: Политологический подход. – Саппоро, 2001. – С. 144–199.
145. Мацузато К. Продразверстка А.А.Риттиха // Acta Slavica Japonica. – Sapporo, 1995. – Т. XIII. – P. 167–183.
146. Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. – М., 2003. – 528 с.
147. Милоков П.Н. Воспоминания. – М., 1990. – Т. 2 (1859–1917). – 446 с.
148. Мировые войны XX века. – М., 2002. – Кн. I: Первая мировая война. – 686 с.
149. Моррисон С. Между патриотизмом и радикализмом: Петроградские студенты в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. colloквиума. – СПб., 1999. – С. 288–302.
150. Мосейкина М.Н. Российские либералы в первом составе Временного правительства: Опыт организации власти // Личность, общество и власть в истории России: Системный компаративный анализ: Материалы Третьей междунар. конф. – М., 1998. – С. 328–334.
151. На пути к революционным потрясениям. Из истории втор. пол. XIX – нач. XX в.: Материалы конф., посвященной памяти В.С. Дякина. – СПб.; Кишинев, 2001. – 496 с.

152. Нардова В.А. К вопросу о реформе Городового положения (1905–1916) // На пути к революционным потрясениям. Из истории втор. пол. XIX – нач. XX в.: Материалы конф., посвященной памяти В.С.Дякина. – СПб.; Кишинев, 2001. – с.151–167.
153. Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – нач. XX в. – СПб., 1994. – 158 с.
154. Нелипович С. В поисках «внутреннего врага». Депортационная политика России (1914–1917) // Первая мировая война и участие в ней России (1914–1918): Материалы науч. конференции. – М., 1997. – Ч. I. – С. 51–64.
155. Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: Очерки истории. – Рязань, 2002. – 301 с.
156. Николаев А.Б., Поливанов О.А. Парламентская элита России в 1912–1917 гг. // Из глубины времен. – СПб., 1994. – № 3. – С. 57–66.
157. Николай II: Воспоминания. Дневники. – СПб., 1994. – 560 с.
158. Носков В.В. «Война, в которую мы верим»: Начало Первой мировой войны в восприятии духовной элиты России // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. коллоквиума. – СПб., 1999. – С. 326–339.
159. Носков В.В. Первая мировая война и русская философия истории // Проблемы всемирной истории: Сб. в честь А.А.Фурсенко. – СПб., 2000. – С. 82–92.
160. Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. – Париж, 1988. – 754 с.
161. Оболенский А.В. Человек и власть: Перекрестки российской истории. – М., 2002. – 416 с.
162. Общество и власть. Российская провинция. 1917 – сер. 1930 гг. – М., 2002. – Т. 1. – 640 с.
163. Объединенное дворянство: Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916: В 3 т. / Т. 3. 1913–1916 гг. – М., 2002. – 912 с.
164. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. – СПб., 1991. – 644 с.
165. Орловски Д. Великая война и российская память // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. коллоквиума. – СПб., 1999. – С. 49–57.
166. Островский А.В. Элита российского общества конца XIX – нач. XX в.: Некоторые проблемы истории и историографии // Из глубины времен. – М., 1994. – № 3. – С. 8–20.
167. Очерк деятельности Всероссийского Земского союза за границей. Апр. 1920 – янв. 1922. – София, 1992. – 15 с.
168. Очерк деятельности Всероссийского Союза городов. 1914–1915. – М., 1916. – 19 с.
169. Очерк деятельности Петроградской областной организации Всероссийского Союза городов за первый год войны. – Пг., 1916. – 343 с.

170. Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. — Л., 1924—1927. — Т. 1—7.
171. Пайпс Р. Мое прощание с XX столетием // Россия на рубеже XXI века. Оглядываясь на век минувший. — М., 2000. — С. 172—183.
172. Пайпс Р. Русская революция. — М., 1994. — 398 с.
173. Пайпс Р. Струве: Правый либерал. 1905—1944. — М., 2001. — Т. 2. — 680 с.
174. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. — М., 1991. — 238 с.
175. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. — М., 1991. — 494 с.
176. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы. 1906—1916 г. — М., 2002. — 528 с.
177. Первая мировая война 1914—1918. — М., 1968. — 375 с.
178. Первая мировая война 1914—1918 гг. // Родина. — М., 1993. — № 8—9.
179. Первая мировая война и ее воздействие на историю XX века: «Круглый стол» // Новая и новейшая история. — М., 1994. — № 4—5. — С. 109—131.
180. Первая мировая война и участие в ней России (1914—1918): Материалы науч. конф. — М., 1997. — Ч. I. — 80 с.
181. Первая мировая война и участие в ней России (1914—1918): Материалы науч. конф. — М., 1997. — Ч. II. — 80 с.
182. Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории. — М., 1994. — 304 с.
183. Первая мировая война: Пролог XX века. — М., 1998. — 700 с.
184. Переписка Николая II и Александры Романовых. — М.; Л., 1923—1927. — Т. 3/5. — 235 с.
185. Петров Ю.А. Династия Рябушинских. — М., 1997. — 198 с.
186. Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: Предпринимательство и политика. — М., 2002. — 440 с.
187. Писаренко Э.Е. А.Д. Цюрупа в годы войны и революции // 1917 год в судьбах России и мира. Окт. революция: От новых источников к новому осмыслению. — М., 1998. — С. 283—296.
188. Писарькова Л.Ф. Московская городская дума, 1863—1917. — М., 1998. — 467 с.
189. Погребинский А.П. Военно-промышленные комитеты // Ист. зап. — М., 1941. — № 11. — С. 160—200.
190. Погребинский А.П. К истории земств и городов в годы империалистической войны // Ист. зап. — М., 1941. — № 12. — С. 39—60.
191. Поливанов А.А. Девять месяцев во главе военного министерства (13 июня 1915 г. — 13 марта 1916 г.) // Вопр. истории. — М., 1994. — № 3. — С. 153—165.
192. Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907—1916 гг. — М., 1924. — Т. I. — 240 с.

193. Политические партии и общество в России. 1914–1917 гг. – М., 2000. – 325 с.
194. Политические партии России: История и современность. – М., 2000. – 631 с.
195. Полнер Т.И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. – М., 2001. – 460 с.
196. Портнягина Н.А. Проблема «власти» в работах С.Н. Булгакова // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та; Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. – 1994. – Вып. 4 (№ 23). – С. 19–23.
197. Португальский Р.М., Рунов В.А. Верховные главнокомандующие Отечества. – М., 2001. – 575 с.
198. Посадский А.В. Всеобщая мобилизация русской армии в 1914 году и крестьянство (по материалам Саратовской губ.) // Россия в XX веке. – М., 2002. – Т. 1. – С. 529–542.
199. Послесловие редакции // Киган Дж. Первая мировая война. – М., 2002. – С. 570–572.
200. Постзападная цивилизация. Либерализм: Прошлое, настоящее и будущее. – М., 2002. – 216 с.
201. Правые партии: Документы и материалы: В 2 т. – М., 1998. – Т. 2: 1911–1917 гг. – 816 с.
202. Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков: Сб. статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. – СПб., 1999. – 574 с.
203. Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. – М.; Л., 1932. – Т. 1/2. – С. 117–160; Т. 3. – С. 143–196; 1933. – Т. 1/2. – С. 80–135.
204. Продовольственное положение городов в январе 1917 г.: По данным экспедиционного обследования Всероссийского Союза городов. – М., 1917. – 20 с.
205. Пронин А.В. Идя навстречу пожеланиям Франции: Сражение в Восточной Пруссии в 1914 году по материалам германского рейхсархива // Военно-исторический журнал. – М., 1994. – № 7. – С. 47–58.
206. Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп Конституционно-демократической партии, 1905 – сер. 1930-х гг.: В 6 т. – М., 1998. – Т. 3: Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии, 1915–1920 гг. – 1997. – 590 с.; – Т.2.: Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии, 1912–1914 гг. – 1997. – 587 с.
207. Пушкарева И.М. Князь Георгий Евгеньевич Львов // Исторические силуэты. – М., 1991. – С. 153–194.
208. Пушкарева И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. – М., 1982. – 320 с.

209. Пушкарева И.М. Февральская революция 1917 года в России: Проблемы историографии 90-х годов XX века // Россия в XX веке. Реформы и революции. – М., 2002. – Т. 1. – С. 241–266.
210. Рабинович А. Кровавые дни: Июльское восстание 1917 года в Петрограде. – М., 1992. – 271 с.
211. Рагозин Н.П. Понятие власти в русском либерализме второй пол. XIX – нач. XX века: Критический анализ: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1987. – 17 с.
212. Раскин Д.И. Специализация высшей российской бюрократии XIX – нач. XX в.: Образование, профессиональный опыт, продвижение по службе // Из глубины времен. – СПб., 1994. – № 3. – С. 29–42.
213. Редигер А. История моей жизни: В 2 т. – М., 1999. – Т. 2. – 528 с.
214. Реформы или революция? Россия 1861–1917. – СПб., 1992. – 394 с.
215. Родзянко М.В. Крушение империи. – Харьков, 1990. – 263 с.
216. Розенберг У. Регулирующее государство и проявления «функциональной легитимности» на закате старого режима // На пути к революционным потрясениям. Из истории втор. пол. XIX – нач. XX в.: Материалы конф., посвященной памяти В.С. Дякина. – СПб.; Кишинев, 2001. – С. 205– 232.
217. Россия в XX веке: Реформы и революции. – Т.1. – М., 2002. – 658 с.
218. Россия в XIX–XX вв.: Сб. статей к 70-летию со дня рождения Р.Ш.Ганелина. – СПб., 1998. – 389 с.
219. Россия в начале XX века. Исследования. – М., 2002. – 744 с.
220. Россия в Новое время: Единство и многообразие в историческом развитии: Материалы Рос. межвуз. науч. конф., 28–29 апр. 2000 г. – М., 2000. – 155 с.
221. Россия в Первой мировой войне: Тезисы межвуз. науч. конф. 4–5 окт. 1994 г. – Рязань, 1994. – 193 с.
222. Россия и мировая цивилизация: К 70-летию ч.-кор. РАН А.Н. Сахарова. – М., 2000. – 642 с.
223. Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. colloквиума. – СПб., 1999. – 563 с.
224. Россия на рубеже XXI века. Оглядываясь на век минувший. – М., 2000. – 343 с.
225. Россия на рубеже веков: Исторические портреты. – М., 1991. – 380 с.
226. Россия: Государственные приоритеты и национальные процессы. – М., 2000. – 399 с.
227. Ростоунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны. – М., 1976. – 387 с.
228. Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы: Материалы междунар. науч. конф., Москва, 27–29 мая 1998. – М., 1999. – 567 с.
229. Рыбка О.Ю. Государственная дума в системе власти в начале XX столетия. – М., 2000. – 437 с.

230. Савич Н.В. Воспоминания. — СПб.; Дюссельдорф, 1993. — 491 с.
231. Сазонов С.Д. Воспоминания. — М., 1991. — 400 с.
232. Самойло А. Две жизни. — М., 1958. — 276 с.
233. Санторн Д. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: Новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. коллоквиума. — СПб., 1999. — С. 202–229.
234. Свод резолюций, принятых на IV Съезде представителей Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам. 12–14 марта 1916 года. — М., 1916. — 32 с.
235. Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России. — М., 1999. — 286 с.
236. Селецкий В.Н. Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. — М., 1996.—364 с.
237. Семенников В.П. Политика Романовых накануне революции. — М.; Л., 1926. — 247 с.
238. Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. — М., 1996. — 263 с.
239. Сениявская Е.С. Войны XX века как фактор историко-психологического развития российской цивилизации // Россия и мировая цивилизация: К 70-летию ч.-кор. РАН А.Н.Сахарова. — М., 2000. — С. 365–376.
240. Сениявская Е.С. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Вопр. истории. — М., 1997. — № 3. — С. 140–145.
241. Сергеев Е.Ю. Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. — М., 1996. — № 4. — С. 65–78.
242. Сергеева С.Л. Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. — М., 1996. — 141 с.
243. Слонимский А.Г. Катастрофа русского либерализма: Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 г. — Душанбе, 1975. — 320 с.
244. Смирнов Н.Н. Война и российская интеллигенция // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. коллоквиума. — СПб., 1999. — С. 257–270.
245. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Бумаги А.Н.Яхонтова (записи заседаний и переписка). — СПб., 1999. — 559 с.
246. Соловьев О.Ф. Обреченный альянс. Заговор империалистов против народов России. 1914–1917 гг. — М., 1986. — 256 с.
247. Сомов А.Г. Взаимоотношения законодательной и исполнительной властей в России // Дискуссионные проблемы Российской истории: Материалы межвуз. науч.-практич. конф. — Арзамас, 1998. — С. 374–377.
248. Сорокина О. Первая мировая война и Россия // История. — М., 2002. — № 12. — С. 5–14; — № 15. — С. 10–12.
249. Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства. — М., 1980. — 226 с.
250. Старцев В.И. Революция и власть. — М., 1978. — 238 с.

251. Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг.: Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия». – Л., 1977. – 272 с.
252. Степанов А. Россия в Первой мировой войне // Свободная мысль. – М., 1994. – № 4. – С. 52–66.
253. Степанов А.И. Россия в Первой мировой войне: Геополитический статус и революционный слом власти. – М., 2000. – 219 с.
254. Степанский А.Д. Общественные организации России на рубеже XIX–XX вв.: Дис. ... д-ра истор. наук. – М., 1982. – 36 с.
255. Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. – СПб., 1994. – 651 с.
256. Струве П.Б. Суд истории // Русская мысль. – М., 1914. – Кн. 8–9.
257. Судацов Н.Д. Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. – М.; Ставрополь, 2001. – 719 с.
258. Суслов А.И. Англо-американская литература о возникновении продовольственного кризиса в России в годы Первой мировой войны // Россия в Первой мировой войне: Тезисы межвуз. науч. конф. 4–5 окт. 1994. – Рязань, 1994. – С. 21–24.
259. Сухомлинов В.А. Воспоминания. – М.; Л., 1926. – 438 с.
260. Сыч А.И. О некоторых социально-психологических последствиях Первой мировой войны // Вопр. истории. – М., 2001. – № 11–12. – С. 109–113.
261. Толстой И.И. Дневник. 1906–1916 гг. – СПб., 1997. – 729 с.
262. Третьяков В.В., Третьяков В.Г. Кадеты Восточной Сибири в 1905–1917 гг. – Иркутск, 1997. – 239 с.
263. Трубецкой С.Е. Минувшее. – М., 1994. – 248 с.
264. Труды съездов военно-промышленных комитетов. 25–27 июля 1915 г. – Пг., 1915.
265. Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 годы. – Тамбов, 2002. – 488 с.
266. Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. – СПб., 1999. – 255 с.
267. Тыркова А. Воспоминания. То, чего больше не будет. – М., 1998. – 560 с.
268. 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. – М., 1997. – 399 с.
269. Тютюкин С.В. Большевики и война // Политические партии и общество в России. 1914–1917 гг. – М., 2000. – С. 33–45.
270. Тютюкин С.В. Первая мировая война и революционные процессы в России: Роль национально-патриотического фактора // Первая мировая война: Пролог XX века. – М., 1998. – С. 242–246.
271. Тянь В.В. Россия на изломе веков: Самодержавный режим на всех системных кризисах (вторая пол. XIX – нач. XX вв.). – М., 2002. – 368 с.

272. Уортман Р. Николай II и образ самодержавия // Реформы или революция? Россия 1861–1917: Материалы междунар. коллоквиума историков. – СПб., 1992. – С. 18–31.
273. Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. – Смоленск, 2000. – 636 с.
274. Уткин А.И. Первая мировая война. – М., 2002. – 672 с.
275. Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны (Совет министров в 1914–1917 гг.). – Л., 1988. – 208 с.
276. Флоринский М.Ф. Ставка Верховного Главнокомандующего и правительство России в начальный период Первой мировой войны (июль 1914 – апрель 1915 гг.) // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер.: История, языкознание, литературоведение. – СПб., 1994. – № 1. – С. 3–12.
277. Хаген М. Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. коллоквиума. – СПб., 1999. – С. 389–405.
278. Хеймсон Л. Исторические корни Февральской революции // Анатомия революции: 1917 год в России: Массы, партии, власть. – СПб., 1994. – С. 20–36.
279. Хеймсон Л. Об истоках революции // Отечественная история. – М., 1993. – № 6. – С. 3–15.
280. Хеймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период от конца Первой мировой войны до Февральской революции // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. коллоквиума. – СПб., 1999. – С. 17–33.
281. Ходиев А.С. «Великая война» в зарубежной историографии: Концепция тотальной войны // Преподавание истории в школе. – М., 2000. – № 10. – С. 16–20.
282. Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: Российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. коллоквиума. – СПб., 1999. – С. 83–101.
283. Червякова М.М. Бунд и общественные организации в годы Первой мировой войны // Общественные организации в политической системе России, 1917–1918 гг.: Материалы конф. – М., 1992. – С. 13–15.
284. Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. – М., 1976. – 316 с.
285. Чернавин В.В. Гибель кадровых русских офицеров // Военно-истор. журнал. – М., 1999. – № 6. – С. 29–33.
286. Черняев В.Ю. Первая мировая война и перспективы демократического преобразования Российской империи // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. коллоквиума. – СПб., 1999. – С. 189–201.

287. Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: В 2 т. – М., 1996. – Т. 1. – 415 с.; Т. 2. – 415 с.
288. Шацлло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. – М., 2000. – 399 с.
289. Шевырин В.М. Н.И. Астров как лидер и историограф Всероссийского союза городов // Россия и современный мир. – М., 2003. – № 3. – С. 203–224.
290. Шевырин В.М. Земский и Городской союзы (1914–1917). – М., 2000. – 63 с.
291. Шевырин В.М. Российская буржуазия в начале XX столетия: Размышления в связи с 80-летием Октябрьской революции // Россия и современный мир. – М., 1997. – Вып. 2 (15). – С. 130–140.
292. Шевырин В.М. Российский либерализм (конец XIX в. – 1917 г.) в англо-американской историографии. – М., 1988. – 51 с.
293. Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. – М., 1996. – 261 с.
294. Шелохаев В.В. Либералы и массы в годы Первой мировой войны // Политические партии и общество в России. 1914–1917 гг. – М., 2000. – С. 77–80.
295. Шелохаев В.В. Николай Виссарионович Некрасов // Вопр. истории. – М., 1998. – № 11–12. – С. 80–96.
296. Шелохаев В.В. Российские либералы в годы Первой мировой войны // Вопр. истории. – М., 1993. – № 8. – С. 27–39.
297. Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы: Материалы междунар. науч. конф., Москва, 27–29 мая 1998 г. – М., 1999. – С. 17–38.
298. Ширинянец А.А. Вне власти и народа: Политическая культура и интеллигенция России XIX–XX вв. – М., 2002. – 358 с.
299. Шляпников А.Г. Канун 1917 года: В 3 т. – М., 1992–1994. – Т.1. – 1992. – 383 с.; Т.2. – 1993. – 496 с.; Т. 3. – 1994. – 687 с.
300. Шубин Н.А. Общественные организации и государственные структуры в Первую мировую войну: Опыт сотрудничества в снабжении фронта // Армагеддон. Актуальные проблемы истории, философии, культурологии. – М., 1999. – Кн. 3. – С. 78–93.
301. Шубин Н.А. Проблема снабжения русской армии в условиях Первой мировой войны: Опыт взаимодействия государства и общественных организаций: Автореф. дис.... канд. ист. наук. – М., 1997. – 25 с.
302. Шубин Н.А. Россия в Первой мировой войне: Историография проблемы (1914–2000). – М., 2001. – 182 с.
303. Шульгин В. Годы. Дни. 1920. – М., 1990. – 832 с.
304. Шульгин В.В. Последний очевидец. – М., 2002. – 588 с.

305. Юрий М.Ф. Историография буржуазных военно-общественных организаций периода Первой мировой войны // Государственные учреждения и общественные организации СССР: Проблемы, факты, исследования: Сб. науч. трудов. – М., 1991. – С. 32–44.
306. Юрий М.Ф. Центральный военно-промышленный комитет. 1915–1917 гг.: Организационное устройство и деятельность. – Черновцы, 1986. – 224 с.
307. Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. – М., 1974. – 240 с.
308. Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. – М., 2003. – 352 с.
309. Яхонтов А.Н. Первый год войны (июль 1914 – июль 1915). Записки, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров // Русское прошлое. – СПб., 1996. – № 7. – С. 245–348.
310. Яхонтов А.Н. Тяжелые дни: Секретные заседания Совета министров, 5 июля – 2 сент. 1915 г. // Архив русской революции. – Берлин, 1926. – Т. 18. – С. 133–135.
311. Astroff N.I. The Municipal Government and the All– Russian Union of Towns / Economic and Social History of the World War / Published for the Carnegie Endowment for International Peace by Yale Univ. Pres. – New Haven, Connecticut, 1929.
312. Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Bible Identity in Late Imperial Russia. – Princeton, 1991.
313. Coopersmith J. [Recensio] // Technology and Culture. – Chicago, 1986. – Vol. 27. – № 2. – P. 311–313. Rec. ad op.: Siegelbaum L. H. The Politics of industrial Mobilization in Russia, 1914–1917: A Study of the War– Industrial Committees. – N.Y., 1983. – 312 p.
314. Emerging Democracy in Late Imperial Russia. Case Studies on Local Self– Government (the Zemstvos), State Duma Elections, the Tsarist Government, and the State Council before and during World War I. – Nevot, Colorado, 1998. – 316 p.
315. Follows T. Politics and the War Effort in Russia: The Union of Zemstvos and the Organization of the Food Supply, 1914 – 1916 // Slav. rev. – Seattle, 1978. – Vol. 37. – № 1. – P. 37–58.
316. Galai Sh. The Kadet Electoral Successes – a Hollow Victory? // Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы: Материалы междунар. науч. конф., Москва 27–29 мая 1998 г. – М., 1999. – С. 279–282.
317. George M. Liberal Opposition in Wartime Russia: A Case Study of the Town and Zemstvo Unions // Slavonic and East European Review. – L., 1987. – № 65. – P. 371–390.
318. Gleason W.E. The All– Russian Union of Towns the Politics of Urban Reform in Tsarist Russia // Russian rev. – Stanford, 1976. – Vol. 35. – № 3. – P. 290–302.
319. Gleason W.E. The All– Russian Union of Zemstvos and World War I // The Zemstvo in Russia. – Cambridge, 1982. – P. 365–382.

320. Hamm M.F. Liberal Politics in Wartime Russia: An Analysis of the Progressive Bloc // *Slavic Review*. – 1974. – V. 33. – № 3. – P. 453–468.
321. Hasegawa Ts. *The February Revolution: Petrograd, 1917*. – Seattle; L., 1981. – XXIII. – 652 p.
322. Katkov G. *Russia 1917: The February Revolution*. – L., 1967. – XXVIII. – 489 p.
323. Matsuzato K. The Fate of Agronomists in Russia: Their Quantative Dynamics from 1911 to 1916 // *The Russian Review*. – 1996. – Vol. 55. – № 2. – P. 172.
324. Matsuzato K. The Role of Zemstvos in the Creation and Collapse of Tsarism's War Efforts during World War One // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – 1998. – № 3. – S. 321–337.
325. Polner T.I. *Russian Local Government during the War and the Union of Zemstvos*. – New Haven, 1930. – XV. – 317 p.
326. *Reform in Russia and the USSR. Past and Prospects*. – Urbana, 1989. – 318 p.
327. Seregni S. Zemstvos, Peasants and Citizenship: The Russian Adult Education Movement and World War I // *Slavic Review*. – 2000. – Vol. 59. – № 2. – P. 290–329.
328. Stockdale M. Russian Liberals and the Contours of Patriotism in the Great War // *Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы: Материалы междунар. науч. конф., Москва 27–29 мая 1998 г.* – М., 1999. – С. 283–292.
329. Stone N. *The Eastern Front. 1914–1917*. – N.Y., 1975. – 348 p.
330. *World War I and the XX Century: Acts of the International Conference of Historians*. – Moscow, 1995. – 255 p.
331. *Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self- Government*. – Cambridge; N.Y., 1982. – 452 p.
332. ГАРФ. Ф. 5913.
333. ОПИ ГИМ. Ф. 31.
334. РГВИА. Ф. 12564.
335. РГВИА. Ф. 12593.
336. ЦИАМ. Ф. 1334.
337. ЦИАМ. Ф. 2263.